Jarosław Wierzbiński

Я

Языковая картина мира: аксиологический потенциал концептов в русско-польском сопоставлении

Językowy obraz świata Aksjologiczny potencjał konceptów w rosyjsko-polskiej konfrontacji

ЛИНГВИСТИКА

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

WYDAWNICTWO UNIWERSYTETU ŁÓDZKIEGO

Языковая картина мира: аксиологический потенциал концептов в русско-польском сопоставлении

Językowy obraz świata
Aksjologiczny potencjał konceptów w rosyjsko-polskiej konfrontacji

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

Jarosław Wierzbiński

Языковая картина мира: аксиологический потенциал концептов в русско-польском сопоставлении

Językowy obraz świata Aksjologiczny potencjał konceptów w rosyjsko-polskiej konfrontacji

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO
Łódź 2020

Jarosław Wierzbiński – Лодзинский университет, Филологический факультет
Институт русистики, 90-236 Лодзь, ул. Поморска 171/173

РЕЦЕНЗЕНТ
Beata Rycielska

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Witold Szczęsny

НАБОР И ВЁРСТКА ТЕКСТА
Munda – Maciej Torz

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
Anna Sońta

ПРОЕКТ ОБЛОЖКИ
Agencja Reklamowa efectoro.pl

В оформлении обложки использован рисунок: © Depositphotos.com/Belish

© Copyright by Jarosław Wierzbiński, Łódź 2020
© Copyright for this edition by Uniwersytet Łódzki, Łódź 2020

Издательство Лодзинского университета
I издание. W.09866.20.0.M

Изд. лист 6,5; печ. лист 7,25

ISBN 978-83-8220-069-0
e-ISBN 978-83-8220-070-6

Издательство Лодзинского университета
90-131 Лодзь, ул. Линдлея 8
www.wydawnictwo.uni.lodz.pl
e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl
tel. 42 665 58 63

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие: предмет исследования и терминологические разыскания 7

ГЛАВА I
Лингвосемиотическое пространство концепта *судьба* в русско-польском сопоставлении 13

ГЛАВА II
Репрезентация концепта *хлеб* в русской и польской лингвокультурах . . . 19

ГЛАВА III
Когнитивно-семантическая репрезентация концепта *дом* в близкородственных языках 31

ГЛАВА IV
Семиотическая модель концепта *мать* в русской и польской лингвокультурах 37

ГЛАВА V
Лексикографический портрет *женщины*. Трансформация концепта . . 51

ГЛАВА VI
Семантико-когнитивный анализ концепта *медведь* в русско-польском пространстве 67

ГЛАВА VII
Социолингвистическое пространство концепта *перестройка* 79

Послесловие: итоговые замечания 95

Библиография 97

Językowy obraz świata: aksjologiczny potencjał konceptów w rosyjsko-polskiej konfrontacji (streszczenie) 107

Language image of the world: axiological potential of concepts in Russian-Polish confrontation (Summary) 111

От редакции об авторе 115

ПРЕДИСЛОВИЕ: ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ

Основной целью данной монографии является изучение аксиологического потенциала важнейших концептов, какими являются понятия *судьба, хлеб, дом, мать, женщина, медведь* и *перестройка*. В двух главах, где рассматриваются концепты *женщина* и *перестройка*, нами проводится аналитический обзор специальных лексикографических разработок по этой тематике. Для указанных концептов выявляются этноспецифические закономерности, которые характеризуют национальные особенности русского и польского народов и их языки.

В научной литературе последних десятилетий достаточно широко используются такие базовые понятия когнитивистики, как *картина мира* и *концепт* (см., напр.: Лосев 1991; Белявская 1994; Кубрякова 1996; Сепир 1997; Стернин, Попова 2006). Изучение языковой картины мира представлено в различных трудах (см. работы: Гачев 1967; Кубрякова и др. 1996; Колшанский 1990; Жидков, Соколов 2003; Бартминьский 2005; Apresjan 1994; Bartmiński 1990; 2006; Grzegorczykowa 1999; Maćkiewicz 1999; Tokarski 2013).

Репрезентантами языковой картины мира являются концепты, в которых хранится коллективная память исторического и культурного прошлого и настоящего того или иного этноса, и поэтому они обладают этнокультурной спецификой. Концепты содержат информацию культуроведческого и лингвоэтнологического характера. Через концепты отражается видение мира в его ценностных ориентирах. Концепты стали предметом пристального внимания многих исследователей (см. труды: Степанов 2004; Карасик 2004; Лопушанская 2003; Крячко 2007; Токарев 2010; Удалых 2010; Wierzbicka 2007).

Отправной точкой для нас является тезис, что концепты являются слагаемыми языковой картины мира. В интерпретации языковой картины мира учитываются коннотативные значения понятий, так как они являются ее существенными фрагментами. Концепты изучаются нами как на основании словарных материалов, так и примеров, взятых из различных источников, в том числе и литературных произведений.

Употребление термина *концепт* связано с развитием когнитивного направления в психологии и языкознании. Из множества толкований этого феномена (см., напр.: Алефиренко 2003) наше понимание концепта близко тому, которое предложил Ю. С. Степанов в своем лексиконе *Константы:*

словарь русской культуры. Подробному толкованию данного термина специально отведена обширная словарная статья (Степанов 2004: 42–83), из которой нами извлекаются следующие положения:

> Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. [...] Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека (Степанов 2004: 43).

Концепты содержат информацию об особенности ментального мира определенного народа, этноса или определенной культуры. С этой точки зрения мы разделяем мнение В.А. Масловой, для которой концепт представляет:

> семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры [...] это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности (Маслова 2007: 47).

Концепты – это своеобразные образы мысли, сопутствующие языковым знакам. Концепты стали предметом познания деятельности человека и кодируются в языке. Можно сказать, что концепт – это своеобразный результат, обобщение столкновения словарного значения с личным и народным опытом.

В научной литературе можно встретить для рассматриваемой картины мира также другие определения: *концептуальная система мира, модель мира, образ мира*. Под термином *картина мира* скрывается представление о мире, отражающемся в человеческом сознании. «Языковая картина мира – это отраженный средствами языка образ сознания – реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком» (Бердникова 2012: 271). В языке, как правило, содержится опыт прежних поколений, отражены стереотипы поведений, закрепленных на протяжении веков, а также интерпретация реальности, проведенной языковым коллективом. Под понятием *языковая картина мира* понимаем:

> совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире (Попова, Стернин 2006: 38).

Языковая картина мира как совокупность знаний о мире, в свою очередь, состоит из национальных картин мира (см., напр.: Корнилов 2001; Гачев 2003). Важно поэтому учитывать и специфику того или иного этноса, в котором свое видение окружающего мира и семантика каждой языковой

единицы носит национальный характер. В этом отношении мы разделяем те положения, которые отметил А. М. Ясин:

> Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, по языку познается характер народа. Проявляясь в культуре, языке, поведении, определенные лексические единицы каждого языка представляют собой менталитет народа, т. е. совокупность его интеллектуальных, идеологических, религиозных, психологических, эстетических и других особенностей мышления (Ясин 2012: 478).

Итак, язык выступает средством репрезентации особенностей менталитета каждого отдельного этноса. Определенные представления и выражения одного языка не совпадают с представлениями и выражениями другого языка, поскольку они заключаются в разных понятийных сетках, накладываемых на окружающую действительность. Образ реального мира отражается в структуре языка. Но поскольку структурное строение языков не одинаковое, то восприятие мира и его понимание тоже своеобразно, т. е. нетождественно и имеет свои отличия. Восприятие мира находится в прямой зависимости от способа мышления, а тот детерминирован системой языка, что подчеркивали в своих разысканиях американские языковеды Эдвард Сепир и Бенджамин Ли Уорф.

Рассмотрим сперва культурологический фактор в понимании языковой картины мира, так как язык теснейшим образом связан с понятием *культура*. Любое явление культуры фиксируется в языке, так как в нем оно получает свою сигнификацию. Итак, язык включен в культуру и его лексические знаки по логике вещей представляют собой культурное образование, возникающее в результате человеческой деятельности. Культура находит свое отображение в языке. Приведенные рассуждения сфокусированы в следующем высказывании А.А. Реформатского: «Язык связан с культурой и немыслим вне культуры, как и культура немыслима без языка» (Реформатский 1967: 8). Это и есть в принципе осознание языка, как фактора культурного наследия.

Итак, связь языка и культуры целесообразно рассматривать в двуединстве как отношения взаимного проникновения. Это значит, что язык является принципиально важным средством выражения культуры и основанием для создания ее ценностей (см.: Алефиренко 2010; Kuszak 2013; Puzynina 1992). О тех Анджей Ситарски констатирует следующее:

> Ценности являются, несомненно, основным критерием духовного развития человека, осознания им факта самого человеческого бытия. Связанные с человеком, они являются движущей силой его действий. Одной из таких ценностей, вне сомнения, является память. Память выступает одним из центральных конструктов языка. [...] В памяти сохраняется прошлое, она оказывает влияние на человека в отношении системы ценностей (Sitarski 2018: 289).

Цитируемый нами исследователь, доказывает свои положения на материале анализа русских и польских фразеологизмов, в которых и вербализован концепт *память* (см.: там же).

В продолжение тех разысканий о памяти, которая не обходится без языка, отметим попутно, что важным звеном, в котором пересекаются и взаимодействуют язык как знаковая система и культура, поскольку в ней язык функционирует, является как раз коммуникативная деятельность человека. Данным вопросом занимались: Fleischer 2002; Filipiak 2009; Nęcki 2000; Zaporowski 2006.

Нелишне будет внести в рассматриваемый нами терминологический аппарат следующие пояснения, так как имеются некоторые различия между понятиями *картина мира* и *языковая картина мира*. Если *картина мира* это ментальное образование, посредством которого называем «отражение мира в сознании, представления человека о мире, информацию о человеке и среде», то *языковая картина мира* толкуется как «информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке» (Гончарова 2012: 397). Эта информация опирается на знания родного языка, его лексической системы и его грамматических и семантических категорий.

Сказанное выше приводит к мысли, что понятие *картина мира* шире по сравнению с понятием *языковая картина мира*, поскольку наличие первой выступает не только я языке, но проявляется и в «жестах, изобразительном искусстве и музыке, ритуалах, вещах, этикете, мимике, модах, способах ведения хозяйства, технологии вещей, в социокультурных стереотипах поведения людей» (Гончарова 2012: 398). Таким образом, понятие *языковая картина мира* базируется на языковых параметрах. Об языковой картине мира говорится как о понятийной структуре, закрепленной в системе данного языка. Эта структура закреплена как в лексических особенностях языка, в смыслах слов, так и в грамматических, а значит и в синтаксических связях и особенностях.

* * *

При восстановлении языковой картины используются разные типы языковых данных, исторические материалы, лингвистические и словарные разработки и другие источники. В книге внедряется комплексный анализ, опирающийся на семантический, онтологический, ономасиологический, когнитивный и культурологический подходы. Полагаем, что предпринятый нами анализ будет способствовать выявлению многих аспектов языковой картины, в том числе советского и постсоветского общества.

В постсоветскую эпоху, т.е. в период перестройки, прежняя система ценностей подверглась пересмотру, чему способствовали демократические

процессы и преобразования. Коренным образом меняется языковая картина по пути переоценки ее прошлого. Нами анализируется деидеологизация советизмов в связи с трансформационными процессами перестроечного взрыва.

В книге частично использован материал, который был представлен нами ранее (см. работы автора в конце книги), однако по сравнению с результатами уже опубликованными, в этой монографии отмечены новые явления, содержатся новые интерпретации и приводятся дополнительные материалы, расширяющие наши многолетние разыскания в этой области.

Итак, в данной книге рассматриваются ключевые понятия в обоих лингвокультурах. Анализируются лингвистические средства выражения указанных концептов. Исследуется их лексическое наполнение в современной языковой картине мира. Определяются способы их вербализации, связанные в частности с контекстуальным окружением этих лексем. Описываются языковые средства их репрезентации на материале самых различных лексикографических источников.

Библиография

Алефиренко Н.Ф. (2003), *Проблемы вербализации концепта*, Волгоград.

Алефиренко Н.Ф. (2010), *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*, Москва.

Бартминьский Е. (2005), *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва.

Белявская Е.Г. (1994), *Когнитивные основания изучения семантики слова*, [в:] *Структуры представления знаний в языке*, Москва.

Бердникова Д.В. (2012), *Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира*, [в:] *Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции)*, ред. Т.В. Соколова, Москва 2012, с. 271–278.

Гачев Г. (2003), *Ментальности народов мира*, Москва.

Гачев Г.Д. (1967), *О национальных картинах мира*, «Народы Азии и Африки», Москва, № 1, с. 77–92.

Гончарова Н.Н. (2012), *Языковая картина мира как объект лингвистического описания*, «Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки», № 2, с. 396–405.

Жидков В.С., Соколов К.Б. (2003), *Искусство и картина мира*, Санкт-Петербург.

Карасик В.И. (2004), *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва.

Колшанский Г.В. (1990), *Объективная картина мира в познании и языке*, Москва.

Корнилов О.А. (2001), *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва.

Крячко В.Б. (2007), *Концептосфера „война" в английской и русской лингвокультурах*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Волгоград.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. (1996), *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва.

Лопушанская С.П. (2003), *Концептуальное ядро русского слова, функционирующего в современном тексте*, [в:] *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр.*, Саратов, с. 259–269.
Лосев А.Ф. (1991), *Философия. Мифология. Культура*, Москва.
Маслова В.А. (2007), *Введение в когнитивную лингвистику*, Москва.
Попова З.Д., Стернин И.А. (2006), *Семантико-когнитивный анализ языка*, Воронеж.
Реформатский А.А. (1967), *Введение в языкознание*, 4-е изд., доп. и испр., Москва.
Сепир Э. (1997), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва.
Смирнова Т.А. (2012), *Языковая картина мира как культурноспецифическое понятие в лингвистике*, «Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Филология. Социальные коммуникации», т. 25, № 1, ч. 1, Симферополь, с. 425–428.
Степанов Ю.С. (2004), *Константы: словарь русской культуры*, Москва.
Стернин И.А., Попова З.Д. (2006), *Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике*, „Respektus Philologicus", № 10, с. 43–51.
Токарев Г.В. (2010), *К вопросу о содержании и типологии концептов культуры*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград, с. 299–302.
Удалых Г.Д. (2010), *Концепты дружба/друг в славянском языковом сознании*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград, с. 303–308.
Яковлева Е.С. (1994), *Фрагменты русской языковой картины мира*, Москва.
Ясин А. М. (2012), *Языковая картина мира и национальный менталитет*, «Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Филология. Социальные коммуникации», т. 25, № 1, ч. 1, Симферополь, с. 465–469.
Apresjan J.D. (1994), *Naiwny obraz świata a leksykografia*, „Etnolingwistyka", t. 6, c. 5–12.
Bartmiński J. (1990), *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [в:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin, c. 109–127.
Filipiak M. (2009), *Homo Communicans. Wprowadzenie do teorii masowego komunikowania*, Lublin.
Fleischer M. (2002), *Teoria kultury i komunikacji*, Wrocław.
Grzegorczykowa R. (1999), *Pojęcie językowego obrazu świata*, [в:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin, c. 39–46.
Kuszak K. (2013), *Przysłowie jako językowy nośnik wartości – perspektywa pedagogiczna*, „Studia Edukacyjne", nr 26, c. 39-62.
Maćkiewicz J. (1999), *Wyspa – językowy obraz wycinka rzeczywistości*, [в:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin, c. 193–206.
Nęcki Z. (2000), *Komunikacja międzyludzka*, Kraków–Kluczbork.
Puzynina J. (1992), *Język wartości*, Warszawa.
Sitarski A. (2018), *Фразеологическая презентация концептуального поля „Память" / „Pamięć" в русском и польском языках*, „Studia Rossica Posnaniensia", t. XLIII, c. 289–295.
Tokarski R. (2013), *Światy za słowami. Wykłady z semantyki leksykalnej*, Lublin.
Wierzbicka A. (2007), *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, przekład I. Duraj-Nowosielska, Warszawa.
Zaporowski A. (2006), *Czy komunikacja międzykulturowa jest możliwa?: strategia kulturoznawcza*, Poznań.

ГЛАВА I

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА *СУДЬБА* В РУССКО-ПОЛЬСКОМ СОПОСТАВЛЕНИИ

Данная тема, как и другие разработки в этой книге, вписывается в общие установки и положения лингвокультурологии и концептологии (см., напр.: Аврамова 2007; Алексеев 2009; Арутюнова 1994; Крейдлин 1994; Карасик 2004; Кубрякова 1996; Колесов 2004; Лосев 1991; Степанов 1997; Стернин, Попова 2006; Удалых 2010; Bartmiński 2006; Wierzbicka 2007).

Основные из этих положений заключаются в следующем:

1. В языке любого этноса отражается концептуальная картина мира с его ценностными приоритетами. Язык расценивается при таком подходе как фактор, моделирующий картину мира. С этой точки зрения мы разделяем идею Сепира-Уорфа, согласно которой индивид видит мир сквозь призму своего родного языка (Сепир 1997).

2. В близкородственных языках принципы структурирования информации о внешнем мире не совпадают. Различия связаны с особенностями репрезентации объективной действительности в этих языках по ряду критериев: исторических, национальных, культурных, социальных, нравственных, религиозных и идеологических.

3. Репрезентантами языковой картины мира являются концепты, которые считаются основным понятием лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика рассматривается как своего рода интерпретирующий подход к различным языковым явлениям (см., напр.: Демьянков 1994).

4. Разыскания в области концептов связаны с усвоением семиотической системы языка, так как в них хранится коллективная память исторического и культурного прошлого того или иного этноса и поэтому они обладают этнокультурной спецификой (см. об этом, напр.: Карасик 2004).

Из многомерной картины мира предметом нашего анализа является для начала концепт *судьба*, его понятийное и семантическое пространство, его языковые манифестации. Данный концепт принадлежит к универсальным, общечеловеческим понятиям и встречается в каждом национальном языке. Языковой базой извлечения знаний об этом концепте являются материалы словарей.

Термин *судьба* толкуется как «стечение обстоятельств и ход жизненных событий, не зависящих от воли человека». Приводятся для него также

другие определения: *участь, доля, жизненный путь* (см.: БТС 2003: 1288; ср.: ОШ 2005: 778).

В словаре Даля *судьба* поясняется как «Участь, жребий, доля, рок, […] предопределение, неминучее в быту земном, пути провидения» (Даль 1980: 4, 356). Большинство из этих определений фиксируется также в синонимических словарях (см., напр.: СС 1975: 565).

Небезынтересны для постижения смысла рассматриваемого термина различные аналитические синтаксические образования, ср.: судьба *кого-то, что-то* преследует, разлучила; судьба *что-то* решила, определила; судьба *кому-то* досталась, но и: судьба *кому-то* улыбнулась, судьба *над кем-то* сжалилась и др.

Кроме того, слово *судьба* входит в состав многих свободных словосочетаний: *трудная, нелегкая, страшная, неумолимая, неотвратимая, роковая, неведомая, жестокая, трагическая,* а также: *счастливая, завидная, интересная судьба*. Ср. также выражения: *жаловаться на судьбу*; *беспокоиться, волноваться за судьбу*; *проклинать, благодарить судьбу*; *покориться, противиться судьбе*.

В словарях приводятся также устойчивые выражения: *волею судьбы (судеб)*; *насмешка судьбы*; *испытания судьбы*; *бросать (бросить) на произвол судьбы*; *суждено судьбой*; *судьба распорядилась*; *от (своей) судьбы не уйдешь*; *судьбы не угадаешь* и др.

По данным примерам можно судить о характерных семантических признаках судьбы для человека. Преобладают отрицательные характеристики: *неизвестная, нежелательная, трагическая, неотвратимая, страшная, горькая*. Положительных признаков меньше, ср.: *светлая, легкая, неповторимая, счастливая*.

Человек может воздействовать на нее следующим образом: *облегчить, молить, дразнить, искушать, проклинать судьбу*. В наиболее общем смысле судьба определяется как «непостижимая предопределенность событий и поступков человека» и с этой точки зрения выступает как противоположность свободе. Таков лексикографический образ слова *судьба*, который является внешней репрезентацией концепта.

Рассмотрим языковое воплощение данного концепта в польском языке, русскому слову *судьба* соответствует в двуязычных русско-польских лексиконах слово *los* и сопутствуют синонимы *przeznaczenie, dola*. Словарная статья сопровождается выражениями: *gorzki los* – горькая судьба, *koleje losu* – превратности судьбы, *kusić los* – искушать судьбу, *rzucić na pastwę losu* – бросить на произвол судьбы, *pogodzić się z losem* – примириться с судьбой, *los prześladuje (kogoś)* – судьба преследует кого-либо (см.: WSPR 1998: 377, ср.: WSRP 2004: 783).

Концепт *los* просматривается через следующие языковые значения: 1. dola, koleje życia, bieg wydarzeń, то есть доля, участь, ход событий (приво-

дятся примеры употребления: Ciężki, zły, marny los. Koleje losu. Skarżyć się na los, przeklinać los. Pogodzić się z losem. Dzielić z kimś los. Walczyć, borykać się z losem); 2. przeznaczenie, fatum, traf, przypadek: Ironia losu. Uśmiech, zrządzenie losu. Dar losu. Kusić, wyzywać los (см.: SJP 1979: 2, 53).

В другом словаре данная лексическая единица фиксируется дважды, получая статус слов-омонимов. Слово *los* толкуется как: bieg, rozwój wydarzeń przytrafiających się w życiu człowiekowi, związanych z czymś; koleje życia, dola: Gorzki, marny, psi, szczęśliwy los. Zmienne losy. Lepszy, gorszy los (SWJP 1998: 1, 468). Его омоним объясняется как: przypadek, traf, zbieg okoliczności; przeznaczenie, fatum: Nieubłagany los. Los płata figle. Kusić los. Igraszka losu. Uśmiech, zrządzenie losu (см.: SWJP 1998: 1, 469). В словаре синонимов польского языка за доминантным словом *los* отмечены: *dola, przeznaczenie, fatum* (SWB 1988: 79).

Таковы словарные смыслы концептов *судьба* и *los*. Однако концепт не является категорией исключительно языковой. Он представляет собой сложное ментальное образование, связанное как с аксиологией, так и с этнокультурной его спецификой. К тому же при изучении концептов неизбежно межкультурное сравнение. В связи со сказанным обратимся к интерпретации *судьбы*, которую предложил польский литературовед и семиотик Ежи Фарыно. Она помещена в 3 томе русско-польско-английского лексикона «Идеи в России». Статью открывает утверждение: «Несмотря на то, что обычно русское слово „судьба" переводится польским *los*, это два принципиально разных понятия» (LRPA 2000: 3, 460). Данная мысль затем поясняется:

> *Los* даже в персонифицированном смысле и вне субъекта оставляет субъекту своего рода „вольную волю" [...]. Судьба же такой „вольной воли" не предусматривает. Судьбе надо подчиниться и „покориться". В трактовке „вольной воли" в аспекте „судьбы" и *losu* заключены принципиальные различия между православной и католической позициями, русским и западным подходами к этому вопросу. Более того, „судьба" в известной степени предопределена, охватывает жизнь человека как единое целое и в общих чертах может рассматриваться как назначенный жизненный путь. „Судьба", понимаемая как „Божие предназначение", связана с „высшим смыслом", бывает „испытанием человека" и в конечном итоге ведет к оправданию и одобрению как всякого рода несчастий (включая исторические катаклизмы), так и подвигов [...]. Зато не вполне доброжелательно воспринимаются попытки изменения своей „судьбы". Очевидно, не без оснований: при таком понимании „судьбы" любые попытки противостояния ей должны ассоциироваться с богоборческой позицией. Обычно так это и есть. Наверняка не случайно, что все исторические бунты в России, включая Октябрьскую революцию, с одной стороны, активизировали антирелигиозные позиции и действия, а с другой – проходили под лозунгами священной миссии (LRPA 2000: 3, 460).

Статью завершает итоговая фраза:

> Поэтому если в разных дискурсах речь идет о „судьбе России" или „пути России", вопрос касается не только истории, а, прежде всего, „предназначения/миссии" России. Выяснение этих проблем сводится к вопросу мистического „предназначения" (LRPA 2000: 3, 460–462).

Итак, в концептах суммируются различные идеи этноса, в их структуре своеобразно преломляются ментальные особенности и традиция этноса. Концепты содержат в своем пространстве народные стереотипы и культурную информацию о картине мира. Они выполняют функцию особенных знаков культуры, обладая своей историей и ценностными принципами, и мотивируются историческими и культурными событиями. В пространство концепта входят все возможные значения слова, его смысловой образ и ассоциативный комплекс.

Таково когнитивно-семантическое описание пространства того фрагмента русской языковой картины мира, который хранится в концепте *судьба*. Судьба обозначает, с одной стороны, высшую силу господствующую над человеком, с другой же – жизнь человека, которая поворачивается различными сторонами. Данный концепт вызывает в сознании ряд ассоциаций. У основ языковой картины мира лежат как языковые средства, так и другие признаки: исторические, культурные, социально-бытовые, географические, политические, религиозные.

Таков подход русских к действительности, таковы их жизненные приоритеты. Русские более терпеливо и покорно по сравнению с поляками подчиняются судьбе и готовы ждать того, что им предназначено. Жизненная установка обыкновенного русского человека состоит в том, что от своей судьбы никто не уйдет, она распоряжается жизнью и смертью. Иногда человек противится своей судьбе, искушает ее, но в конечном итоге и так вынужден ей покориться. Не случайно русские говорят: Свою судьбу конем не объедешь.

Данный концепт относится к числу важнейших концептов как для русского, так и польского сознания, хотя он может быть охарактеризован как универсальный, так как присущ разным этносам. Он составляет ядро языкового сознания самых различных наций. И тем не менее в языковом сознании обоих народов, рассмотренных нами в этой главе, складывается весьма своеобразный аксиологический образ человеческой судьбы.

Принятые сокращения названий словарей

БТС 2003 – *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003.

Даль 1980 – Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 4, Москва 1980.

ОШ 2005 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 2005.

CC 1975 – *Словарь синонимов: справочное пособие*, ред. А.П. Евгеньева, Ленинград 1975.
LRPA 2000 – *Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia: leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, t. 3, red. A. de Lazari, Łódź 2000, c. 460–462.
SJP 1979 – *Słownik języka polskiego*, t. 2, red. M. Szymczak, Warszawa 1979.
SWB 1988 – *Słownik wyrazów bliskoznacznych*, red. S. Skorupka, Warszawa 1988.
SWJP 1998 – *Słownik współczesnego języka polskiego*, t. 1, red. B. Dunaj, Warszawa 1998.
WSPR 1998 – Hessen D., *Wielki słownik polsko-rosyjski*, Warszawa 1998.
WSRP 2004 – *Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim*, red. J. Wawrzyńczyk, Warszawa 2004.

Библиография

Аврамова В. (2007), *Лингвокультурология*, Шумен.
Алексеев А.В. (2009), *Концепт «терпимость» в историческом аспекте*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 8, т. 1, Москва, с. 179–183.
Арутюнова Н.Д. (1994), *Загадки судьбы*, [в:] Н.Д. Арутюнова, *Знак: сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журинского*, Москва, с. 8–27.
Бартминьский Е. (2005), *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва.
Вежбицкая А. (2001), *Понимание культур через посредство ключевых слов*, Москва.
Демьянков В.З. (1994), *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*, «Вопросы языкознания», № 4, с. 17–33.
Карасик В.И. (2004), *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва.
Колесов В.В. (2004), *Язык и ментальность*, Санкт-Петербург.
Крейдлин Г.Е. (1994), *Понятие судьбы в контексте разных культур*, Москва.
Кубрякова Е.С. (1996), *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва.
Лосев А.Ф. (1991), *Философия. Мифология. Культура*, Москва.
Сепир Э. (1997), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва.
Степанов Ю.С. (1997), *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.
Стернин И.А., Попова З.Д. (2006), *Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике*, „Respektus Philologicus" 10, с. 43–51.
Удалых Г.Д. (2010), *Концепты дружба/друг в славянском языковом сознании*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград, с. 303–308.
Bartmiński J. (2006), *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin.
Faryno J. (2000), *Судьба/Los/Fate*, [в:] *Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia: leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, t. 3, red. A. de Lazari, Łódź, c. 460–462.
Wierzbicka A., *Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka*, [в:] A. Wierzbicka, *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, Warszawa, c. 16–34.

ГЛАВА II

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ХЛЕБ* В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В русской, как и в польской, а также других славянских семиотических системах языка, одним из важнейших является концепт *хлеба*. Основным языковым источником извлечения знаний об этом концепте являются для нас материалы словарей.

Ю.С. Степанов в своем словаре констант отмечает, что «слово *хлеб*, др.-рус. *хлебъ* в русском языке заимствовано из готского – hlaifs» (Степанов 1997: 312). Исследователь приводит эволюционный семиотический ряд «хлеба»: во-первых, «жидкий хлеб, род каши или похлебки из муки какого-либо съедобного злака»; во-вторых, «пресный (недрожжевой) печеный хлеб» и, в-третьих, «дрожжевой печеный хлеб» (там же). Это своеобразные виды хлеба, которые имеют свои названия. Итак,

> Др.-рус. *борошъно*, ст.-сл. *брашьно* (прасл. *borsьno) означало жидкий хлеб, собственно – муку, замешанную на воде. […] Пресный, недрожжевой печеный хлеб обозначался производными от корня *прссесн-* «некислый, без закваски», позднее «без дрожжей». […] Для понятия «печеный, непресный (т.е. дрожжевой или иным образом заквашенный) хлеб» в древнерусском языке, по-видимому, нет специального слова, кроме слова *хлебъ* (Степанов 1997: 312–314).

Степанов поясняет, что:

> слово «хлеб» в восточнославянской и древнерусской культурах мы должны понимать так: «ржаной дрожжевой (или иным образом заквашенный) хлеб, выпеченный в виде каравая» (в противопоставлении «жидкому хлебу» – «брашьну» и бездрожжевому, незаквашенному хлебу – «пресному»). Именно для этого значения и было заимствовано готское слово (Степанов 1997: 315).

Исследователь подчеркивает следующее:

> как концепт, «Хлеб» надо понимать в его первом значении – «главный пищевой продукт человека, из муки пшеницы или ржи» (Степанов 1997: 311).
>
> Хлеб, «хлебушко» – в теперешней России все еще, как и в старые времена, основной продукт питания (Степанов 1997: 310).

Толковые словари по-разному отмечают систему значений слова *хлеб*. В.И. Даль учитывал последовательность развития значений данного слова, поэтому в его словаре порядок расположения семем для слова *хлеб* следующий:

первое значение – «колосовые растения с мучнистыми зернами, коими человек питается и коих посев и жатва основа сельского хозяйства», которое проиллюстрировано примерами употребления: «*хлеб на ниве, в поле, хлеб на корню*»;

второе значение – «Растенье это в снопах, копнах, кладях, снятое уже с поля, или чистое зерно его, вымолоченное»;

третье значение – «Мучное печенье из кислого теста, *печеный хлеб*, готовый на пищу. *Хлеб не взошел, не выпечен, с закалом*. || *Хлеб* черный, ржаной, а пшеничный: белый, калач, пирог, булка и пр.»;

четвертое значение – «Всякая пища человека, харчи, продовольствие. *Заработать на хлеб. Жить на своих, на хозяйских хлебах*»;

пятое значение – «Все вообще насущное, житейские потребности. *Дать кому хлеб* – обеспечить доход. *Отнять у кого хлеб*, лишить места или промысла, способов жизни» (Даль 1980: 4, 552).

В словаре под ред. Д.Н. Ушакова приводятся те же значения, однако они расположены по принципу их актуальности (см.: ТСУ 1940: 4, 1149–1150). В академических словарях (БАС, МАС, БТС) последовательно учитывается актуальность значений. Итак, к примеру, в МАС первым приводится значение: «*только ед. ч.* Пищевой продукт, выпекаемый из муки. *Пеклеванный хлеб. Ржаной хлеб. Пшеничный хлеб* (из пшеничной муки). *Черный хлеб* (из ржаной муки)». Приводятся также оттенки значения: «|| (*мн.* хлебы). Такой продукт в виде изделия какой-л. определенной формы. *Формовые хлебы. Круглый хлеб*. || *обычно мн. ч.* (хлебы). Тесто, приготавливаемое для выпечки. *Замесить хлебы*».

Вторым отмечено значение: «*только ед. ч.* Зерно, из которого приготовляется мука, идущая на выпечку такого продукта. *Везти хлеб на элеваторы*. || *обычно мн. ч.* (хлеба). Зерновые (рожь, пшеница и т.п.) на корню. *Озимые хлеба*».

Третье значение: «(*мн.* хлеба) *перен. Разг.* Пища, пропитание».

Четвертое значение: «*перен.; только ед. ч. Разг.* Средства к существованию» (МАС 1984: 4, 601).

Актуальность значений положена также в основу словарной статьи в лексиконе С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ОШ 2005: 862–863).

Таков лексикографический образ русского слова *хлеб*, который является существенной репрезентацией концепта. Между отмеченными значениями слова *хлеб* прослеживаются определенные отношения. Одни из этих значений метонимического характера, где название целого (растение) переносится на его часть (зерно), а также название материала (зерно, мука) переносится на название изделия. Другие же значения метафорического характера,

поскольку слово наделяется переносным значением «пища», а также значением «средство к существованию, заработок».

Концепт *хлеба* богато проиллюстрирован в словарях различными изречениями. В упомянутом уже словаре Даля их свыше ста, ср. некоторые из них:

> *Хлеб всему голова / Худ обед, коли хлеба нет / Без хлеба не обед / Не будет хлеба, не будет и обеда / Плевать на обед, коли хлеба нет / Без хлеба на воде ноги жидки / Надо хлеба и на после обеда / Невпору и обед, как хлеба в дому нет! / Как хлеб да квас, так и все у нас / Покуда есть хлеб да вода, все не беда / Хлеб да вода блаженная еда / Хлеб батюшка, водица матушка / Хлеб в пути не тягость / Голодной куме хлеб на уме / Без хлеба святого все приестса / Калач приестса, а хлеб никогда / Не твой хлеб кушаю, не твои речи слушаю / Не пиры пировать, коли хлеба засевать* (Даль 1980: 4, 552).

Исключительная роль хлеба в жизни человека образно представлена в паремиях типа:

> *Хлеба ни куска, так и в тереме тоска; а хлеба край, так и под елью рай / Хлеб на стол, и стол престол; а хлеба ни куска – и стол доска! / Хлеб да вода, крестьянская (бурлацкая, казацкая, солдатская, мужицкая) еда /* (там же).

Из примеров следует, что отдельные паремии имеют форму стихотворного микротекста, ср. также: *У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко*.

Паремиологический материал Даль собрал специально в двухтомном словаре пословиц, где они представлены в тематических разрядах: Вера – Грех, Судьба – Терпение – Надежда, Счастье – Удача, Богатство – Убожество, Богатство – Достаток, Радость – Горе и т.д. (см.: Даль 1989). В нем мы обнаруживаем уже приведенные паремии, а также другие, напр. в I томе:

> *Хлеб с водою, да не пирог с лихвою / Дорог хлеб, коли денег нет* (с. 69); *Дожили до клюки, что ни хлеба, ни муки / Дожили до мату: ни хлеба, ни табаку* (с. 71); *Хлеба ни куска, а детинка без уска / Хлеб да вода – здоровая еда* (с. 75),

во II же томе представлены:

> *Хлеб-соль да камень за пазухой носи / Надо хлеба и на после обеда* (с. 3); *Ешь пироги, а хлеб вперед береги!* (с. 4).

Уже сам перечень паремиологических изречений со словом *хлеб* свидетельствует о том, что хлеб не только продукт питания, но и основной, жизненно важный и необходимый для существования человека компонент, поэтому он символизирует и пищу вообще, и заработок, и человеческую судьбу, долю и т.п.

В контексте наших разысканий внимания заслуживают также однокорневые лексемы, произведенные от слова *хлеб*. Они достаточно широко представлены в тех же толковых словарях, что свидетельствует об их словообразовательной активности. У Даля словарная статья заканчивается характеристикой таких слов, напр.:

> *Хлебенный* и *хлебный* – ко хлебу относящийся; *Хлебный год* – урожайный; *Хлебный амбар*; *Хлебный посев. У этого дела хлебно жить* – выгодно, доходно. *Хлебенная, хлебная* или *хлебня* – хлебопекарня, заведение, где печется, а иногда и продается хлеб. *Хлебистый мужик* – с хорошим запасом хлеба. *Хлебенное, хлебенье* – всякого рода мучное печенье, пироги и пирожное. *Хлебник, хлебница* – кто печет и продает хлеб. *Хлебарь* – хлебник, хлебопек. *Хлебничать* – промышлять хлебопеченьем. *Хлебопашество* – земледелие, обработка земли, посев, жатва, молотьба. *Хлебопашец* – мужик, крестьянин, земледел, земледелец, селянин, пахарь. *Хлебопашествовать, хлебопашничать* – земледельничать. *Хлебопекарня, хлебопёкня* – заведенье для хлебопеченья. *Хлебопекарь, хлебопёк* или *хлебопечец* – кто месит, ставит и печет хлеб, хлебник. *Хлебопродавец, хлебопродавица* – хлебник, или разнощик от него; а также торгующий зерновым хлебом, хлеботорговец. *Хлебородный год* – урожайный. *Хлеб-соль, хлебосоль* – обед, стол, пища, предлагаемая посетителю, и угощенье. *Хлеба ни куска, так и в горле тоска. Хлеб-соль да камень за пазухой носи. Хлеб-соль!* или *хлеб да соль!* – пожеланье, привет вошедшего в избу во время обеда; ответ: *просим! Хлебосольство* – радушное угощенье, готовность принимать у себя гостей, угощать их, держать открытый стол и давать званые обеды (Даль 1980: 4, 553).

Небезынтересно то обстоятельство, что в современной однотомной версии Далева словаря, составленного Е. Грушко и Ю. Медведевым, выпущенного в Москве в 2000 году под названием *Толковый словарь русского языка*, вся эта иллюстративная часть словарной статьи *хлеб* почти пропущена, что значительно обедняет подлинник. Достаточно отметить по этому поводу, что в Далевом лексиконе словарная статья занимает почти 4 столбца мелким шрифтом, тогда как ее объем в современной версии сводится лишь к половине столбца (см.: Грушко, Медведев 2000: 694).

Вернемся после этого экскурса к вопросу о производных возможностях слова *хлеб*. В ТСУ указывается, какие из производных слов устарели и какие слова появились в русском языке после Октябрьской революции. Первые даются с пометой „устар.": *хлебник, хлебница* – тот кто печет и продает хлеб; *хлебничать* – заниматься выпечкой хлеба на продажу. Вторые имеют помету „нов.", напр.: *хлебозавод, хлебозаготовитель, хлебопродукты, хлебоуборка, хлебоуборочный*... (ТСУ 1940: 4, 1150–1152).

Указанные слова, имеющие в ТСУ помету „новое", в МАС приводятся без такой пометы. МАС отмечает еще такие новые слова: *хлебозакупки* и *хлебопоставки*, которые отсутствуют в ТСУ (МАС 1984: 4, 602 и 603).

Рассмотрим теперь языковое воплощение данного концепта, его концептуальную нагрузку в польском языке.

В лексиконе польского языка словарную статью *chleb* открывает следующее определение: «pieczywo z mąki i wody na drożdżach lub na zakwasie, wyrobione w bochenki; bochenek takiego pieczywa» (SJP 1978: 1, 259). Данное толкование проиллюстрировано рядом примеров:

> *Chleb biały, czarny, przenny, żytni, pytlowy. Chleb świeży, czerstwy, wypieczony. Chleb z marmoladą. Kromka, skiba, pajda chleba. Bochenek chleba. Skórka (od) chleba. Rozczyniać, miesić, wygniatać, piec, krajać, smarować chleb. Wsadzić chleb do pieca. Kupić chleb (określoną ilość) albo kupić chleba (trochę). Kupić dwa chleby razowe i jeden sitkowy* (там же).

В дальнейшем приводятся типичные словосочетания со словом *chleb*, фразеологические выражения и пословицы. Переносное значение толкуется как «byt, utrzymanie, zarobek, praca» и поясняется выражениями: «Odbierać komuś chleb / Pracować, zarabiać na chleb, na kawałek chleba / Robić coś dla chleba / Stracić, znaleźć chleb / Wędrować za chlebem, szukać chleba / Żyć, być na czyimś, na własnym chlebie». За этими примерами и различными фразеологизмами отмечено еще одно переносное значение: «zboże» с пометой *rzad.*, т.е. оно встречается, употребляется в польском языке редко, ср.: «Uprawiać rolę pod chleb» (там же).

Концептуальный статус слова *хлеб*, его переносные значения отражены в следующих изречениях:

> *Robić coś dla chleba / Szukać chleba za granicą / Pozbawić kogoś chleba / Być bez chleba / Żyć na łaskawym chlebie / Ciężki/lekki kawałek chleba / Mieć zapewniony chleb / Pójść na swój chleb / Siedzieć o chlebie i wodzie* (см. толкование слова в лексиконах: SWJP 1998: 1, 103; SJP 1978: 1, 259–260; SPP 1965: 101).

Приведенные дефиниции и примеры изречений позволяют обнаружить тесный параллелизм в смысловой структуре русского *хлеб* и польского *chleb*. Эти отношения четко продемонстрированы в двуязычных словниках. В *Большом русско-польском словаре* (WSRP) они выстраиваются следующим образом:

> хлеб. 1. chleb; pieczywo пшеничный (ржаной) хлеб chleb przenny (żytni); белый (черный) хлеб biały (czarny, ciemny, razowy) chleb; ситный хлеб chleb sitkowy; черствый хлеб czerstwy chleb; домашний хлеб chleb domowego wypieku; свежий (мягкий) хлеб świeże pieczywo, 2. (*продукт в виде изделия определенной формы*) chleb; bochenek; круглый хлеб okrągły bochenek: формовой хлеб chleb z formy; ставить хлебы в печь wsadzać chleb do pieca; 3 (*зерно*) zboże; заготовка хлеба skup zboża; ссыпать хлеб в закрома zsypać ziarno do sąsieków; 4. (*хлебный злак*) zboże; озимые (яровые) хлеба zboża ozime (jare); хлеб на корню zboże na pniu;

уборка хлеба sprzęt (zbiór) zboża; 5. *przen. pot. (пища)* wikt;6. *przen. pot. (средства к существованию)* chleb, utrzymanie (заработать на хлеб zapracować na chleb) (WSRP 1993: 2, 700).

В конце статьи отмечены также фразеологические выражения: «на чужих хлебах na łaskawym chlebie; перебиваться с хлеба на квас żyć (siedzieć) o chlebie i wodzie» (WSRP 1993: 2, 700).

Вполне репрезентативный в этом словаре список производных слов и их польских соответствий, ср.:

хлебец – chlebek, хлебница – tacka (koszyk) na chleb, хлебный – chlebowy, хлебобулочный – piekarski, piekarniczy, хлебозавод – piekarnia mechaniczna, хлебозаготовки – dostawy (skup) zboża, хлебозакупки – skup zboża, хлебопашество – uprawa roli, хлебопашец – rolnik, хлебопёк – piekarz, хлебопекарня – piekarnia, хлебопечение – wypiek chleba;piekarnictwo, хлебопродукты – przetwory zbożowe, хлеборезка – krajarka (krajalnica) chleba, хлебороб – rolnik, хлебосольный – gościnny, хлебоуборка – sprzęt zboża (WSRP 1993: 2, 700–701).

В изречениях о хлебе появляется отнесение к Богу и его творениям, напр.: *Бог на стене, хлеб на столе / Дай Бог покой, да хлеб святой / Хлеб – дар Божий, отец, кормилец*. Мотив хлеба воспроизводится в повседневной молитве, ср.: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь – Chleba naszego powszedniego, daj nam dzisiaj.* Он упоминается в связи с библейскими сюжетами, напр.: *Хлеб да мякина – Самсона сила*. С хлебом связаны имена святых Бориса и Глеба: *Борис и Глеб сеют хлеб. Борис и Глеб – поспел хлеб* (24 июля). Итак, с хлебом связано божественное, сакральное начало. В христианском мире ему отводится символическое значение. Он расценивается как Божий дар.

Хлеб вписывается в обрядность. Взять, к примеру, свадебный обряд, когда молодоженов после венчания родители встречают у входа в свадебный дом хлебом и солью. Традиция встречать гостей хлебом и солью передается из поколения в поколение и соблюдается также в наше время. Она состоит в преподнесении знатному гостю на расшитом полотенце круглого хлеба с солью посередине. Гость отламывает кусочек хлеба, опускает в соль и съедает. Такой обряд встречается не только в русской, но и в других славянских традициях.

Христианская, религиозная обрядность также не обходится без символического значения хлеба. В таинстве Святого Причастия католиками и протестантами употребляется облатка, т.е. небольшая круглая лепешка из пресного теста, которая в христианской традиции пресуществляется во время Евхаристии в Тело и Кровь Христову. В православном богослужении употребляется соответственно белый хлебец особой формы, т.е. просфора. В иудаизме пресный хлеб употребляется на Пасху.

В культурной традиции многих народов хлеб считался священной пищей, которая использовалась при определенных религиозных обрядах. Восточные народы, давая клятву, держали в руках священную книгу и съедали кусочек хлеба-лепёшки, круглая форма которой была символом солнца, а следовательно и символом жизни. В древнем Египте хлебу также отводили особое значение и египтяне жертвовали его богам в качестве подношения. В славянской традиции считалось, что хлеб является символом взаимного обмена между божеством и людьми, а также связью поколений. Славянские народы хранили хлеб на столе в красном углу, а также перед иконами в знак верности Богу. Они считали, что в ответ Бог заботится о благосостоянии семьи. Было принято хлебом провожать на фронт и встречать солдат с войны, а также поминать с хлебом умерших.

Хлебу отводятся особые свойства и качества, изначально не свойственные ему, напр.: *Хлеб греет, не шуба*. С хлебом связаны различные суеверия, приметы, поверия и мифы, ср.:

> Хлеб или ложка за обедом выпадет – гость спешит / Когда хлеб печется, не мети избы: спорынью выметешь / Хлеб в печи раздвоился – к отлучке одного из семьян / Поколе хлеб в печи, не садись на печь, испортится / Кто плесневой хлеб ест, хорошо плавать будет и не станет бояться грозы / Когда один хлеб вынуть раньше прочих и разрезать его, то все хлебы испортятся (Даль 1980: 4, 552).

Хлеб считался самым главным угощением в каждом доме и к нему проявляли особое уважение. С его помощью можно было предугадать ход некоторых событий и даже привлечь в дом успех и благополучие, о чем свидетельствуют многие другие приметы и изречения, напр.:

> Гостям в знак уважения в первую очередь нужно подавать хлеб / Надо есть любой хлеб, и тогда жизнь будет складываться благополучно / Хлеб, испеченный в канун Рождества, долго будет оставаться свежим / Найти в духовке четыре соединенных буханки – примета к свадьбе / Вынутая из печи буханка сломалась – примета к незнакомцу / Даже хлебные крошки имеют особую ценность – тот, кто съедает их до конца, будет богат / Чтобы удачно испечь хлеб, женщины, сажая его в печку, должны были приподнять подол со словами *Подымайся выше* / Считается, что четное количество хлеба принесет в дом удачу и из дома в ближайшее время никто не уйдет, т.е. если хотите порадовать хозяев, отправляясь в гости, покупайте и дарите хлеб или выпечку только в четном количестве / При хлебе на столе должны постоянно лежать соль и хлебный нож, которые предназначены только для хлеба. Если хлебный нож нужно убрать или унести со стола, то вместе с ним со стола нужно убрать и хлеб с солью (http://hlebstol.ru/signs-and-customs [14.03.2020]).

Существуют также общие для народов мира приметы обращения с хлебом. Итак, например, у казахов встречается правило: тот, кто отправляется

в дальнюю дорогу, перед выходом из дома должен съесть кусок хлеба. Считается, что тогда человека в пути будут хранить высшие силы. Однако, вернувшись домой, он должен в знак уважения доесть оставшийся хлеб.

Раньше считалось, что хлеб не только дарит силы, но также способствует гармонии во всех сферах человеческой жизни. Поэтому, любое важное событие начиналось преломлением хлеба главой семьи, а потом всеми остальными.

Известна примета, что если одновременно преломят хлеб двое людей, а потом съедят его то они станут хорошими друзьями. И отсюда выражение *Я с ним кусок хлеба съел*, что отражает близость и доверительные отношения между людьми.

Поверия и приметы с этим компонентом являются предметом пристальных научных разысканий. Они представлены в новейшей монографии Петра Червинского, в которой получили всестороннее и разноплановое толкование. Взять, к примеру, изречения *Хлеб не выпекается, сырым остается – к разлуке или разорению* или *Хлеб в печи раздвоился – к отъезду кого-то из домочадцев*, которые автор рассматривает как предсказание и символ воздействия неких скрытых сил (Червинский 2020).

По традиции без хлеба не обходится ни одно значимое событие – праздник или самое обычное угощение. В этом отношении у каждого этноса свои особенности, но немало также общих моментов и параллелей. Убеждают в этом различные фразеологизмы, которые приводятся нами в дальнейшем по двухтомному «Русско-польскому фразеологическому словарю» С. Кароляка (SFRP 1998).

Итак, взять, к примеру, выражение *легкий хлеб* и его польский эквивалент *lekki chleb.* Данное выражение связано с усилиями, какие необходимы при добыче хлеба, т.е. оно обусловлено характером труда. Фраза применима к тем, кто добивается желаемых результатов без тяжелого труда. Это значит, что средства к существованию достаются ему без особых усилий. В приведенных выражениях прослеживается полная эквивалентность как в структурном, так и смысловом плане (SFRP 1998: 2, 1289). Она налицо и в случае сравниваемых фразеологизмов *жить не хлебом единым* и *żyć nie samym chlebem* (SFRP 1998: 1, 358). По структуре и семантике они совпадают, обозначая, что человеку для полного счастья недостаточно лишь материальных благ, так как ему необходимо для этого также духовное, моральное удовлетворение.

Характер эквивалентности может меняться как, к примеру, в случае выражений *есть чужой хлеб* (SFRP 1998: 1, 348) или *жить на хлебах чужих* (SFRP 1998: 1, 357), для которых польскими соответствиями являются фразеологизмы *jeść łaskawy chleb* и *żyć na łaskawym chlebie*. На языковом уровне они различаются лексемами *чужой* и *łaskawy*, хотя общий смысл от этого не меняется: они обозначают проживание за чужой счет.

Имеются также фразеологизмы, которых эквиваленты на польском языке полностью не совпадают с эквивалентами на русском языке. Примером

может послужить выражение *хлеб да соль (хлеб-соль)*. Оно связано со славянской традицией и означает уважение к гостям, являясь показателем гостеприимства в России и толкуется, как пожелание хорошего аппетита и приветствие тем, кого мы застали за едой. Польским эквивалентом ему является пожелание *smacznego* (SFRP 1998: 2, 1289).

Очередным примером фразеологизма с компонентом *хлеб-соль* является выражение *забывать/забыть хлеб-соль*. Он также восходит к славянской традиции и в переносном смысле означает пренебрежение и неуважение по отношению к тем, кому ты обязан – своим близким, родным, знакомым или другим добродетелям. Другими словами: быть неблагодарным по отношению к человеку, который оказывал тебе помощь, проявлял к нам заботу. В словаре С. Кароляка приводится польский эквивалент *odpłacać/odpłacić komuś czarną niewdzięcznością*, который передает тот же смысл, однако компонентным составом полностью отличается от русского выражения (SFRP 1998: 1, 364).

Похожая картина и с фразеологизмом *перебиваться с хлеба на квас*. В цитируемом словаре С. Кароляк приводит следующий эквивалент на польском языке – *z trudem wiązać koniec z końcem*; *przymierać głodem* (SFRP 1998: 2, 720). При смысловом тождестве, т. е. жить очень бедно, терпеть нужду, с трудом сводить концы с концами, отмеченные выражения различны по форме.

Небезынтересны также пословичные изречения с компонентом *хлеб*, которые проиллюстрированы в словаре Р. Стыпулы „Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski" (SPRPiPR 1974). Их выборочный анализ начнем с примеров, в которых прослеживается полная эквивалентность. Она заметна в соотносимых изречениях *Был бы хлеб, а зубы найдутся (сыщутся)* – *Gdzie chleb, tam i zęby się znajdą* (с. 21), т. е. подходящие условия и возможности предопределяют соответствующие поступки. Русское изречение может передаваться двумя польскими вариантами, ср.: *Чей хлеб-соль ешь, того и песенку поешь – Kto czyj chleb je, tego piosenkę śpiewa* и *Czyj chleb jesz, temu kadź* (с. 244).

Иначе обстоит дело в случае пословичных выражений *Хлеб за брюхом не ходит, а брюхо за хлебом – Koń żłobu, nie żłób konia szuka* (с. 236), где одинаковый смысл о необходимости проявления инициативы, чтобы добиться желаемого, в обоих языках получает свое лексическое оформление. В этом плане внимания заслуживают соотносительные пословицы *С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь – Kto z kim przestaje, takim się staje* (с. 379). Эти пословицы не похожи по форме, хотя передают тот же смысл: люди, которые регулярно общаются начинают перенимать привычки и манеры друг у друга.

Таковы результаты вербализации концепта *хлеб* в словарном представлении и в культурологическом плане. Однако лингвосемиотические особенности ключевого слова не исчерпываются словарными смыслами и определениями, а также приведенными нами характеристиками. В прошлом хлеб

использовался в политических лозунгах. Древние римляне требовали «хлеба и зрелищ». В первые годы СССР был популярен лозунг: *Даешь хлеб!*

Слово *хлеб* используется в ряде произведений литературы. Название *Хлеб* имеет повесть А.Н. Толстого. Это документальное произведение, в котором воспроизводится поход ворошиловской армии и героическая оборона Царицына (сегодня Волгоград) в годы гражданской войны. Город имел стратегическое значение, так как обеспечивал единственную связь с «хлебной житницей» России. Поэтому хлебу в контексте угрожающего всеобщего голода отводится в повести особое и символическое значение. Хлеб является своего рода культурным фоном повествования в повести *Один день Ивана Денисовича* А. И. Солженицына, в котором прозвучала фраза *Хлеб – это жизнь!* Писатель показал Ивана Денисовича, который борется за кусок хлеба, являющийся для героя самым ценным. М.А. Шолохов в своем рассказе *Алешкино сердце* из сборника *Донские рассказы* описал голод и показал цену хлеба и человеческой жизни. Хлеб в рассказе становится очень дорогим продуктом, он дороже жизни, причем под хлебом автор подразумевает любую еду. Мотив хлеба появляется также в рассказе В. Ф. Тендрякова *Хлеб для собаки*. В нем главным героем является мальчик, который кормит хлебом собаку, потому что ему совестно и стыдно быть сытым, когда люди умирают от голода. Таким образом мальчик пытается загладить чувство вины, так как не смог помочь людям.

Бесценная роль хлеба осмысливается в контексте ряда этнокультурных показателей, исторических событий и фактов, особенно происходящих в 30-е годы XX столетия в связи с голодом в русской деревне и на Украине. Военные и послевоенные годы также отразились на этой исключительной значимости хлеба. Хлеб стал центральным объектом изобразительного искусства, чему примеры можно найти в картинах Ильи Машкова: *Снедь московская. Хлебы* с 1924 г. и *Советские хлебы* с 1936 г., ставшие советской символикой тех лет. Вписывается в этот художественный ряд и картина Т. Яблонской *Хлеб*, выполненная в 1949 г., за которую автор получила Сталинскую премию (картина находится в фондах Третьяковской галереи).

Значительна также символика хлеба в польском этносе. Не одна волна поляков именно за хлебом эмигрировала за границу, особенно в США. Годы войны усугубили эту картину. Географическое пространство в поисках средств для жизни расширилось. Во время трансформации государственного строя, а также в условиях глобального кризиса и безработицы, за хлебом, т. е. за заработком из Польши эмигрировала в основном молодежь в Германию, Ирландию и другие страны.

К хлебу всегда относились с большим почтением, поскольку он источник богатства, благополучия, а также личного и семейного счастья. Как сказано в одной пословице: *За хлебом все добро*. В других же отмечено: *У кого хлеб родится, тот всегда веселится*; *Хлеб-соль дружбу водит, а ссору выводит*.

Завершая разыскания о концепте *хлеб*, целесообразно будет наметить перспективу для дальнейшего исследования, поскольку концептуальное ядро слова *хлеб* следовало бы проследить шире – в славянском языковом сознании, исходя из положения о том, что «Наша индивидуальная ментальность во многом предопределяется национальным началом, тем, в какой традиции мы воспитаны, какие ценности в нас утверждались» (Korzeniewska-Berczyńska 2008: 424).

Принятые сокращения названий словарей

БАС 1950–1965 – *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1–17, Москва–Ленинград 1950–1965.

БТС 2003 – *Большой толковый словарь русского языка*, гл. ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003.

Грушко, Медведев 2000 – Даль В.И., *Толковый словарь русского языка. Современная версия*, составители: Е. Грушко, Ю. Медведев, Москва 2000.

Даль 1978–1980 – Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1–4, Москва 1978–1980.

Даль 1989 – Даль В.И., *Пословицы русского народа в двух томах*, Москва 1989.

МАС 1981–1984 – *Словарь русского языка в 4-х т.*, гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд., испр. и дополн., Москва 1981–1984.

ОШ 2005 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 2005.

ТСУ 1935–1940 – *Толковый словарь русского языка,* под ред. Д.Н. Ушакова, т. 1–4, Москва 1935–1940.

SFRP 1998 – Karolak S., *Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski*, Warszawa 1998.

SJP 1978–1981 – *Słownik języka polskiego*, t. 1–3, red. M. Szymczak, Warszawa 1978–1981.

SPP 1965 – Szober S., *Słownik poprawnej polszczyzny*, Warszawa 1965.

SPRPiPR 1974 – Stypuła R., *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Warszawa 1974.

SWJP 1998 – *Słownik współczesnego języka polskiego*, t. 1–2, red. B. Dunaj, Warszawa 1998.

WSRP 1993 – Mirowicz A., Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I., *Wielki słownik rosyjsko-polski*, t. 1–2, Warszawa 1993.

Литература

Бартминьский Е. (2005), *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва.

Белявская Е.Г. (1994), *Когнитивные основания изучения семантики слова*, [в:] *Структуры представления знаний в языке*, Москва, с. 71–89.

Гачев Г.Д. (1967), *О национальных картинах мира*, «Народы Азии и Африки», Москва, № 1, с. 77–92.

Жидков В.С., Соколов К.Б. (2003), *Искусство и картина мира*, Санкт-Петербург.

Карасик В.И. (2002), *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград.

Колесов В.В. (2004), *Язык и ментальность*, Санкт-Петербург.
Колшанский Г.В. (1990), *Объективная картина мира в познании и языке*, Москва.
Крячко В.Б. (2007), *Концептосфера „война" в английской и русской лингвокультурах.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Волгоград.
Кубрякова Е.С. (1988), *Роль словообразования в формировании языковой картины мира*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Москва.
Кубрякова Е.С. (1996), *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва.
Лопушанская С.П. (2003), *Концептуальное ядро русского слова, функционирующего в современном тексте*, [в:] *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр.*, Саратов, с. 259–269.
Лосев А.Ф. (1991), *Философия. Мифология. Культура*, Москва.
Маслова В.А. (1997), *Введение в лингвокультурологию*, Москва.
Попова З.Д., Стернин И.А. (2007), *Когнитивная лингвистика*, Москва.
Сепир Э. (1997), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва.
Солохина А.С. (2004), *Концепт „свобода" в английской и русской лингвокультурах.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Волгоград.
Степанов Ю.С. (1997), *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.
Стернин И.А., Попова З.Д. (2006), *Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике*, „Respektus Philologicus", № 10, с. 43–51.
Токарев Г.В. (2010), *К вопросу о содержании и типологии концептов культуры*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград, с. 299–302.
Удалых Г.Д. (2010), *Концепты дружба/друг в славянском языковом сознании*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград, с. 303–308.
Червинский П. (2020), *Знак и значение. Семантика предсказаний в знамениях, поверьях и приметах*, Katowice (w druku).
Bartmiński J. (2006), *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin.
Korzeniewska-Berczyńska J. (2008), *Функции художественных цитат в публицистическом тексте*, „Acta Polono-Ruthenica", t. XIII, c. 415–426.
Wierzbicka A. (2007), *Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka*, [в:] A. Wierzbicka, *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, Warszawa, c. 16–34.

ГЛАВА III

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ДОМ* В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

С постановкой темы связана попытка систематизировать языковые знания, связанные с понятием *дом*. Отметим в связи с тем исходные положения:

во-первых, в языке любого этноса отражается концептуальная картина мира с его ценностными приоритетами. Язык расценивается при таком подходе как фактор, моделирующий картину мира. С этой точки зрения мы разделяем идею Сепира-Уорфа, согласно которой индивид видит мир сквозь призму своего родного языка (Сепир 1997).

Во-вторых, языковая картина *дома* понимается как зафиксированное в языковых формах коллективное сознание этноса об этом понятии. При этом содержание данного слова представляет собой не только его различные связи с обозначаемыми референтами, но и возможные ассоциации, основанные на общей культурной памяти.

В-третьих, постановка темы предполагает лингвокультурологический анализ в указанных изречениях сравниваемых языков, что позволит обнаружить национальную специфику концептуализации понятия *дом,* которая усматривается в совокупности зафиксированных в единицах языка представлений народа об этом фрагменте действительности.

В целом наши разыскания базируются на теоретических разработках исследователей в этой и смежных областях (ср. напр.: Карасик 2004; Колесов 2004; Bartmiński 2006; Benedyktowicz, Benedyktowicz 1992; Wierzbicka 2007; см. также словари: СК 1999; К-СРК 2004; РР 2006).

Языковой базой извлечения знаний об этом универсальном понятии являются для нас материалы словарей. На основе толковых словарей русского языка (БТС 2000; КСРЯ 2001; ОШ 2006; МАС 1981; БАС 1952; ТС 2003; ТСРЯ 1935) семантическое пространство лексемы *дом* можно представить следующим образом:

1. жилое здание, строение, сооружение (панельный дом, дом-новостройка, кирпичный дом, жилой дом, многоквартирный дом, кооперативный дом, высотный дом, соседний дом);

2. жилье, квартира (навести порядок в доме, свой дом, чужой дом, разойтись по домам);

3. семья, хозяйство отдельной семьи (родной дом, письмо из дому, принять в дом кого-либо, тащить в дом, у матери на руках весь дом, вести дом, тосковать по дому, гостеприимный дом);

4. страна, территория, место, где живут люди, объединенные общими интересами (общеевропейский дом, Россия – наш общий дом);

5. учреждение, заведение – бытовое, культурное, научное (дом отдыха, торговый дом, дом обуви, дом быта, родильный дом, дом малютки, ночлежный дом, дом ветеранов, дом культуры, дом ученых);

6. династия, род (царствующий дом, дом Романовых).

В словарях проиллюстрированы многие другие словосочетания, напр.: Белый дом – резиденция американского президента, сама администрация президента, а также здание правительства Российской Федерации, само правительство России; игорный дом – заведение, где играют в азартные игры за деньги, и др.

В словарях польского языка (ISJP 2000; SJP 1978: 1, 422; SWJP 1998: 1, 185) семантическое пространство лексемы *дом* обозначено в следующих дефинициях:

1. budynek, budowla służąca jako miejsce zamieszkania, jako miejsce pracy / строение, в котором живут или работают (*dom drewniany, murowany; niski, wysoki dom, stary, nowy, zabytkowy dom; jednorodzinny dom, dom parterowy, dom z werandą, dom z prefabrykatów*);

2. mieszkanie, pomieszczenie mieszkalne; lokal w którym się mieszka / квартира или помещение, предназначенное для жилья (*przebywać poza domem, zostać w domu, wrócić do domu, urządzić dom ze smakiem*);

3. najbliższa rodzina zamieszkująca razem; domownicy / семья и люди, живущие вместе (*przyjaciel domu, tęsknić za domem, odwiedzić dom, pojechać na ferie do domu, w domu panuje życzliwa atmosfera, dzieci wychowuje nie tylko dom*);

4. ogół spraw rodzinnych, zajęcia i obowiązki domowe; gospodarstwo domowe / всякие дела, связанные с семьей (*prowadzenie domu, zarabiać na dom, zajmować się domem, dom jest ważniejszy niż praca*);

5. nazwa instytucji; zakład, siedziba / учреждение, организация (*dom dziecka, dom akademicki, dom kultury, dom towarowy, dom handlowy, dom wczasowy, dom wycieczkowy, dom rencisty, dom starców, dom publiczny*);

6. dynastia, ród / род, династия (*dom panujący, pochodzić z dobrego domu, potomek królewskiego domu, dom szlachecki, książęcy. Dom Jagiellonów, Habsburgów*).

Отмечаются также значения в словосочетаниях: *z domu, bogaty z domu, czuć się jak w domu, na po domu, jestem w domu, wszędzie dobrze, ale w domu najlepiej, Biały Dom, Dom Boży*. Фиксируется книжное употребление слова, как то место, из которого кто-либо происходит (*Ojczyzna jest naszym wspólnym domem*).

На основе беглого сравнения словарных статей в русском и польском языках, при незначительных различиях, их смысловой объем можно свести к значениям:

1. дом-строение для жилья или работы;
2. дом-люди, семья;
3. дом-хозяйство;
4. дом-учреждение, организация;
5. дом-родина;
6. дом-род, династия.

Ключ к сходству содержится в общих славянских корнях обоих народов (ср.: WSRP 2004).

Для носителей обоих языков дом является исключительной ценностью экзистенциальной и культурной. В человеческой жизни он выполняет принципиально важные функции, что засвидетельствовано в ряде изречений обоих языков, извлеченных нами из ряда источников (см. напр.: Даль 1989; СРПиП 2000; РССП 2000; SFRP 1998; SPRPiPR 1974; WSFL 1998).

Дом воспринимается как особое место – место семейной жизни, воспитания детей, отдыха, а также место культивирования семейной традиции, обрядов и праздников. Мечты о собственном доме отражены в ряде изречений: *А домик-то хоть гнилой, а свой* / польское: *Lepszy domek własny, choć ciasny; Лучше свое малое, чем большое, но чужое / Własny domek milszy, niż cudze pałace.*

Привязанность к родному дому передают изречения: *Всякая птица свое гнездо хвалит; Всяк кулик свое болото хвалит / Każda liszka swój ogonek chwali.* Осуждению подвергается тот, кто мыслит иначе: *Глупа та птица, которой гнездо свое не мило / Zły ptak, co własne gniazdo kala.*

С домом ассоциируется наша детская радость, родительское тепло, уют, спокойствие, и полная безопасность. Настоящий дом образует и обеспечивает семья, с которой можно преодолеть любые трудности, как говорится и холод, и голод и различные неудобства. Был бы свой дом, где семейный очаг, то можно решить любые проблемы.

Передает эту истину созвучное метафорическое выражение *Дома и солома едома (съедома)*, которое можно соотнести с польским *Nie ma to jak we własnym domu*. Ее передает также другое выражение с олицетворением *Дома и стены помогают*; польское *W swoim domu i kąty pomagają*. Данный прием олицетворения засвидетельствован в изречении *Своя хатка – родная матка*; в польском языке имеется такой же созвучный эквивалент со сравнением *Swoja chatka jak rodzona matka*.

Дом – это личное и семейное пространство, что отделяет свое от чужого, что защищает и дает полную свободу: *Своя избушка – свой простор / Każdy jest panem we własnym domu; Wolnoć Tomku, w swoim domku* или: *Мой дом – моя крепость / Mój dom jest moją twierdzą.*

В домашней обстановке чувствуем себя наиболее комфортно, что выражают пословицы: *В гостях хорошо, а дома лучше / Wszędzie dobrze, ale w domu najlepiej; Miło u ludzi, najmilej w domu*. Ср. также выражения: *Хорошо тому,*

кто в своем дому / Każdemu własny kąt (dom) najmilszy; За горами хорошо петь песни, а жить дома лучше; Хорошо на Дону, да не как в дому / Wszędzie dobrze, ale w domu najlepiej.

Дом гарантирует личную свободу и привычный ритм жизни всей семьи, который никого не смущает и не ограничивает, в отличие от пребывания в гостях и т.п.:

Дома – как хочу, а в людях – как велят / W domu jak chcesz, u ludzi jak przystoi; Gdy jesteś w cudzym domu, nie zawadzajże nikomu; В своем доме как хочу, так и ворочу; Дома на печи всяк в почете и в чести / Każdy jest panem we własnym domu; Każdy gospodarz w swym domu pan.

Эти изречения самоочевидны, ведь в каждом доме свои порядки, а поэтому *Дом дому не указ / W każdej chałupie inaczej chleb pieką.*

Многие из приведенных изречений с повтором созвучий, которые проявляются в словах: *дома – солома – едома, хатка – матка, тому – дому, Дону – дому, хочу – ворочу* и в польских: *chatka – matka, Tomku – domku.* Типичные приемы, которые встречаются, можно свести к метафоризации, сравнениям, а также олицетворениям.

Ранг дома, его настоящий статус определяют домашние, т.е. семья, которая ныне скорее ассоциируется с моделью родители и дети, хотя традиционно ее трудно представить без бабушки и дедушки, а также других родственников. Все вместе придают семье, т.е. дому, неповторимый характер.

Каждому в отдельности отводится в изречениях свое место. О хозяйке, жене, которая ведает хозяйством, всем семейным очагом, в частности, сказано:

Хозяюшка в дому – оладышек в меду / Dobra gospodyni dom przyjemnym czyni; Хорошая хозяйка из петуха уху сварит / Dobra gospodyni z wody mleko uczyni; Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет / Co gospodarz furą przywiezie, nieoszczędna gospodyni w fartuszku (garścią) wyniesie.

Хозяину также отводится особая роль:

Не дом хозяина красит, а хозяин дом / Nie pan domem stoi, ale dom panem; Без хозяина дом сирота / Bez gospodarza dom płacze (przy gospodarzu zaś skacze); Хозяин добр и дом хорош, хозяин худ и в доме то ж / Jaki gospodarz, taki dom; Jaki pan, taki kram.

Важен присмотр хозяина за всем:

Хозяйское око за всем глядит; Где хозяин ходит, там хлеб родится / W tym się polu dobrze rodzi, po którym gospodarz chodzi; От хозяйского глаза и конь добреет / Pańskie oko konia tuczy; Хорошему хозяину день мал / Dobry gospodarz nigdy nie próżnuje.

Дети воспринимаются как залог семейного счастья, хотя *Дом с детьми – базар, дом без детей – могила*, а также *Добрые дети – дому венец, а злые – конец*. Взаимоотношения в семье бывают разные, о чем метко сказано в пословицах, напр.:

> *Мало мира в том доме, где курица поет, а петух молчит / Niedobrze tam, gdzie mąż w spódnicy, a żona w spodniach; Złe gospodarstwo, gdzie kądziel przewodzi nad mieczem; И в богатом доме нечистая посуда есть; В каждой избушке свои игрушки / Nie ma chatki, gdzie by nie było zwadki; Nie ma rodu bez wyrodu; Każdy domek ma swój ułomek.*

Плохо приходится тем, у кого нет собственного дома и семьи: *Горе тому, кто живет в чужом дому; В чужом доме воля не своя / Cudza strzecha – nie pociecha; Cudza chata gorsza od własnego kąta*. Домоведение доставляет немало хлопот и требует значительных усилий: *Домом жить – обо всем тужить; Дом вести – не лапти плести; Хозяйство вести – не бородой трясти / Gospodarstwo – kłopotarstwo*. Как в русских, так и в польских семьях рады гостям, что передают изречения:

> *Гость в дом, а бог в доме / Gość w dom, Bóg w dom; Чем богаты, тем и рады / Czym chata bogata, tym rada; Не красна изба углами, а красна пирогами / Chata bogata nie węgłami, ale pierogami; Хозяин весел – гости довольны / Dobrze ten gości traktuje, co wesołość pokazuje.*

Бывает однако, что неожиданные гости приводят хозяев в смятение и вызывают противоположную реакцию: *Хороши гости, да не в пору; Незваный гость хуже татарина / Gość nie w porę gorszy od Tatarzyna*.

Таковы вкратце языковые манифестации лексемы *дом*. Итак, слово *дом* – это некий символ. В нем закодированы различные представления, где важны как словарные определения, так и различные коннотации, наслоения, ассоциации, основанные на общей культурной памяти. В нем хранится коллективная память этноса и поэтому он обладает этнокультурной спецификой.

Семантическое пространство слова *дом* объединяет в себе как лингвистические, так и экстралингвистические знания. Среди стилистических средств нетрудно выделить повтор созвучий, который придает характерную ритмичность изречениям. В русских изречениях, по нашим наблюдениям, больше деминутивных образований, сравнений и олицетворений, что придает им особую эмоционально-экспрессивную окраску.

В народной культуре славян мотив дома многократно обыгрывается в обрядах и фольклоре. Символика дома появляется в народной традиции, преданиях и во верованиях. Согласно поверьям опекуном дома и семьи был домовой, который жил на печи. Богата символика дома и в обычаях, связанных, к примеру, с установлением места на сооружение дома. Мотив дома

затрагивается также в ряде художественных произведений как русских, так и польских авторов, однако данные вопросы заслуживают самостоятельного и тем самым более обстоятельного изучения.

Принятые сокращения названий словарей

БАС 1950–1965 – *Словарь современного русского литературного языка в 17 т.*, т. 3, ред. В.И. Чернышов, Москва–Ленинград 1950–1965.
БТС 2000 – *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2000.
Даль 1989 – Даль В.И., *Пословицы русского народа в двух томах*, Москва 1989.
К-СРК 2004 – Степанов Ю.С., *Константы: Словарь русской культуры*, Москва 2004.
КСРЯ 2001 – *Комплексный словарь русского языка*, ред. А.Н. Тихонов, Москва 2001.
МАС 1981 – *Словарь русского языка в 4-х т.*, т. 1, 2-е изд., испр. и дополн., ред. А.П. Евгеньева, Москва 1981.
ОШ 2006 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 2006.
РССП 2000 – Котова М.Ю., *Русско-славянский словарь пословиц*, Санкт-Петербург 2000.
СК 1999 – Руднев В.П., *Словарь культуры XX века*, Москва 1999.
СРПиП 2000 – Жуков В.П., *Словарь русских пословиц и поговорок*, Москва 2000.
ТС 2003 – *Толковый словарь русского языка*, ред. Д.В. Дмитриев, Москва 2003.
ТСРЯ 1935 – *Толковый словарь русского языка*, т. 1, ред. Д.Н. Ушаков, Москва 1935.
ISJP 2000 – *Inny słownik języka polskiego*, red. M. Bańko, Warszawa 2000.
PP 2006 – Stefańska-Jokiel K., *Przysłowia polskie*, Wrocław 2006.
SFRP 1998 – Karolak S., *Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski*, Warszawa 1998.
SJP 1978–1981 – *Słownik języka polskiego*, t. 1, red. M. Szymczak, Warszawa 1978–1981.
SPRPiPR 1974 – Stypuła R., *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Warszawa 1974.
SWJP 1998 – *Słownik współczesnego języka polskiego*, t. 1, red. B. Dunaj, Warszawa 1998.
WSFL 1998 – *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*, red. J. Lukszyn, Warszawa 1998.
WSRP 2004 – Mirowicz A., Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I., *Wielki słownik rosyjsko-polski*, t. 1, Warszawa 2004.

Библиография

Карасик В.И. (2004), *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва.
Колесов В.В. (2004), *Язык и ментальность*, Санкт-Петербург.
Сепир Э. (1997), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва.
Bartmiński J. (2006), *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin.
Benedyktowicz D., Benedyktowicz Z. (1992), *Dom w tradycji ludowej*, Wrocław.
Wierzbicka A. (2007), *Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka*, [в:] A. Wierzbicka, *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, Warszawa, c. 16–34.

ГЛАВА IV

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА *МАТЬ* В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Методологическим ориентиром в разработке темы являются определенные теоретические положения. Они общего характера, во-первых, новейшие лингвокультурологические разработки осуществляются в рамках концептуального подхода (см.: Алексеев 2009; Карасик 2004; Карасик 2009; Маслова 2001; Попова, Стернин 2001; Bartmiński 2006; Wierzbicka 2007).

Во-вторых, изучение различных концептов – в более широком контексте исследования языковой картины мира – обязано развитию когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика расценивается как разновидность интерпретирующего подхода к различным феноменам языка (см., напр.: Демьянков 1994). Важной с этой точки зрения представляется ментальная репрезентация языкового знания, которая обусловлена в значительной степени национальным началом (Колесов 2004). В-третьих,

> концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуры, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида (Карасик 2004: 117).

В-четвертых, концепты рассматриваются как универсальное явление для различных языков и культур, в которых однако они проявляются и выражаются по-разному. В их разработке достигнуты определенные успехи, о чем свидетельствует предметная литература (Карасик 2004; Карасик 2009; Маслова 2001; Попова, Стернин 1999; Попова, Стернин 2001; Bartmiński 2006), но все таки они нуждаются в дальнейших разысканиях.

И, в-пятых, концепты проявляются и интерпретируются в значительной мере на основе различных языковых данных. С.Е. Никитина полагает, что

> всякая языковая картина мира, построенная на лексических данных, является культурно-языковой картиной, продуктом скрещения языка с определенной культурной моделью (Никитина 2000: 221).

А.В. Алексеев считает, что

> концепт – это не только переносные образно мотивированные значения, не только прямое основное значение с его понятийным ядром. Концепт – это

также (если не в первую очередь) совокупность всех символических со-значений слова, формирующихся в истории» (Алексеев 2009: 179).

В словаре Л.К. Муллагалиевой (КРК 2006) термин *концепт* понимается как интегрированная лингвокультурологическая единица, включающая лингвистический и энциклопедические аспекты семантики, соединяющая лексическое значение и лексический фон (см. об этом: Попова, Стернин 2001: 2–6).

Целью настоящей главы является изучение и описание концепта *мать* в русской и польской лингвокультурах. Выводы делаются на основе анализа данных толковых словарей (БТС 2003; ТС 2003; SJP 1978; SWJP 1998), словарей синонимов (СРС; SS), а также фразеологических (СРФ 1998; WSF 2012; WSF PAN 2005; WSFJP 2003; SF 1989; R-PSI 1988; WSFL 1998) и паремиологических лексиконов (ПРН 1984; РНПиП 1965; СРПиП 2000; ПиПРН 1996; Р-ССП 2000; РПП 1988; РЯвПП 1999; NKP 1970). Учитываются также прецедентные феномены.

Рассмотрим языковое выражение ключевого для нас понятия. В словаре под ред. С.А. Кузнецова слово *мать* дефинируется:

1. Женщина по отношению к рожденным ею детям. *Любовь матери. Лишиться матери. Назвать кого-л. своей матерью. Жить у матери. Хорошая, плохая мать. Приемная мать. Многодетная мать. Мать троих детей. Пойти в матерью* (стать похожим на мать). *Неродная мать* (мачеха). *Мать семейства* (женщина, имеющая семью, детей). *Крестная мать.* (Крестная); Женщина, имеющая или имевшая детей. *Стать матерью. Мать-героиня* (почетное звание, присваиваемое женщине, родившей и воспитавшей 10 и более детей, женщина, имеющая это звание). *Мать-одиночка* (женщина, воспитывающая детей без мужа).

2. *Трад.-нар.* О том, что является родным, близким, дорогим, представляя собой какую-л. духовную ценность. *Мать-Родина. Мать-земля русская. Волга-мать.*

3. Самка по отношению к своим детенышам. *Мать олененка. Жеребенок подбежал к матери.*

4. *Разг.* О том, от которого или в котором зарождается, образуется что-л. новое или подобное ему. *Природа-мать. Мать-земля принесла новый урожай.*

5. (обычно в обращении) *Фам.* О женщине, жене. *Тебе принести, мать, воды? Пошли, мать, на улицу.*

6. О жене священника или монахине (обычно присоединяется к имени или званию). *Мать-игуменья* (БТС 2003: 525–526).

Другие словари отмечают те же значения, хотя нередко приводят дополнительные толкования. Например, словарь под ред. Д.В. Дмитриева фиксирует выражение *суррогатная мать* – женщина, согласившаяся вынашивать эмб-

рион вместо другой женщины, которая не может сама выносить или родить ребенка, а также выражения *в чем мать родила*, т. е. без одежды, голый; *Мать честная!* – при выражении удивления, радости (ТС 2003: 569).

Из этого беглого обзора следует, что слово *мать* выступает не только по отношению к женщине родившей и имеющей ребенка/детей, но и к ряду других номинаций. Не подлежит сомнению, что в русской языковой картине мира *мать* расценивается как самое родное и близкое. Важно при этом подчеркнуть, что мать в русском лингвокультурном пространстве является символом отечества.

В образе матери персонифицируется Родина. В семиотической памяти многих людей хранится изображение героической женщины в военные годы. Напомним, одним из самых известных лозунгов того времени является *Родина-мать зовет!* Этот краткий призывной лозунг использовал в агитационных целях на своем плакате художник И.М. Тоидзе. Плакат был им создан в первом году Великой Отечественной войны 1941–45. На нем изображен суровый облик простой женщины, призывающей соотечественников на борьбу с гитлеровской Германией[1]. Женщина представлена на фоне поднятых вверх винтовок со штыками. Изображение восходит к кинокартине *Мать* В. Пудовкина, снятой в 1926 г. по одноименному роману М. Горького (см.: R-PSSS 2003: 486).

Рассматриваемое значение доказывает, что свою привязанность к Родине русские выражают также через привязанность к матери. Любовь к Родине соотносят с любовью к матери, так как она обладает наибольшей ценностью. Для русской лингвокультуры упомянутый роман М. Горького является прецедентным текстом. Горький поставил мать (Пелагея Ниловна Власова) в центр этого реалистического произведения. В нем раскрывается материнская любовь к сыну (Павел Власов) в сложнейшей политической обстановке.

---

[1] В правой руке она держит развернутый лист бумаги с текстом военной присяги: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству. Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

В польской литературе аналогичным примером прецедентного текста могут послужить *Воспоминания матери* Марцянны Форнальской (*Pamiętnik matki* Marcjanny Fornalskiej, 1870–1963).

В русском массовом сознании функционирует еще образ матери как монументального сооружения-скульптуры на Мамаевом кургане в Волгограде. Во время Сталинградской битвы на этом месте проходили ожесточенные бои. Там и возвышается памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» с уникальным 85-метровым мемориалом «Родина-мать зовет». Сама скульптура матери возвышается над курганом на 52 метра.

Отношение к Родине и ее значительным символам передают многие изречения:

> *Родина – всем матерям мать*; *Родина – мать, чужбина – мачеха*; *Родину-мать учись защищать*; *Одна у человека мать, одна у него и родина*; *Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля*; *Москва всем городам мать*; *Матушка Москва белокаменная, хлебосольная, православная, словоохотливая*; *Волга всем рекам мать. Волга-матушка широка и долга*.

Итак, Родина ставится выше или вровень с матерью, что определяет особое отношение к ней: ее надо любить, заботиться о ней как о родной матери. Именно такое отношение к Родине оттеняют приведенные выражения. Такова концептуализация матери когнитивным сознанием русского человека.

В этом плане языковое сознание поляков отличается в том смысле, что образ матери не идентифицируется с отечеством. Когнитивное сознание поляков скорее включает другие признаки, признаки божественные, хотя словарные определения однозначно это не подтверждают.

Словарные значения рассматриваемого понятия *matka* в польском языке следующие:

> **1.** ‘kobieta, która urodziła dziecko (w stosunku do tego dziecka)’: Matka rodzona. Zostać matką.
>
> **2.** ‘samica zwierząt, mająca potomstwo (w stosunku do tego potomstwa)’: Odebrać cielę matce.
>
> **3.** ‘u niektórych owadów, np. pszczół: samica zdolna do rozrodu; królowa’**.**
>
> **4.** ‘coś, co zapewnia komuś wyżywienie, opiekę itd.’: Matka ziemia. Matka natura. Statek matka.
>
> **5.** ‘tytuł niektórych sióstr zakonnych, zwłaszcza pełniących wyższe funkcje’: Matka przełożona.
>
> **6.** ‘w niektórych grach zespołowych, np. w palancie, najważniejszy gracz’.
>
> **7.** *pot.* ‘własna żona, starsza kobieta, najczęściej wiejska (przeważnie jako zwrot adresatywny w wołaczu’.

В конце словарной статьи приводятся выражения: królowa matka; powtarzać jak za panią matką; wyssać *{coś}* z mlekiem matki (SWJP 1998: 499).

В другом словаре польского языка слово *matka* обладает более развернутой системой значений, причем они богато проиллюстрированы примерами употребления:

1. 'kobieta mająca własne dziecko (dzieci) w stosunku do tego dziecka (lub ze względu na nie)': Karmiąca, młoda matka. Rodzona matka. Poczuć się, zostać matką. Δ Matka chrzestna a) 'kobieta przedstawiająca do chrztu osobę chrzczoną (najczęściej dziecko)' b) 'kobieta dokonująca symbolicznego obrzędu nadawania nazwy czemuś, zwykle statkowi' Δ Przybrana matka 'kobieta zastępująca rodzoną matkę dziecku, które wzięła na wychowanie' ◊ *fraz*. Być komuś, dla kogoś matką 'opiekować się kimś jak własnym dzieckiem, zastępować komuś matkę' ◊ Powtarzać coś jak za panią matką (pacierz) 'powtarzać coś dokładnie, bezmyślnie, bez własnej inwencji; naśladować kogoś' ◊ (Taki) jak go matka urodziła, zrodziła 'nagi' ◊ Wyssać coś z mlekiem matki 'mieć coś wpojone od urodzenia, od dzieciństwa' ◊ *pot*. Wdać się w matkę 'być podobnym do matki z wyglądu zewnętrznego, mieć podobny charakter' ◊ *posp*. Sprać, zbić itp. kogoś, dać komuś itp. tak, że go (rodzona) matka nie pozna 'spać, zbić itp. kogoś bardzo mocno' □ *przysł*. Nadzieja matką głupich. □ Potrzeba jest matką wynalazków. □ Kto nie słucha ojca, matki, ten słucha psiej skóry. *przen*. Matka natura. Matka ziemia.

2. 'samica zwierząt w stosunku do swego potomstwa': Odebrać szczenięta matce. □ *przysł*. Pokorne cielę dwie matki ssie.

3. 'siostra zakonna pełniąca wyższe funkcje w zakonie': Matka przełożona.

4. 'w niektórych grach zespołowych (np. w palancie, dwóch ogniach): najważniejszy gracz, kierownik drużyny'.

5. 'drugi człon niektórych zestawień wyrazowych określających przedmiot główny, nadrzędny w stosunku do innych tego typu przedmiotów' Δ Komisja matka a) 'komisja promująca listę kandydatów w wyborach' b) 'na zjazdach, konferencjach itp.: komisja nadrzędna w stosunku do innych komisji zajmujących się zagadnieniami szczegółowymi' Δ Statek matka 'duży statek zasilający na pełnym morzu jednostkę mniejszą w paliwo, żywność itp.'

6. 'potocznie, poufale o własnej żonie, matce dzieci albo o starszej kobiecie, zwykle wiejskiej czy ubogiej (przeważnie w bezpośrednich zwrotach w wołaczu); żona, kobieta'.

7. *bot*. 'roślina macierzysta, przeznaczona na rozsadę'.

8. *zool.* 'u niektórych owadów (np. mrówek, pszczół): samica zdolna do rozrodu; królowa' (SJPSz 1978: 125).

Номинативное поле, возглавляемое в русском языке доминантным словом *мать,* представлено рядом синонимов, ср.:

Мать – родимая, маманюшка, мамусечка, мамуся, мамашенька, мамулечка, мамусенька, мамонька, маменька, матерь, мамушка, мамашечка, родимая матушка, матушка, маманя, маман, маманька, маточка, мамаша, родительница, мамка, матуха, мамуля, матуничка, мамунька, матунька, мачка, матика, мамуша, мамулька, матусенька, матуся, матунюшка, матуля, матуненька, мамысь, мамуня, мать, матухна, матка, мамочка, матуша, мамыса, матушь, матуня, матя, матуличка, матынька, матонька, матенка (СРС).

Это своеобразные речевые варианты исходного слова, которые в своем большинстве выступают с оттенком ласкательности. Они выстраивают своеобразное концептуальное поле, в котором особую роль выполняют синонимические определения. В контексте сказанного вполне справедливо следующее мнение:

> Концептуальное поле представляет собой возможность рассматривать связь ядра концепта [...] с ассоциативными связями с указанной лексемой, ее дериватами, всеми видами синонимических и антонимических связей, т. е. совокупностью семантически связанных и экстралингвистически обусловленных элементов, представляющих фрагмент определенной действительности (Sitarski 2018: 291).

Обогащая данное номинативное поле, его могут пополнить и такие определения как:

жена, хозяйка, старая карга, а также: ласковая, нежная, родная, добрая, любимая, дорогая, единственная, родной человек, старушка, справедливая, умная, терпеливая, всесторонняя, заботливая, рожает детей, воспитывает, кормит, убирает, стирает, заботится о семье, следит за детьми, чинит одежду, готовит, помогает детям, беспокоится, тоскует, деторождение, воспитание, материнство, материнская любовь, материн дом и др.

Польский эквивалент слова *мать* – *matka* имеет свои синонимичные определения, которые можно систематизировать в двух разрядах:

1. *Mama, mamusia, matula, mamunia, matuchAna, mateczka, mateńka, matusia, matuś, mamuś,* pot. *mamuśka, matczysko, rodzicielka, rodzic,* wulg. *stara,* przest. *matrona, mać, pani matka*;

2. Przen. *Źródło, praźródło, przyczyna, praprzyczyna, powód, podłoże* (SS).

Характер приведенных синонимов с точки зрения их стилистических маркеров отличается. В своем большинстве это ласкательные определения слова *matka*, среди которых имеются названия со статусом устаревших слов: *matrona, mać, pani matka*; в настоящее время они либо не используются, либо применяются очень редко, напр. в пословицах. Кроме того, среди синонимов

матери, нетрудно выделить пренебрежительное определение *stara* (старая), которое встречается скорее в молодежном сленге. Второй разряд синонимичных определений к слову *matka* касается переносных значений: *источник чего-либо, причина, основа*, т. е. *źródło, praźródło, przyczyna, praprzyczyna, powód, podłoże*.

Аналогично определениям в русском языке, в номинативное поле концепта *мать* польского языка подключаются такие определения как:

> *matka – macocha, kura domowa, pani domu, żona, matka karmiąca, dobra, ustępliwa, surowa, jedyna, sprawiedliwa, cierpliwa, wszechstronna, rodzi dzieci, wychowuje, opiekuje się, pilnuje, sprząta, gotuje, pierze, karmi, troszczy się o rodzinę, rodzona matka, przybrana matka, macierzyństwo, niepokoi się, martwi się, tęskni* и др.

В обоих близкородственных языках наблюдаем немало параллелей. Как в русском, так и в польском языках основным является значение матери как женщины, имеющей или имевшей детей. В обоих языках слово *мать* может касаться животных: *мать* как самка животных по отношению к своим детям, а также обозначать женщину или жену (мать – используется в обращении); жену священника или монахиню. Кроме того, в русском и польском языках мы наблюдаем наличие слова *мать* в значении начала чего-то, источника, новой жизни, того, в ком зарождается что-то новое.

Семантическое поле концепта *мать/matka* в русском и польском языках во многом совпадает или сближается по ряду факторов, но и отличается либо оттенками значения в отдельных ситуациях или наличием/отсутствием определенных семем. В польском языке рассматриваемое слово может использоваться: по отношению к важнейшему игроку в коллективных играх; как растение предназначенное для рассаживания, а также по отношению к некоторым насекомым (муравей, пчела), самка способная к размножению. Небезынтересно отметить, что в польском семиотическом пространстве этот концепт дополняется деятельностью с 1988 года Центра Здоровья Матери-Польки в Лодзи. Это уникальный научный медицинский центр в области акушерства, гинекологии и педиатрии. В нем проводится комплексное обследование и лечение матерей и их детей, страдающих сложнейшими, парой патологическими недугами и заболеваниями.

Различные качества матери в обоих языках оттеняют многие фразеологизмы и паремиологические изречения. В них мать по отношению к детям отличается добротой, любовью и терпеливостью. Она самый преданный и надежный друг, который никогда не подведет и всегда поддержит, ср. выражения:

> *От солнышка тепло, от матушки добро* и вариант *При солнышке тепло, при матери добро*; *Нет лучшего дружка, чем родная матушка* и варианты *Нет такого*

дружка, как родимая матушка, Нет друга нежнее матери; Сердце матери греет лучше солнца, Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери.

Мать любит преданно и одинаково своих детей, несмотря на их возраст и различные обстоятельства: *Матери все дети равны – одинаково сердцу больны, Матери свое дитя и немыто – бело, Всякой матери милы свои детки.*

Мать ничего не боится и готова отстоять и защитить своего ребенка: *Угроз мать не боится, когда дитя валится.*

Матери нет цены, она самый важный человек в жизни ребенка, с ней безопасно и живется ему как за каменной стеной: *Мать праведна – ограда каменна, Мать всякому делу голова.*

Без матери приходится очень трудно: *Пчелки без матки – пропавшие детки.*

Поэтому в нашей жизни нет человека дороже, чем родная мать, ее никем не заменить, она понимает нас как никто другой. Она готова отдать все своим детям, даже пожертвовать собой. Любовь матери к своим детям безграничная, никогда не прекращается, поэтому дети для матери навсегда остаются детьми, даже когда они взрослеют: *У матери дочь и в тридцать лет дочурка, Для матери ребенок до ста лет детенок.*

В случае каких-то проблем, опасностей, мать обладает сверхъестественной силой, т.е. искренней материнской молитвой, которая в состоянии спасти ее ребенка: *Материнская молитва со дна моря вынимает*, а также вариант *Материнская молитва со дна моря достает.*

В польском языке фразеологические обороты передают те же ценности и качества матери:

Dla każdej matki miłe jej dziatki; U swej matki każdy gładki; Największa jest miłość matki, druga psia, a trzecia kochanki; Nie ma słodszego jabłka jak własna matka; Dobrze jak u pani matki za piecem; Do ludzi po rozum, do matki po serce; Drugiej matki nie znajdziesz; Od matki dobre i ostatki, а также вариант *Cieplejsza zapaska matczyna jak niańczyna futrzyna; Matka, co ma, dzieciom tka,* а также вариант *Matka ma, tka, macocha co ma, chowa.* Мать не купить за любые деньги: *Matki nie kupisz,* а также варианты *Za pieniądze matki nie kupisz, Za pieniądze tylko ojca i matki nie dostanie.*

Итак, мать своим детям является защитником, лучшим другом и источником добра. Нет большей любви, чем материнская. Ничто и никто не сможет заменить нам родной матери. Материнское сердце в состоянии вынести любые трудности. Ее наставления настолько важны, что сравниваются с голосом Всевышнего: *Głos matki – głos Boga,* а также вариант *Matka gada – Bóg gada.*

Внимания заслуживает также известное в польском языке выражение *matka Polka,* используемое по отношению к женщине, которая занимается домом и детьми, она обычно не работает в штатном режиме. Ее обществен-

ная функция понимается традиционно (WSF 2012: 117), она символ польской женщины, как матери, стоящей на страже семейного очага, а также патриотки (WSF PAN 2005: 235).

Можно сказать, что отношения между матерью и детьми, а также отношения детей к матери, являются определяющими в раскрытии концепта *мать*. Об этом свидетельствуют следующие изречения:

> *У детины заболит пальчик, а у матери – сердце*; *Без отца дитя – полсироты, без матери дитя – полный сирота*; *Горе детей – горе матери*; *У кого есть матка, у того и голова гладка*; *Птица радуется весне, а младенец матери* и вариант *Птица радуется весне, а мать – деткам*; *Жена с советом, теща с приветом, а родная матушка с лаской*; *Мать кормит детей, как земля – людей*; *Около матки хорошо дитятке*; *Ребенок без матери, что стол без скатерти.* Ср. в польском языке: *Gdzie u dzieci matka, tam i główka gładka*; *Jak ojciec umrze, dziecko półsierota, ale jak matka, to cała sierota.*

Дети во многом похожи на своих родителей как внешне, так и своим поведением в различных ситуациях. Особенные отношения между матерью и детьми подчеркивают различные выражения:

> *По материной стежке пошла*; *По матери и дочь*; *Вылитая мать, уродиться в мать*; *Какова матка, таковы и детки*; *Куда мать, туда и дитя.* И в польском языке: *Wykapana (cała) matka*; *Wdać się w matkę*; *Dzieci jednej matki*; *Jak dzieci jednej matki*; *Jakby z matki zdjął skórę*; *Jaka mać, taka nać* и варианты: *Jaka matka, taka córka*; *Jakie matki, takie dziatki*; *Jaki bochen, taka skórka, jaka matka, taka córka.*

Однако не всегда это прослеживается: *Jednej matki nie jednakie dziatki*, а также варианты: *Bracia jednejże matki różne miewają przydatki*; *Jednego ojca, jednej matki, a niejednakowe dziatki.*

К сожалению, дети не всегда ценят то, что своей жизнью они обязаны матери, но это не прекращает материнской любви, которая все прощает:

> *Кто матери не послушает, в беду попадет*; *Матернее сердце в детках, а детское в камне*; *Матка по дочке плачет, а дочка по доске скачет.* Это отражено также в польских изречениях: *Kto nie słucha matki, ten pójdzie za kratki*; *na złość (mamie/mamusi) odmrozić sobie uszy*; *Jedna matka wyżywi (wychowa) dziesięciu synów, ale dziesięciu synów nie wyżywi jednej matki* и вариант: *Mówią: łacniej ociec abo matka biedna uchowa dzieci dwadzieścia, a złych dzieci dwadzieścia jednego ojca, matki snadź nie uchowają.*

Мать для своих детей готова на любые пожертвования. Мать многое прощает детям, однако может и наказать, но все это делается, хотя и с болью в душе, в воспитательных целях:

Материнский гнев, что весенний снег: и много его выпадет, да скоро растает; *Материи побои не болят. Мать и бия не бьет*; *Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет*; *Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку*; *Мать и побьет, не пробьет, а чужая поладит, да проглядит.*

Материнский гнев быстро проходит. Благодаря материнской любви, даже телесное наказание не является оскорблением ребенка, что передают также польские изречения:

Matka tłucze, ale uczy; *Błogosławione są matki, co za złe karzą swe dziadki*; *Matka pierwej pobije, a potem popieści, a macocha wprzód popieści, a potem pobije*; *Lepiej jak matka bije, niż macocha głaszcze*; *Matka miła, choćby biła,* а также варианты *Matka, choć obije, kochana*; *Matka jest miła, choćby cię i biła.*

Никто не в состоянии заменить ребенку матери, ни другая женщина, и тем более мачеха. Дело в том, что между матерью и ребенком рождается неповторимая связь, которую ничем не заменить. Это положение поясняют выражения:

Мать кормилица, а кормилица не мать; *Мать гладит по шерсти, мачеха насупротив*; *И добрая мачеха, и все не мать*; *Кому – мать, кому – мачеха*; *И лыком шита, да мать, и шелком, да мачеха.*

В польских оборотах примерно та же картина: *Co matka, to matka, a co macocha, to macocha*; *Matka daje, a macocha pyta dzieci: czy chcecie?; Nie matka ta, co ją brzuch nie bolał*. Мать обладает материнским чувством, благодаря которому лучше всех знает, что требуется ее ребенку.

Перед матерью стоит важная задача – подготовить своего ребенка к самостоятельной жизни, многому его научить, как говорится, поставить на ноги, поэтому: *Не устанешь детей рожаючи, а устанешь на место сажаючи.* Родить – ответственное дело, но предстоит также другое во избежание выговоров:

Народила, да не научила; *Нарожать нарожала, а научить не научила*; *Не та мать, которая родила, а та, которая вспоила – вскормила.* Но и этого мало: *Не та мать, которая родила, не та мать, которая вспоила – вскормила, а та мать, которая уму – разуму научила*; *Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала.* Хорошая мать воспитывает своих детей в любви, но и в строгости: *Мать – потатчица не жалеет своего ребенка, а жалит.* Не одобряется мать, которая слишком балует своих детей. И в польском языке: *Nie ta matka, co porodziła, ale ta, co wychowała.*

Дети требуют от матери полной отдачи. Они занимают все время матери, что передает изречение: *Мать при детках, что птица в клетке.* Оказываясь

в трудной ситуации, она подчас вынуждена стать ребенку матерью и отцом: *Być komuś ojcem i matką*, а это требует особых усилий, чтобы у ребенка было все необходимое в жизни.

В польской лингвокультуре значительное место отводится образу Божией Матери. Слово *Мать* употребляется при названии святой Марии, Богородицы. Существует еще одно значение – Мать Божия как мать всех людей, которая о каждом помнит и к которой любой, несмотря на возраст может обращаться за помощью, ср.: *Matka Święta o każdym pamięta; Dobrze służyć Marii, bo odziewa i karmi; Do Bożej Matki mówcie, ojcy i dziatki*.

Мать Божия выступает под разными названиями и с разными определениями, в зависимости от того, какая ее функция или роль подчеркивается в данном выражении. Эти определения восходят к названиям христианских праздников, посвященных Божией Матери, напр.: *Matka Boska Anielska, Matka Boska Gromniczna, Matka Boska Jagodna, Matka Boska Roztworna, Matka Boska Siewna, Matka Boska Szkaplerzna, Matka Boska Zielna, Ofiarowanie Matki Boskiej* (NKP 1970). Следует отметить, что почти во всех приведенных выражениях повторяется компонент *Matka Boska* (*Мать Божия*), что указывает на всесторонние ее возможности и отражает великую и центральную роль, какую Мать Божия выполняет в жизни человека.

Отмеченные определения Божией Матери и ее всесторонние возможности отражают пословицы:

> *Na Narodzenie Panny deszcz niepogodę wieści; Deszcz na Szkaplerzną gazdom się we znaki da; Wraz ze Szkaplerzną Matką, na zagon, czeladko; Gdy Zielna Matka deszcz przynosi, to zwykle na Narodzenie Matki rosi; W dzień Marii Nawiedzin* (święto Matki Boskiej Jagodnej) *gdy deszczyk porosi, czterdzieści dni podobnych po sobie przynosi; Na Matkę Boską Roztworną rzuca jaskółka swą topiel jeziorną* и вариант: *Na Zwiastowanie Najświętszej Panny jaskółki się pokazują i wiosnę zwiastują; W Zwiastowanie* (święto Matki Boskiej Roztwornej) *i robaczek, i żmija z ziemi zmartwychwstanie; Gdy na Siewną* (święto Narodzenia Najświętszej Marii Panny) *jest błękitnie, wtedy pięknie wrzos zakwitnie; Kiedy słońce w dzień Wniebowstąpienia Panny Marii* (święto Matki Boskiej Zielnej) *się świeci, tedy wino dobrze się rodzi; Gdy na Gromnice* (święto Matki Boskiej Gromnicznej) *roztaje, rzadkie będą urodzaje; Gdy na Gromnice zamieć śnieżna trzyma, niedługa już zima; Na Gromniczną mróz, do skrzyni kożuch włóż; Na Jagodną noc pogodna, będzie wsza chudoba płodna; Jaki czas na Ofiarowanie* (święto Ofiarowania Najświętszej Marii Panny), *taka zima też nastanie* и вариант: *Jaka pogoda w Ofiarowanie służy, taka na całą zimę wróży*.

В польском языковом пространстве имеем дело с различными воплощениями Божией Матери. В России также существует культ Божией Матери, однако он выражается иначе. Наиболее известной формой изображения Божией Матери являются иконы, занимающие в духовной сфере российской культуры особенное место. Иконам присваиваются определенные черты

и возможности. В русском языке также имеются различные названия Божией Матери, напр.: *Боголюбска, Владимирская, Казанская, Муромская* и др.

Объектом сравнительно-сопоставительного анализа в данной главе избран концепт *мать* в русской и польской лингвокультурах. Проведенный анализ позволяет подвести итоги:

1. Концепт *мать* в русском и польском языках семантически сближается по многим факторам. В обеих лингвокультурах мать – это самое дорогое, что есть у человека, она является символом добра, заботы и ласки. Мать – символ спасения и счастья, мать любит своих детей безусловной любовью. Она в состоянии отдать все, чтобы обеспечить ребенку счастье. Как в русском, так и польском языках мы наблюдаем наличие слова *мать* в значении начального источника, новой жизни, зарождения чего-то нового. Мать всегда ассоциируется с уютом и покоем, она защищает и оберегает своих детей. Значения слова *мать* в основном совпадают в обоих славянских языках, но не полностью.

2. Есть факторы, по которым образы матери в исследуемых языках отличаются. Для русского языкового сознания существенным является представление и восприятие значения: мать – это Родина. Она персонифицируется в образе матери. Носителям польской лингвокультуры данное понимание не свойственно, известно зато другое. Польское когнитивное сознание намного шире оперирует понятием Божия Матерь. В русской лингвокультуре скорее выделяется православная иконография с изображением Божией Матери и нередко младенца Иисуса.

3. Понятие *мать* передается рядом номинаций синонимического характера. Они достаточно репрезентативны для обоих языков.

4. Различные аспекты, связанные с матерью, в обоих языках передают фразеологические обороты и паремиологические изречения. В них содержится высокая оценка матери, подчеркивается уважение к ней, а также восхищение ее незаурядными возможностями и способностями.

5. Такова языковая природа концепта *мать*. Его сущность позволяют полнее понять и раскрыть как лингвокогнитивный, так и лингвокультурный подходы.

Принятые сокращения названий словарей

БТС 2003 – *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003.

КРК 2006 – Муллагалиева Л.К., *Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь*, Москва 2006.

К-СРК 2004 – Степанов Ю.С., *Константы: словарь русской культуры*, Москва 2004.

ПиПРН 1996 – Зимин В.И., Спирин А.С., *Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь*, Москва 1996.

ПРН 1984 – Даль В.И., *Пословицы русского народа в двух томах*, Москва 1984.

РНПиП 1965 – *Русские народные пословицы и поговорки*, ред. А.М. Жигулев, Москва 1965.
РПП 1988 – Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е., *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь*, 2-е изд., испр. и доп., Москва 1988.
Р-ССП 2000 – Котова М.Ю., *Русско-славянский словарь пословиц*, Санкт-Петербург 2000.
РЯвПП 1999 – Хлебцова О.А., *Русский язык в пословицах, поговорках, крылатых словах, афоризмах*, Москва 1999.
СРПиП 2000 – Жуков В.П., *Словарь русских пословиц и поговорок*, Москва 2000.
СРС – *Словарь русских синонимов*: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-35151.htm
СРФ 1998 – Бирих А.К., Мокиенко В.Н. Степанова Л.И., *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Москва 1998.
ТС 2003 – *Толковый словарь русского языка*, ред. Д.В. Дмитриев, Москва 2003.
NKP 1970 – *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, red. J. Krzyżanowski, t. 2, Warszawa 1970.
R-PSI 1988 – Spirydowicz O., *Rosyjsko-polski słownik idiomów*, Warszawa 1988.
R-PSSS 2003 – Chlebda W., Mokijenko W., Szuleżkowa S., *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*, Łask 2003.
SF 1989 – Skorupka S., *Słownik frazeologiczny języka polskiego A–P*, Warszawa 1989.
SJP 1978 – *Słownik języka polskiego*, t. 1, red. M. Szymczak, Warszawa 1978.
SS – *Słownik synonimów*, https://www.synonimy.pl/
SWJP 1998 – *Słownik współczesnego języka polskiego*, t. 1, red. B. Dunaj, Warszawa 1998.
WSF 2012 – Fliciński P., *Wielki słownik frazeologiczny*, Poznań 2012.
WSF PAN 2005 – Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A., *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*, Warszawa 2005.
WSFJP 2003 – Müldner-Nieckowski P., *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 2003.
WSFL 1998 – *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*, red. J. Lukszyn, Warszawa 1998.

Библиография

Алексеев А.В. (2009), *Концепт «терпимость» в историческом аспекте*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 8, т. 1, Москва, с. 179–183.
Демьянков В.З. (1994), *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*, «Вопросы языкознания», № 4, с. 17–33.
Карасик В.И. (2004), *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва.
Карасик В.И. (2009), *Языковые ключи*, Москва.
Колесов В.В. (2004), *Язык и ментальность*, Санкт-Петербург.
Маслова В.А. (2001), *Лингвокультурология*, Москва.
Никитина С.Е. (2000), *О частотных словарях и культурно-языковых картинах мира*, [в:] *Русский язык сегодня*, ред. Л.П. Крысин, Москва, с. 221–230.

Попова З.Д., Стернин И.А. (1999), *Понятие концепт в лингвистических исследованиях*, Воронеж.
Попова З.Д., Стернин И.А. (2001), *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж.
Bartmiński J. (2006), *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin.
Sitarski A. (2018), *Фразеологическая презентация концептуального поля „Память" / „Pamięć" в русском и польском языках*, „Studia Rossica Posnaniensia", t. XLIII, c. 289–295.
Wierzbicka A. (2007), *Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka*, [в:] A. Wierzbicka, *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, Warszawa, c. 16–34.

ГЛАВА V

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ *ЖЕНЩИНЫ* ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА

1. Словарное дело получает в последние десятилетия различные и порой самые неожиданные повороты. Кодификации подвергаются специфические слои лексики русского языка. Взять к примеру лексиконы, в которых представлена арготическая лексика, городское просторечие, матизмы, обсценизмы, эротизмы, уголовный жаргон, воровское арго, лагерный жаргон, солдатское арго, молодежный сленг, арго разных субкультур и т.д. Из множества разработок данного типа отметим лишь некоторые: Грачев, Мокиенко 2000; Дуличенко 2000; Левикова 2003; Макловски, Кляйн, Щуплов 1997; Мокиенко, Никитина 2000; Czerwinsky, Nadel-Czerwinska, Czerwinsky 2001.

Избранный нами для анализа лексикон «Толковый словарь названий женщин» Н.П. Колесникова (2002) тоже систематизирует один из разрядов (пластов) лексики русского языка. В его центр поставлена женщина. Отметим при этом, что образ женщины привлекает внимание многих исследователей с самых различных точек зрения – стратегий речевого поведения (Близнакова 2004; Anusiewicz, Handke 1994), изображения в художественной литературе (Лагановска 2004; Witosz 2001; Modrzejewska 1999). Ее образ пополняется в рамках литературы о психологических типах и статусе этносов (Апресян 1995; Борисова 2003; Сорокин 1995; Юнг 1992), с точки зрения эволюционных изменений и традиционных ценностей (Пушкарева 1997; Кардапольцева 2000; Весельницкая 2000; Безрученко 2009). Существуют разноаспектные исследования модели изображения женщин (Рис 1994; Арутюнян 1997; Айвазова 1998; Тишкин 1995; Шинелева 1990). Один из таких ракурсов предлагает в своем словаре Н.П. Колесников. По лексикографическим разработкам других авторов (напр.: Дуличенко 2000) тоже можно составить различные портреты (образы) женщин.

Словарь Колесникова специально воссоздает различные наименования женщин. В нем впервые подвергнуты системному описанию понятия этой особой номинативной и тем самым коммуникативно-прагматической области, чем, во многом, предопределяется научная ценность и оригинальность данной разработки. Словарь фиксирует более семи тысяч феминизмов. Это достаточно значительный слой русской лексики, покрывающей обширное поле деятельности женщин в семейном кругу, в различных сферах общественной жизни, в области науки, техники, спорта и т.д. Женщины

выполняют разные функции и задания, занимают различные должности. Важно отметить, что кроме основного корпуса номинаций, этот словарь снабжают тремя приложениями: 1. Список субстантивированных прилагательных, обозначающих лиц женского пола, 2. Указатель 500 названий жительниц России, т.е. имен женщин по месту жительства, 3. Индекс около 60 имен героинь, упоминаемых в Библии.

Заметим также, что раньше феминизмы не получили в словарях сколько нибудь целостного освещения, т.е. они были представлены с совершенно иных позиций. Обычно были отмечены названия лиц мужского пола, для женского пола наименования или вовсе не приводятся, или отмечены непоследовательно, в чем убеждают например материалы МАС[1]. Недостает зачастую женских номинаций в ОШ и БТС. Приводятся названия применительно к мужчине, тогда как параллельные женские наименования в ряде случаев отсутствуют. Составители словников обычно ссылаются на то положение, что наименования лиц образуют соотносительные пары, т.е. названия лиц мужского и, образованные от них, названия лиц женского пола.

Цель словаря Н.П. Колесникова усматривается в том, чтобы показать динамику, подвижность и многоаспектность номинаций женского пола. Функциональная активность представленных в словнике вокабул самая различная. В нем фиксируются как современные, так и старинные (исторические) наименования, которые уже отошли в прошлое. Эксплицированы, с одной стороны, общеупотребительные и нейтральные в стилистическом плане названия лиц женского пола, и, с другой стороны, наименования разговорного характера, где используется экспрессивная и эмоциональная лексика при номинации женщин.

Словарь по-разному транслирует образ женщины. Дифференциация прослеживается по многим показателям (возрастным, по роду занятий и т.д.), каждый из которых может являться типообразующей характеристикой.

2. Материалы словаря в определенной мере воспроизводят картину послереволюционной действительности, они воссоздают образ женщины того периода и, следовательно, портрет советской женщины. Соответствующие номинации передают трудовую атмосферу того времени, в том числе, атмосферу первых пятилеток. Следует подчеркнуть, что после революции женщины оказались в крайне противоречивых условиях. Внутренняя ситуация России принесла новые женские профессии. В данный период осуществлялось спекулятивное равенство с мужчиной в производственной сфере деятельности. Дихотомическая пара лиц по полу он/она, мужчина/женщина занимает по существу одинаковые производственные позиции. Дело в том, что жен-

---

[1] Сокращения названий словарей смотри в конце данной главы.

щины зачастую выполняли профессию, которую принято считать типично мужской, поэтому среди женского пола были:

бетонщицы – занимались бетонными работами (36), *автокрановщицы* (разг.) – управляли подъемным краном, установленным на автомобиле (14), *арматурщицы* – занимались изготовлением стального каркаса железобетонных конструкций (22), *паяльщицы* – занимались паянием (301), *электросварщицы* – занимались сваркой металлов (577), *экскаваторщицы* – управляли землеройно-погрузочной машиной (576), *асфальтировщицы* (разг.) – занимались асфальтированием дорог, улиц (23), *фрезеровщицы* – обслуживали фрезерный станок (540), *шахтерки* – женщины, работающие в шахте (566), *угольщицы* – работницы угольной промышленности (512).

Итак, реальная послереволюционная ситуация не оказалась благоприятной для женщины. Думается, что такой образ женщины отчасти психически травмирован.

2.1. В ранг значительных выдвигалось органами официальной власти участие женщины в экономическом, индустриальном развитии страны и управлении: в строительстве, горной промышленности, металлургии, поэтому в словаре отмечены следующие профессии:

забойщица – женщина-горнорабочий (118), *зарубщица* – работница, производящая зарубку в шахте (128), *засмольщица* – женщина, замазывающая что-л. смолой (129), *заварщица* – работница, производящая сварку чего-л. (118), *закальщица* (разг.), *калильщица, кальщица* (устар.) – женщина, занимающаяся закаливанием сплава, металлических изделий (122, 159), *зубофрезировщица* – работница, обслуживающая зубофрезерный станок (139),*истопница* – работница, занимающаяся топкой печей (156), *каменщица* (разг.) – работница, производящая кирпичную, каменную кладку (160), *канавщица* (устар.) – женщина, роющая канавы (161), *крановщица* – работница, обслуживающая кран, т.е. машину для подъема и перемещения грузов (183), *литейщица* – работница, занимающаяся отливкой металлических изделий (199), *лопатница* (прост.) – женщина, работающая лопатой, *камазовка, камазонка* (разг.) – работница Камского автомобильного завода (КамАЗа), *шоферка* (разг.) – водительница автомобиля (572), *шпаклевщица* – занимается замазыванием особым составом щелей и неровностей (572), *фанеровщица* – занимается облицовкой мебели фонерой (533), *паромщица* – женщина, занимающаяся перевозками людей, транспорта, грузов на пароме (299), *перевозчица* – женщина, занимающаяся перевозом с одного берега реки на другой на лодке, пароме (304), *подводчица* (разг.) – женщина, перевозящая грузы на подводе (323), *пожарница* (разг.) – работница пожарной охраны (333), *белильщица* (устар.) – женщина, занимающаяся побелкой (33), *авиаторша* (разг.) – лётчица (14), *арматурщица* – работница, изготовляющая или собирающая арматуру, т.е. стальной каркас железобетонных конструкций (22), *развальцовщица* – занимается развальцовкой,

т. е. обработкой отверстия в металлических изделиях (399), *разгрузчица* (401), *разрубщица* (устар.) – работница, занимающаяся разрубкой (406), *рамщица* – женщина, управляющая работой лесопильной рамы (408), *распильщица* (устар.) – женщина, распиливающая что-либо (411), *растапливательница, растоплятельница, растопница, растопщица* (устар.) – женщина, растапливающая в печи; истопница (415), *рафинёрщица* – работница, обслуживающая аппарат для размола волокнистых материалов (419), *револьверщица* – женщина-токарь, обслуживающая револьверный станок (421), *рубщица; рубительница* (устар.) – работница, занимающаяся рубкой (428), *рукоятчица* – работница в шахте, подающая для подъема и спуска клети (429), *бамовка* (разг.) – участница строительства БАМа (27).

2.2. В других названиях отражена трудовая деятельность женщины в деревне – крестьянки, колхозницы и т.д. Ср. названия женщины, работающей в сельском хозяйстве:

трактористка – водительница трактора (504), *комбайнерка, комбайнёрка, комбайнёрша (комбайнерша)* (разг.) – водительница комбайна (174), *земледелица, земледелка* (устар.) – женщина, занимающаяся земледелием; крестьянка (135), *жательница* (устар.), *жница, жнея, жалья* (диал.) – женщина, жнущая хлеб (115, 117), *трехтысячница* (ист.) – доярка, надоившая в год от одной коровы три тысячи и более литров молока (505), *тысячница* – 2. (ист.) в СССР: передовая работница, колхозница, выполняющая за рабочий день десять и более норм (1000 процентов) (508), *удабривательница, удобрительница, удобрятельница* (устар.) – женщина, удобрившая что-либо (поле, землю и т.п.) (513), *хлебородка* (устар.) – крестьянка, занимающаяся обработкой земли под зерновые (545), *целинница* – женщина, осваивающая целинные, залежные земли или работающая на целине (551), *повозница* (устар.) – девочка, возящая навоз на поля (320), *посевщица* (устар.) – сеяльщица (345), *боронильщица, бороновальщица* (устар.) – женщина, боронующая землю, т.е. рыхлящая вспаханную землю (42), *рассевальщица, рассевательница, рассевщица, рассеятельница* (устар.) – женщина, рассеивающая зерна (413), *утятница* (разг.) – работница, ухаживающая за утками (531), *цыплятница* – работница, ухаживающая за цыплятами (553), *пасечница* – владелица пасеки; женщина, работающая на пасеке; пчеловодка (299), *табунщица* – женщина, пасущая стадо лошадей, оленей (496).

Все это говорит в основном о трудных условиях работы женщины, которая участвует в напряженном труде.

2.3. Словарь отражает множество подобных вербальных манифестаций в области наименования женщин. В советские времена основными считались профессиональные функции женщины, т.е. трудовая жизнь женщины[2].

---

[2] См. на эту тему также монографические разработки: Сидорова 1981; Груздева 1983; Новикова 1985.

По этим параметрам можно составить коллективный портрет русской женщины того периода. Крупным планом возникает прежде всего образ труженицы, который пополняют также номинации типа:

ранщица (устар.) – женщина, рано выходящая на работу (408), *коллективистка* (173), *тысячница* – 3. (разг.) женщина, налетавшая, наездившая тысячу километров, совершившая тысячу прыжков с парашютом и т.п. (508), *ударница* – 2. В СССР в 20-70-х гг. 20 в.: передовая работница социалистического производства (513), *передовичка, передовщица, передовуха, передуха* (устар) – женщина, передовая в работе, достигающая наилучших результатов; коноводка (306), *бригадирка* (прост.), *бригадирша* (разг.) – руководительница бригады (44), *бригадница* (разг.) – член бригады (44).

3. Женщина в военное и послевоенное время тоже многое выстрадала, ср. названия:

танкистка – военнослужащая танковых войск (496), *фронтовичка* (разг.) – 2. женщина, находившаяся или находящаяся на фронте, в действующей армии (540), *партизанка* – участница вооруженного отряда, самостоятельно действующего в тылу врага (299), *блокадница* – женщина, находившаяся в блокаде, обычно о ленинградской блокаде 1941–1943 гг. (38), *разведчица; разведывательница* (устар.) – посланная в разведку (400).

Облик женщин в советский период представлен множеством номинаций, имеющих отношение к таким сферам, как политика, идеология, партийность и религия. В это время усилилась идеологическая пропаганда. Отношение к церкви было крайне враждебное. Женщины оказались в различных ролях.

3.1. Они состояли в коммунистической партии и других общественно-политических организациях. Среди них были:

большевички (41), *коммунистки* (175), *комсомолки* (176), *ленинки* (разг.) – последовательницы марксизма-ленинизма (197), *чекистки* (ист.) – 1.сотрудницы ЧК (чрезвычайной комиссии для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией в первые годы Советской власти, 1918–1922. 2. (разг.) в СССР: сотрудницы органов государственной безопасности (554).

Этот ряд пополняют названия:

тимуровка – участница возникшего в СССР в период Великой Отечественной войны детского общественного движения (500), *пионерка* – 2. в СССР: девочка (в возрасте 10-15 лет), входящая в добровольную детскую самодеятельную организацию (314), *партийка* (разг.) – женщина, состоящая в какой-либо партийной организации, обычно о члене Коммунистической партии Советского Союза (299).

3.2. Советская власть вела усиленную пропаганду атеистических взглядов. После 1917 года было построено атеистическое государство, т.е. общество без Бога. Государство боролось с религией как с контрреволюционной силой. В стране действовала одна из самых массовых организаций «Союз воинствующих безбожников». В его ряды вступали тоже женщины. Активистки в этой области получили название *безбожниц* (разг.), которые отрицали существование Бога (с. 31). Это название стало даже официальной должностью специалисток по антирелигиозной пропаганде. Была разработана целая система мероприятий, направленных на создание отрядов идеологического актива – пропагандистов и агитаторов. Активными её участниками были женщины. Атеистическую борьбу вели различные средства массовой информации. Особенно в эту пропаганду подключилась газета *Безбожник* и журнал *Безбожник у станка*. Антирелигиозную линию борьбы держала *Комсомольская правда*, *Учительская газета* и другие. Журнал *Большевик* провозгласил, что борьба против религии – это борьба против реакционной буржуазной идеологии.

Антирелигиозную борьбу вело общество «Знание» и «Дома научного атеизма». В агитационных пунктах велась среди населения массовая политико-просветительская работа, в которой принимали участие и женщины. Итак, отношение к церкви было крайне враждебное. Безбожие было признано государственной политикой. Среди номинаций в словаре отмечены:

> *антирелигиозница* (разг.) – женщина, разоблачающая реакционные с ее точки зрения стороны религиозных учений (20), *богоненавистница* (устар.) – противница Бога (39), *агитаторша* (15), *активистка* (17), *атеистка* (23).

Многие из этих названий уже ушли в прошлое, т.е. в пассив после того как в 90-е годы прошлого столетия отношение к религии и церкви было существенно пересмотрено.

4. Перестройка породила новую реальность, в которой женщина приобрела другой статус обусловленный целым комплексом социальных и культурных предпосылок. Общественные перемены способствовали формированию нового взгляда на отношения между полами. В измененной обстановке вырабатываются новые стратегии русской женщины[3]. Наблюдается смещение акцентов в сторону формирования иного образа женщины. Меняется образ и стиль жизни русской женщины, меняется ее имидж.

---

[3] Тема российских женщин в условиях трансформационных процессов рассматривается в ряде исследований, напр.: Шинелева 1991; Нунан 1994; Соколова 1995; Фонг 1995; Бабаева 1996; Хоткина 1996; Айвазова 1996; Лахова 1997; Карелова 1999.

4.1. Одной из таких стратегий является интерес русской женщины к бизнесу:

> *финансистка* – 1. специалистка по ведению финансовых операций; специалистка в области финансовых наук. 2. женщина, владеющая большими денежными средствами, ведущая крупные финансовые операции (537), *бизнесменка, бизнесменша* (разг.) (36), *банкирша* (прост.) – 2. владелица банка, банкирского дома, женщина, управляющая банком (28), *акционерка* (разг.) – владелица акций, совладелица акционерного общества (17).

Итак, женщины активно участвуют в деловой, профессиональной жизни, и в этом смысле они занимают полноправное с мужчиной место в жизни общества, но диапазон выполняемых ими занятий, как по характеру и их типу резко отличается от прежних ролей. Ныне роли женщины достаточно широки и многообразны. Эти роли модифицируются, меняется их вес в обществе и общественном сознании.

4.2. Женщины занимают достойные и престижные должности, ср. названия:

> *журналистка* (117), *издательница* (144), *инженерша* (150), *лаборантка* (192), *лингвистка* (199), *экзаменаторша* (разг.); *экзаменовательница, экзаменовщица* (устар.) – женщина, принимающая экзамен (576), *цивилистка* (разг.) – специалистка по гражданскому праву (552), *филологиня, филологичка* (прост.) – специалистка по филологии (536), *фольклористка* – специалистка в области народного творчества (538), *фонетистка* – спекиалистка в области фонетики (538), *хирургичка* (разг.) – специалистка в области хирургии (545), *переводчица* (304), *полярница* – участница полярных экспедиций, исследовательница полярных стран, зимовщица на полярной станции (339), *беллетристка* (33), *библиотекарша* (разг.) (36), *акварелистка* (разг.) – женщина, пишущая акварелью (16), *аптекарша* (разг.) (21), *архивистка* (22), *архитекторша* (разг.) (22), *аспирантка* (22), *ассистентка* (22), *астрономичка* (разг.) (23), *рекламистка* – специалистка, занимающаяся составлением и оформлением реклам (422). Высокую оценку передают названия: *хорошистка* (разг.) – ученица, получающая оценки «хорошо» и «отлично» (548), *космонавтка* (182).

4.3. Эта ориентация на расширение социальных ролей, но в коллективном портрете она все чаще представительница слабого пола. В этом портрете предпочтение отдается женственности, ср. названия: *косметичка* (182), *флористка* – специалистка по составлению букетов (537), *педикюрша* (301) и другие. Важны разные роли в семье и личной жизни, в том числе матери, воспитательницы детей, того кто сплачивает семью, укрепляет родственные связи, хранит традиции и обычаи. Женщина стремится восстановить в своей жизни гармонию.

Достаточно выраженной оказывается ориентация русской женщины на сферу искусства (кино, театр, музыка, эстрада и т.д.):

лютнистка (205), *частушечница* (разг.) – сочинительница и исполнительница частушек (554), *флейтистка* (537), *цимбалистка* (552), *балансёрка* – артистка цирка (26), *балалаечница* – играет на балалайке (26), *балерина; балетчица* (устар.) – артистка балета; танцовщица (27), *бандуристка* – играет на бандуре, т.е украинском струнном музыкальном инструменте (28), *барабанщица* (28), *аккомпаниаторша* (разг.); *аккомпанировщица* (устар.) (16), *аккордеонистка* (16), *актриса; актерка* (устар.) (17), *альтистка* (18), *артистка* (22), *арфистка* (22).

Многие женщины имеют отношение к сфере спорта:

йогиня (157), *каратистка* (163), *кролистка* – специализируется в плавании стилем кроль (186), *лучница* (203), *лыжница* (203), *яхтсменка* (583), *штангистка* (572), *фехтовальщица* (535), *фигуристка* (535), *финалистка* (537), *футболистка* (541), *хоккеистка* (547), *парашютистка* (298), *планеристка* – летает на планёре (316), *пловчиха* (317), *бадминтонистка* (25), *байдарочница* (26), *барьеристка* – занимается бегом с барьерами (28), *баскетболистка* (29), *бегунья* (29), *бейсболистка* (32), *биатлонистка* (36), *болельщица* (41), *брассистка* – специализируется в плавании стилем брасс (43), *аквалангистка* (16), *акробатка* (16), *альпинистка* (18), *амазонка* – всадница в специальном костюме для верховой езды (18), *разрядница* – спортсменка, имеющая тот или иной спортивный разряд (407), *рапористка* – спортсменка, занимающаяся фехтованием на рапирах (408), *рекордсменка* – спортсменка, устанавливающая рекорд (423).

5. Многие названия передают описание внешнего вида или описание особенностей женщины пейоративного характера:

жируха (117), *уродка, уродиха* (разг.) – женщина с некрасивой, безобразной внешностью, с ярко выраженным физическим недостатком, *рябуха* – с лицом, покрытым рябинами, щербинами (430), *ряжоха, ряха* (устар.) – щеголиха, любит наряжаться (430), *финтифлюшка* (разг.) – пустая, легкомысленная женщина, думающая только о нарядах, развлечениях (537), *фифа, фифка, фифочка* (разг. пренебр.) – пустая, легкомысленная женщина или девушка, обращающая на себя внимание своей внешностью, нарядом, поведением (537), *пижонка* – 1. пустая девушка, щеголиха, 2. женщина, которая выставляет себя напоказ (314), *уличница* (устар.) – женщина, без дела шатающаяся по улицам (519), *фанаберка* (разг.), *фанаберистка* (устар.) – о чрезвычайно гордой, спесивой, кичливой, чванливой женщине (533), *халтурщица* (разг.) – 1. недобросовестно и небрежно работающая женщина, 2. женщина, занимающаяся халтурой (542), *алиментщица* (разг.) (17).

5.1. Есть названия, которые эротизируют женщину. Одни из них обозначают женщину свободного поведения, причем эти названия дифференцируются смысловыми оттенками и/или стилистической принадлежностью, ср.:

интердевочка (прост.) – молодая проститутка, вступающая в связи только с иностранцами (152), *баядера, баядерка* – 2. женщина легкого поведения (30), *развратница* – женщина, предающаяся разврату (400), *распутница* – женщина, ведущая распутную, развратную жизнь (413).

Многие названия сопровождаются пометой жаргонное:

чивиха, чува – 2. проститутка (561), *шалава* – 2. проститутка (563), *шалашовка, шалашовочка* – проститутка, распутница, вступающая в интимную связь, не считаясь с неудобствами (563), *шеша* – молодая проститутка (569), *шкица* – несовершеннолетняя проститутка (570), *халява* – 1.опустившаяся проститутка (542), *банжиха* (жарг.) – вокзальная проститутка (28).

Это явление не ново, но сегодня сняты прежние запреты на темы интимной жизни, секса и т.п. В словаре фиксируются многие другие названия:

с пометой просторечное: *подзаборница* – проститутка низшего пошиба, отдающаяся под забором (324), *шмара* – женщина легкого поведения; проститутка (571);

разговорное: *баловница* – женщина, которая проказничает, шалит или вольно ведет себя, распутничает (27);

бранное: *блядь, блядунья* – развратная, распутная женщина; проститутка (38); разговорное и бранное: *поблядушка* – женщина, соглашающаяся на совокупление для достижения своих целей; проститутка (318);

просторечное и бранное: *шалава* – 1. распутная, разбитная, часто спившаяся и опустившаяся женщина (563);

просторечное и грубое: *шлюха, шлюшка* – женщина, ведущая безнравственный, распутный образ жизни; потаскуха (570);

устаревшее: *повалюшка* – женщина легкого поведения (319), *бланкета* – проститутка (38), *шалабольница* – распутница (563), *разбитуха* – разбитная, развязная женщина (399), *развратительница; развратчица* – женщина, распущенная (400).

Порицания заслуживают и другие отклонения в плане сексуального поведения, ориентации, ср.:

лесбиянка (197), *кобелиха* (жарг.) – активная лесбиянка (171), *рукоблудница* – девушка, женщина, занимающаяся рукоблудием, онанизмом (428), *порнографка* (устар.) – любительница наслаждаться порнографией (343).

5.2. Пристрастие к хмельному тоже водится среди определенного контингента женщин, в чем убеждают названия типа:

запойщица (126), *каплюжница* – пьяница, пьющая за чужой счет (162), *келюшница* (устар.) – постоянно и много пьющая женщина (167), *алкоголичка* (18), *распивательница* (устар.) – охотница, любительница пить хмельное (411). Отмечаются тоже названия: *упаивательница, упоительница, упойщица* (устар.) – женщина, упаивающая, т.е. поящая допьяна кого-либо (523).

Часть женщин занимается незаконной или преступной деятельностью, о чем свидетельствуют названия:

арестантка (21), *беспредельница* – лагерница, не признающая никаких общепринятых лагерных норм (35), *рецидивистка* (425), *аферистка* – мошенница (24), *разбоцница* – женщина, занимающаяся разбоем, грабежом (399), *садистка* (431), *зечка (зэчка)* (жарг.) – женщина, находящаяся в заключении (140), *бандитка* (разг.) (28), *террористка* – сторонница, участница террористических актов (499), *бомбистка* – террористка (41), *авиаугонщица* -угонщица самолета (14), *бандеровка (бендеровка)* – участница военно-политических формирований Украинской повстанческой армии на Западной Украине (1943–1947), руководимой С.А. Бандерой (27), *атаманша* (разг.) – 2. предводительница банды (23), *фарцовщица* (разг.) – в СССР: женщина, спекулирующая вещами, перекупленными у иностранцев (533), *блатарка* (жарг.) – представительница мира блатных, т.е. преступного мира (38), *атасница* (ист.) – женщина, стоящая на атасе, т.е следящая за обстановкой во время совершения преступления и подающая преступникам знак в случае опасности (23), *расхитительница; расхитчица* (устар.) – женщина, занимающаяся воровством, преступным присвоением чужого имущества (418), *рэкетирша* – преступница, занимающаяся рекетом, т.е. вымогательством денег, имущества с применением угроз, шантажа и насилия (430), *киллерша*, т.е. женщина-профессиональный убийца, совершающая убийство по чьему-л. заказу (168).

6. Весьма разнообразная картина жен – представителей разных профессий и должностных лиц, ср.:

звонариха (прост.) – жена звонаря, т.е. служителя в церкви, звонящего в колокола (134), *кучериха* (192), *есаульша* – жена есаула, т.е. офицера казачьих войск в российской армии до 1917 г., *экономша* – жена эконома (576), *ямщичка* (разг.) – жена ямщика, т.е. кучера, возницы (583), *уланша* (устар.) – жена улана, т.е. солдата или офицера лёгкой конницы в российскрй армии до 1917 г. (518), *ханша* – жена хана (543), *банкирша* (28), *баронесса, баронша* (разг.) (28), *бобылиха* (устар.) – жена бобыля, т.е. бедного безземельного крестьянина, бездомного человека (38), *бондариха* (устар.) – жена бондаря, т.е мастера по изготовлению бочек, кадок (42), *боярыня, боярынька* (разг.) – жена боярина (42), *палачиха* (297), *пасторша* (300), *писариха, писарша* (устар.) – жена

писаря (314), *подполковница* (разг.) (328), *подпрапорщица* (315), *полицей-мейстерша* – жена начальника полиции большого города в России до 1917 г и в некоторых других странах (337), *полковница, полковничиха* (разг.) (317), *поручица* (устар.) – жена офицера в российской армии до 1917 г (344), *попадья; попадейка* (устар.) (342), *адмиральша* (разг.) (15), *адъюнкша* (прост.) (16), *адъютанша* (прост.) (16), *актёрша* (устар.) (17), *асессорша* (разг.) (22), *ректорша* (423).

6.1. Отдельные номинации можно объединить в категориальные лексико-семантические разряды, выделяя соответственно синонимические, антонимические, омонимические, паронимические и другие группировки, ср.:

Антонимы: *чадолюбица / чадоненавистница* (устар.) – женщина, любящая / ненавидящая детей (553); *юдофилка / юдофобка* – сторонница юдофилии (особой симпатии, преклонения перед всем еврейским) / антисемитка (580); *братолюбица / братоненавистница* (устар.) (43).

Омонимы: *чабанка* (разг.) – женщина-пастух, пасущая овец, *чабанка* (диал.) – женщина легкого поведения; *единокровница* (устар.) – родственница по крови, *единокровница* (устар.) – живущая под одним кровом с кем-либо; *жируха* – тучная, очень толстая женщина, *жируха* (устар.) – веселая, бойкая девушка; баловница (117); *заговорщица* – участница заговора, *заговорщица* (устар.) – знахарка, лечащая заговорами (120); *подрубщица* – работница, занимающаяся подрубкой деревьев, *подрубщица* – швея, подшивающая швейные изделия (329); *аппаратчица* – обслуживает техническое устройство, *аппаратчица* – работница учреждения (20); *романистка* – писательница, автор романов, *романистка* – специалистка в области романистики (427).

Паронимы: *пожимщица* (устар.) – женщина, которая жмет, гнетет, теснит кого-либо, *пожинщица* (устар.) – жница, празднующая окончание жатвы; *позорница* (устар.) – бесстыдница, *позорщица* (устар.) – женщина, позорящая других; *рыбачка* – 1. жена рыбака, 2. женщина, занимающаяся ловлей рыбы, *рыбница* (разг.) – женщина торгующая рыбой (430); *садовница* – специалистка по уходу за садом, *садоводка* (устар.) – женщина, разводящая сады, *садовщица* (устар.) – жена садовника (431).

6.2. Особого внимания заслуживает новейшая номинация:

экстернка (разг.) – женщина, сдающая экзамен за учебный курс, не обучаясь в соответствующем учебном заведении (577), *уикендиха* (разг.) – женщина, проводящая уикенд, т.е. время отдыха (516), *универсантка* (разг.) – студентка университета; женщина с университетским образованием (522), *тусовщица* (жарг.) – участница тусовки (любого неформального общения; группы людей, связанных общими интересами) (508).

7. Итоговые замечания по словарю. Названия женщин, представленные в лексиконе Колесникова, кроме функционально-прикладного значения, являются аксиолого-когнитивными феноменами. Из его словаря встает живой облик русской женщины. Этот облик связан с крупными общественно-политическими изменениями, с основными процессами истории, в том числе новейшей истории.

В словаре представлены сторонницы и противницы политических группировок, взглядов, течений, ср. названия:

> *реакционерка* (420), *ревизионистка* (420), *революционерка* (421), *антисоветчица* (разг.) (20), *антисталинистка* (20), *рабкорка* (разг.) в СССР: рабочая корреспондентка (396), *уклонистка* (разг.) – женщина, отошедшая от правильной линии во взглядах, в политике (517), *фашистка* (разг.) – сторонница фашизма (534), *русификаторша* – женщина, осуществляющая русификацию (429).

Многие названия приобрели статус историзмов:

> *красноармейка* 1.жена красноармейца, 2.женщина, состоящая в рядах Красной армии (184), *рабфаковка* – в СССР в 1919-1940 гг.: учащаяся рабфака (398), *подкулачница* – в СССР в годы коллективизации (кон. 20-х – нач. 30-х гг 20 в): крестьянка, считавшаяся сторонницей кулаков (325).

Обильно отмечены профессии, которые имеют устаревший характер:

> *червежница* – женщина, разводящая гусениц или копающая червей для рыбной ловли с удочкой (555), *яблочница* – женщина, торгующая яблоками (581), *уксусница* – женщина, изготовляющая уксус и торгующая им (518), *хлебница* – женщина, пекущая и продающая хлеб (545).

Устаревшая лексика касается обрядов и связана с народной традицией, ср.:

> *плакальщица; плакушка, плачея, плачевница* – в старинном похоронном обряде: женщина, нанятая оплакивать покойника на похоронах или поминках (315), *повязальщица, повязывальщица* – каждая из женщин, которые повязывают молодую – расплетают ей косу и надевают повойник, т.е. старинный головной убор русских замужних женщин – повязку, надеваемую под платок (320). Сюда можно отнести названия: *подсваха, подсвашка* (диал.) – в старинном русском свадебном обряде: женщина, помогающая свахе (330), *балаганщица* (ист.) – участница балагана, т.е. ярмарочного народного театрального представления (26).

Итак, Колесников зафиксировал различные изменения в области женских профессий. Словарь отражает исторические обстоятельства, социальные изменения в облике женщины, систему ценностей, норм и выполняемых ею ролей. В темпоральном пространстве эти функции модифицировались в связи с переменами, произошедшими в обществе.

В 80-х годах XX в., т.е с началом перестройки, этот облик стал постепенно видоизменяться. Словарь отражает в своем содержании всю совокупность реальных условий жизни женщин, совокупность тех ролей, которые осуществляла и осуществляет женщина. И конечно же, в таком общем и коллективном портрете совмещаются (сосуществуют) противоположные по своему характеру признаки. Служат этому разнообразные иллюстративные материалы. Ср. с этой точки зрения отдельные названия, создающие образ женщины, которая вынуждена бороться за свое выживание:

> *подхалузница* (диал.) – бездомная женщина (332), *бездомница, бездомка* (устар.) – женщина, у которой нет своего жилища (31), *беспризорница* – бездомная, лишенная присмотра, не имеющая дома девочка (35), *бичевка* (жарг.) – бродяжничающая, опустившаяся женщина (37), *бомжиха, бомжовка* (прост.) – бездомная (41).

В современных условиях тоже много противоречий, которые породила тоталитарная действительность с ее подавлением и обесцениванием личности. Многие названия женщин являются прямым следствием этих процессов.

Такова Колесниковская русская женщина в ее многообразии ликов, однако думается что данному облику соответствуют польские, немецкие и др. аналоги, что отмечаем ради перспективы для дальнейших исследований.

В практике создания словарей русского языка разработка Н.П. Колесникова занимает особое место. Это первый опыт целостной и системной кодификации наименований женщин в русской лексикографии. Словарь дает представление о социально-психологических типах женщин в современной русской языковой среде. Аналогичной разработкой для польского языка пока не располагаем.

Принятые сокращения названий словарей

БТС 2003 – Кузнецов С.А. (2003) (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург 2003.

МАС 1981–1984 – *Словарь русского языка в 4-х т.*, 2-е изд., испр. и дополн., ред. А.П. Евгеньева, Москва.

ОШ 2005 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва.

Другие словари

Грачев М.А., Мокиенко В.М. (2000), *Историко-этимологический словарь воровского жаргона*, Санкт-Петербург.

Дуличенко Л.В. (2000), *Словарь обидных слов. Наименование лиц с негативным значением*, Тарту.

Колесников Н.П. (2002), *Толковый словарь названий женщин. Более 7000 единиц*, Москва.

Левикова С.И. (2003), *Большой словарь молодежного сленга*, Москва.

Макловски Т., Кляйн М., Щуплов А. (1997), *Жаргон-энциклопедия московской тусовки. Научное издание*, Москва.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2000), *Большой словарь русского жаргона (25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний)*, Санкт-Петербург.

Czerwinsky A., Nadel-Czerwinska M., Czerwinsky P. (2001), *Metaphern des russischen sexuellen Ego. Ein psycholinguistisches Worterbuch des aktuellen Spachgebrauchs*, Hrsg. J. Hartung, «Schriftenreihe Philologia», Bd. 47, Hamburg.

Библиография

Айвазова С.Г. (1996), *Женщины в российском обществе: тендер, измерение политического процесса*. Автореф. дис. ... доктора полит. наук, Москва.

Айвазова С.Г. (1998), *Русские женщины в лабиринте равноправия*, Москва.

Апресян Ю.Д. (1995), *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*, «Вопросы языкознания», № 1, с. 37–67.

Арутюнян М.Е. (1997), *Тендерные отношения в семье*, [в:] *Материалы первой Российской летней школы по гендерным исследованиям*, Москва, с. 131–136.

Бабаева Л. (1996), *Женщины в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь*, Москва.

Безрученко Т.Е. (2009), *Традиции и ценностные отношения в русской семье*, «Российский научный журнал» (Рязань), № 4, с. 144–149.

Близнакова И. (2004), *Стратегии речевого поведения по отношению к женскому полу в славянском культурном пространстве (на примере русского, польского и болгарского языков)*, [в:] *Восток – Россия – Запад: проблемы межкультурной коммуникации. Международ. сб. науч. тр.*, под ред. Е.Е. Стефанского, Самара, с. 39–42.

Борисова Т. (2003), *Стилистическое использование портретного описания при создании стереотипного персонажа*, [в:] *Південний архив. Філологічні науки: Збірник наукових праць*, випуск XXIII, Херсон, с. 23–28.

Весельницкая Е.И. (2000), *Женщина в мужском мире*, Санкт-Петербург.

Груздева Е.Б. (1983), *Труд и быт советских женщин*, Москва.

Кардапольцева В.Н. (2000), *Женские лики России*, Екатеринбург.

Карелова Г.Н. (1999), *Гендерная адаптация: Структурные и процессуальные аспекты на примере анализа адаптации российских женщин в условиях социальной реформации 90-х гг. XX века*, Москва.

Клименкова Т.А. (1993), *Феминизм как культурная позиция*, «Преображение. Русский феминистский журнал», № 1, с. 3–9.

Клименкова Т.А. (1996), *Женщина как феномен культуры. Взгляд из России*, Москва.

Лагановска К. (2004), *Образ женщины в художественном мире В. Борхерта*, „Respectus Philologicus", № 6, с. 147–153.

Лахова Е. (1997), *Социальная и политическая адаптация российских женщин в годы реформ, 90-е годы XX века*. Автореф. дис. ... канд. полит. наук, Москва.

Новикова Э.Е. (1985), *Женщина в развитом социалистическом обществе*, Москва.
Нунан К.Н. (1994), *Ведет ли сознательность к действию: исследования воздействия перестройки и постперестроечного времени на женщин России*, [в:] *Женщины России – вчера, сегодня, завтра (материалы конференции)*, редкол. Э.Б. Ершова и др., Москва, с. 35–41.
Пушкарева Н.Л. (1997), *Женщина в русской семье X – начала XIX веков. Динамика социо-культурных изменений*, Москва.
Рис Н. (1994), *Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа*, «Этнографическое обозрение», № 5, с. 44–52.
Сидорова Т.Н. (1981), *Труд и современная женщина*, Москва.
Соколова Е. (1995), *Феминизм в России: между прошлым и будущим*, «Преображение. Русский феминистский журнал», № 3, с. 22–25.
Сорокин Ю.А. (1995), *Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других)*, «Вопросы языкознания», № 6, с. 43–53.
Тишкин Г.А. (1995), *Женский вопрос в истории России*, [в:] *Феминизм и российская культура*, Санкт-Петербург, с. 138–167.
Фонг М. (1994), *Роль женщин в перестройке российской экономики*, Вашингтон.
Хоткина З.А. (1996), *Тендерные аспекты безработицы и системы социальной защиты населения*, [в:] *Тендерные аспекты социальной трансформации*, Москва, с. 74–83.
Шинелева Л.Т. (1990), *Женщина и общество: декларация и реальность*, Москва.
Юнг К.Г. (1992), *Психологические типы*, Москва.
Anusiewicz J., Handke K. (1994) (red.), *Płeć w języku i kulturze*, „Język a Kultura", t. 9.
Modrzejewska K. (1999), *Postać kobieca we francuskim dramacie XX wieku*, Opole.
Witosz B. (2001), *Kobieta w literaturze. Tekstowe wizualizacje od fin de siecle'u do końca XX wieku*, Katowice.

ГЛАВА VI

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *МЕДВЕДЬ* В РУССКО-ПОЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В лингвокультурологическом пространстве России образ медведя занимает особое и в значительной степени символическое место. Достаточно вспомнить, что он был талисманом Олимпиады, проходившей в Москве в 1980 г. Это также символ одного из патриотических движений под названием «Единство». Его изображение представлено в гербах и флагах русских городов, таких как Великий Новгород, Пермь, Хабаровск, Сыктывкар, Ярославль, Череповец, а также Хабаровского Края, Норильска, Карелии как символ силы, храбрости и готовности к защите своих рубежей.

В народной этимологии ему отводится незаурядное место, поскольку отмечается его человеческое происхождение, а связь человека с медведем отражена во многих поверьях, легендах и сказках. В Энциклопедии знаков и символов приводится следующая информация:

> В мифологических представлениях и ритуале медведь может выступать как божество (в частности, умирающее и возрождающееся), культурный герой, основатель традиции, предок, родоначальник, тотем, дух-охранитель, дух-целитель, хозяин нижнего мира, священное и (или) жертвенное животное, зооморфный классификатор, элемент астрального кода, воплощение души, даритель, звериный двойник человека, помощник шамана, его зооморфная ипостась и душа, оборотень и т. п. Медведь – один из главных героев животного эпоса, сказок, быличек, песен, загадок, поверий, заговоров и др. Значение медведя определяется прежде всего его подобием человеку, толкуемым мифопоэтическим сознанием как указание на общее их происхождение или происхождение друг от друга (ЭЗиС http).

В народных поверьях параллели животного и человека усматриваются по ряду показателей: у медведя человеческие глаза; ступни и лапы с пальцами, как руки у человека; умеет ходить на двух лапах; любит плясать под музыку; неравнодушен к меду и водке как человек; медведиха своих детенышей вскармливает грудью; любит и воспитывает как человек. Итак, в фольклорных материалах немало ссылок на человеческое происхождение медведя, отсюда и легенда о его человеческом происхождении.

В других поверьях указывается на божественное происхождение медведя. Медведь в народной традиции трансформировался в различных образах: жениха, невесты, матери невесты или жениха, также нечистой силы,

но и защитника. Его мотив встречается в славянских сюжетах легенд, мифов и сказок, например, в популярной сказке *Маша и Медведь*.

В МАС слово *медведь* толкуется следующим образом:

> 1. Крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами. *Бурый медведь. Белый медведь.* || *Разг. устар.* Мех этого животного, а также изделие из такого меха.
> 2. *Разг.* О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке. || О невоспитанном человеке.
> Δ Медведь на ухо наступил кому. Делить шкуру неубитого медведя. Смотреть (или глядеть) медведем – быть, казаться нелюдимым, угрюмым.

В ТССРЯ слово *медведь* семантизируется более диференцированно:

> 1. крупное хищное всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами;
> 2. мех, шкура такого животного;
> 3. *перен. разг.* крупный, сильный, но грузный и неуклюжий человек, внешним видом и своими действиями напоминающий такое животное;
> 4. малокультурный, невоспитанный, грубый человек;
> 5. кофе или чай с ромом, водкой и т.п.;
> 6. напиток или смесь вин с пряностями;
> 7. *м. устар.* каток (дорожный, мельничный).

В специальных словарях терминов слово *медведь* толкуется как

> Спекулянт, играющий на понижение. Инвестор, который рассчитывает на то, что акции или весь рынок будут падать. «Медвежий» рынок – это длительный период снижения курсовой стоимости акций, как правило, на 20% или более процентов (ТСБиФТ 2011)

Арготические словари отмечают еще другие значения слова *медведь*:

> 1. назв. ряда коктейлей. 2. Несгораемый шкаф, сейф; громоздкий шкаф. 1 Белый медведь – смесь пива, водки и шампанского. 2 Заломать медведя – вскрыть сейф. *См. также*: бурый медведь 2. и 2 – от *уг.* «медведь» – сейф (возм. восходит к польскому арго), ср. «медведя взять на аркан» – вывезти несгораемый шкаф, «медведя взять за лапу» – взломать сейф и т. п. (СРА 2002).

Таков образ медведя запечатлен в словарных материалах русского языка. В своем большинстве он фиксируется и в польских источниках. В SJP *niedźwiedź* толкуется следующим образом:

> Ursus, ssak drapieżny z rodziny o tej samej nazwie, obejmującej siedem gatunków; duże zwierzę o masywnej budowie ciała, krótkich silnych stopochodnych kończy-

nach, szczątkowym ogonie, pokryte długim gęstym futrem, zwykle jednobarwnym w różnych odcieniach brązu, czerni lub bieli; [...]
przen. żartobliwie lub złośliwie o człowieku niezgrabnym, niezdarnym, nie umiejącym się poruszać lub zachować: Gruboskórny, nietowarzyski, niedźwiedź (SJP 1979: 2/332).

Этимологические источники отмечают эвфемистический характер названия *медведь*. Оно использовалось как эвфемизм из-за опасения обидеть или подозвать медведя посредством произнесения его имени. Это не что иное как табуирование имени. В русском и польском языках наименования *медведь* и *niedźwiedź* происходят от общего славянского эвфемизма *медоед* и *мед едящий*, *miodojad* и *jedzący miód*.

КЭСРЯ (1975) поясняет, что слово *медведь* образовано путем сложения двух основ. В свою очередь, аналогичный источник польского языка поясняет, что слово *niedźwiedź* первоначально имело форму *miedźwiedź*. Указывается при этом на праславянское происхождение имени, о чем свидетельствует его употребление в разных славянских языках (SEJP 1985).

Наименованиям *медведь* и *niedźwiedź* сопутствуют также другие определения: *мишка* и *miś* или *misio*. Звучат они ласково и никак не ассоциируются с опасным зверем, что было свойственно первоначальным именам. Наблюдается таким образом как бы вторичное табуирование. При этом в русском языке оно образовано от имени собственного *Михаил*, а в польском языке представляет уменьшительную форму от имени собственного *Mieszko* (от глагола *mieszkać*, что в старину обозначало: быть грузным и неуклюжим).

Следует подчеркнуть, что словари синонимов фиксируют множество других определений слова *медведь*. Итак в СРС (1999) приводятся следующие синонимические наименования:

мишка, косолапый, топтыгин; неловкий, угрюмый; медведище, слон в посудной лавке, барин, мишутка, мех, медведюшка, миша, медведушка, хищник, панда, ошкуй, губач, торговец, нескладеха, сейф, телепень, дилер, хозяин, тюлень, мешок, кинкажу, умка, гризли, барибал, увалень, пентюх, лесной хозяин, коала, косолапый мишка, михайло иванович, лесной барин, мастодонт, хозяин леса, хозяин тайги, облом, хозяин дубрав, четвероногий артист.

Лексема *медведь* встречается в различных изречениях, которые целесообразно систематизировать по тематическим разрядам. В основу классификации положены те черты животного, которые переносятся на человека. Так как это сильный и хищный зверь, то он символизирует мощь и храбрость. Физическую силу и мощь медведя передают следующие выражения:

Кого медведь драл, тот и пня боится;
Не балуйся с медведем – задавит;
Кобыла с медведем тягалась, да один хвост да грива остались.

Имеются и другие сравнения и соотнесения, свидетельствующие о силе медведя:

Богатый силен, что медведь;
Кошка лапкою, медведь пятернею;
Не дай бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы.

Медведь одним своим видом внушает силу. Его масса составляет от 250 до 480 килограмм. Это животное принадлежит к самым крупным хищникам, с большим телом, с толстыми и сильными конечностями. Итак, это коренастое животное с сильными лапами. На этих чертах и основываются приведенные изречения.

Тяжелый и неуклюжий способ поведения или передвижения животного переносится на человека и эту особенность передают выражения:

Медвежьи объятия,
Медвежий шаг,
Кто-либо ходит как медведь,
Неповоротлив, как медведь (как колода, чурбан, пень и пр.).

Поведение медведя непредсказуемо, что обусловлено в значительной степени его невероятной силой. Человек тоже может себя вести наподобие медведя. Такого человека словари определяют неуклюжим, так как он своими действиями напоминает данное животное. Из-за способа передвижения, тяжелой походки, как бы нерешительных шагов медведя, возникают переносные значения этих свойств на человека, что иллюстрируют рассматриваемые нами изречения.

На человека могут переноситься также другие черты медведя. Так как животное вызывает неприязнь и внушает страх своим видом, то и человек может казаться неприятным, неуклюжим, недружелюбным. К такому неуклюжему человеку могут относиться выражения типа:

Медведь (мишка) косолапый;
И космато, да не медведь;
Смотреть (или глядеть) медведем;
Медвежонок.

Приведенные изречения транслируют соответствующий образ жизни или поведения человека.

Значительная часть изречений с рассматриваемым нами компонентом касается жизненных ситуаций, когда осуществляется преждевременная и необоснованная меркантильная сделка ради какой-то выгоды, в успехе которой нет уверенности. В них содержится предостережение к необдуманным решениям. Данный смысл передают выражения:

Медведь в лесу, а он шкуру продает,
Шкура продана, а медведь в лесу,
Не продавай шкуры, не убив медведя или
Не убив медведя, не продавай шкуры.

Чревато поэтому *Делить шкуру неубитого медведя*, поскольку *Медведь в лесу, так и шкура в лесу*. Кто добросовестно относится к своим обязанностям тот не станет рисковать в угоду каких-то сомнительных результатов.

Не следует преждевременно распределять доходы от неосуществленного дела: *Не убив медведя, кожу не продают.* Эта мысль передается своеобразно в изречении *Медведя убить, да кожу не испортить*, т. е. недостаточно убить медведя, нужно еще со знанием деда снять с него шкуру, которая только в неиспорченном виде может стать источником дохода. Кто рискнет и заранее планирует доход на что и нет оснований, того ожидает разочарование так как *Двум медведям в одной берлоге не ужиться*. Вывод такой, что только осуществленное и результативное дело может принести выгоду, прибыль.

Небезынтересны те фразеологизмы с компонентом *медведь*, которые в русском языке имеют отношение к месту хранения ценностей, т. е. к сейфу, ср.:

Домашний медведь,
Зарядить медведя в значении ‘украсть деньги из сейфа’,
Взять медведя на аркан в значении ‘украсть сейф для взлома, вскрытия’ или
Запороть (вспороть, заломать, взять на лапу) медведя, т. е. ‘вскрыть сейф’.

Медведь ассоциируется с чем-то крепким, мощным и в этом смысле надежным как специальный шкаф для хранения сбережений, но оказывается что и сейф можно взломать и это отражают отчасти приведенные примеры.

Некоторые изречения с компонентом *медведь* имеют отношение к приобретению знаний или умений, что может стимулировать и человека к получению знаний, коль скоро этому процессу поддаются даже хищные животные, ср.:

И медведя люди учат,
И медведя плясать учат,
И медведя бьют, да учат,
И медведь костоправ, да самоучка.

Примеры убедительны, так как медведей на самом деле обучают цирковым выступлениям.

Человек оказывается в различных и не всегда благоприятных ситуациях. Он должен быть предприимчивым и обезопасить себя на худой случай. Но осознание этого факта смягчается, когда осознаешь, что это касается также некоторых животных. Это не чуждо, например, медведям, что подтверждают выражения:

И медведь из запасу лапу сосет,
Медведь лапу сосет, да всю зиму сыт бывает,
На Овечницу медведь ложится в берлогу и начинает сосать лапу, на Сретенье переворачивается и сосет другую лапу, а на Благовещенье – выходит из берлоги,
От волка ушел – на медведя набрел или *От волка ушел – на медведя напал.*

Некоторые выражения с компонентом *медведь* имеют отношение к спиртным напиткам. Не каждому потребителю они полезны и особенно крепкие спиртные напитки. Дело в том, что изготавливаются разные смеси, к примеру спирта с коньяком, спирта с шампанским или водки с шампанским и пивом. Их обобщает одно название *Белый медведь*, к которому примыкает другое – *Бурый медведь*. Смесь спирта с водкой передает название *Северный медведь*. Выпить большую дозу спиртного содержит выражение *Побороть медведя*.

Такая форма развлечений, когда употребляются спиртные напитки в чрезмерном и неконтролируемом количестве приводит к пьянству, что тоже нашло свое отражение в языке. Состояние или действие быть пьяным, пить запоем, т. е. пьянствовать передает выражение *Водить / вести медведя*.

Образ медведя метафорически преломляется в изречениях, связанных с нехваткой музыкальных способностей у человека. Таким образом фиксируются случаи, когда при пении человек фальшивит или неспособен правильно воспроизвести музыкальные звуки. К тем, кто совсем лишен музыкального слуха применим фразеологизм *Медведь (слон) на ухо наступил кому-либо*. По отношению к тем, кто полностью лишен музыкального слуха применим другой фразеологизм *Медведь ухо отдавил кому-либо*. Достаточно учесть громоздкость и вес этого животного, достигающий даже 800 килограмм, чтобы возникли такие переносные представления о неких негативных последствиях действий этого животного.

Неумелая, неловкая услуга или помощь, причиняющая только вред также запечатлена в крылатой фразе *Медвежья услуга*. Она восходит к басне французского автора Жана Лафонтена, но нам больше ассоциируется с творчеством русского баснописца Ивана Крылова.

Кровное родство близких себе людей продемонстрировано в выражении *Брат с братом на медведя ходят*. На самом деле, охотиться на медведей небезопасное занятие. Тут довериться может брат брату, между которыми особые взаимоотношения и взаимопонимание. В случае угрозы и какой либо опасности брат может рассчитывать на брата.

В достижении правды, истины медведю отводится также значительное место. Намеченной цели добиваемся постепенно, порой упорным трудом и терпением. Возможный путь к истине передает следующее изречение *И по заячьему следу доходят до медведя*.

Медведь становится также средством, приемом эвфемизации, о чем свидетельствует выражение *Медвежья болезнь*. Оно касается неприятного заболевания, каким является расстройство кишечника при волнении, испуге или стрессе, т. е. понос. Елена Сеничкина в своем словаре эвфемизмов поясняет, что данное выражение употребляется вместо слова *понос*, который появляется под влиянием испуга (СЭРЯ 2008).

И уже в прямом смысле тема здоровья и смежная с ней тема гигиены затрагиваются в следующем изречении *Медведь не умывается, да здоров живет*. Забота о чистоте сопровождает всю нашу жизнь. Раньше все было иначе, по разным причинам и в силу различных обстоятельств люди не придавали столь большого внимания вопросу гигиены, поэтому как бы в оправдание этому мог использоваться данный фразеологизм. В некоторых ситуациях и временных неблагоприятных условиях жизни сегодня он тоже употребляется, чтобы разрядить сложную ситуацию.

Из-за отдаленных и не так уж доступных человеку мест, где обычно обитают медведи можно объяснить выражение *Медвежий угол*. Его семантика связана как раз с каким-то захолустным, глухим и скорее весьма отдаленным и возможно труднодоступным местом, которое может ассоциироваться с местом пребывания этих животных. В условиях огромной территории, какую занимает Россия с ее просторами и расстояниями, такое объяснение вполне понятно и убедительно.

Многим рассмотренным нами русским фразеологизмам, изречениям и выражениям можно подобрать польские параллели и эквиваленты, причем по уже намеченным тематическим разрядам. Начнем этот обзор с силовой характеристики, которая в случае медведя представляется основной. Итак, ее передают следующие выражения:

Silny / mocny jak niedźwiedź,
Jak niedźwiedź głaśnie, to aż w krzyżach trzaśnie,
Jak niedźwiedź łapą pogłaszcze, to się żartów odechce,
Kto idzie na niedźwiedzia, niech gotuje łoże, kto na dzika – mary,
Łatwo zająca niedźwiedź złamać może.

По примеру русских изречений весьма показательны и польские выражения, которые предостерегают перед неосуществленными, незаконченными еще действиями, ср.:

Skórę niedźwiedzia sprzedają, a niedźwiedź w lesie,
Jeszcze niedźwiedź w lesie, a już skórą targują,
Dzielić skórę na niedźwiedziu,
Nie pij na żywego niedźwiedzia skórę,
Nie sprzedawaj skóry niedźwiedzia, zanim go nie upolujesz.

Итак, не следует заранее распоряжаться чем-то, выстраивать нереальные планы, рассчитывать без основания на выручку, на положительные результаты еще не осуществленного дела.

Человека неоднократно по разным параметрам и показателям, особенностям поведения приравнивают к медведю. Об этом можно судить по следующим пословичным изречениям:

Ciągnąć niedźwiedzia do miodu za uszy, a od miodu za ogon,
Kiedy niedźwiedzia prowadzono do miodu, tedy mu uszy oderwano, a kiedy od miodu, tedy ogon,
Niedźwiedzia za uszy do miodu nie ciągną,
Trudno niedźwiedzia od miodu odciągnąć.

Эти пословицы во многом передают характер поведения человека, который поначалу прямо или косвенно сопротивляется, медлит с выполнением какого-то дела пока не удостоверится в его полезности, пока не войдет во вкус как медведь, попробовав мед.

Сравнение человека с медведем по разным приметам, чертам и особенностям, как невежество и отсутствие хорошего поведения или медлительность в работе в ущерб другим, а также нечестная поддержка друг друга, усматривается по очереди в выражениях:

Gruboskórny jak niedźwiedź,
Niedolizany niedźwiadek,
Niedźwiedź niedźwiedzia nie kąsa.

В первом случае внимание обращается на черты характера, во втором на темперамент и в третьем на особенности отношений между людьми.

О неловкой помощи свидетельствует выражение *Niedźwiedzia przysługa* и ряд дексико-грамматических вариантов *Oddać / oddawać / wyświadczyć / wyświadczać / wyrządzić / wyrządzać niedźwiedzią przysługę*. Такая помощь причиняет в результате только вред вместо ожидаемой пользы.

На безвыходное положение имеется свой фразеологизм *Uchodził przed wilkiem, trafił na niedźwiedzia*. Это значит, что кто-то оказался в неловком положении, оказался в ситуации даже хуже, нежели находился раньше.

Человек по своей натуре или природе обычно не хочет брать вину только на себя. Он будет всячески оправдываться, даже если и виноват и хотя известно, что в случае спора из-за чего-либо вина располагается по обеим сторонам параллельно. Это такой случай, когда трудно однозначно определить кто прав, а кто виноват, так как у каждого своя правда и свои доказательства, что и находит свое отражение в польском изречении *Winien niedźwiedź, że krowę zjadł, winna też krowa, że do lasu poszła*.

Особый смысл заложен в поговорке *Gdy strzelcy się kłócą, niedźwiedź jest bezpieczny.* Когда люди друг с другом находятся в ссоре, то от этого выигрывает третий.

За плохие, каверзные действия во имя какой-то временной пользы, прибыли или какой-либо выгоды, наживы будет соответствующее наказание, что выражено в поговорке *Póty komar koło głowy brzęczy, póki niedźwiedź łapy nie podniesie.*

В несколько шутливой форме употребляется поляками поговорка *Jak niedźwiedź mruczy, tak dzieci uczy*.

Особый настрой вводят изречения, связанные с рождественскими и новогодними праздниками, с народными обрядами и колядованием. Это было связано с посещением отдельных домов и пожеланиями в адрес хозяев всякой удачи и благ в новом году, за что колядники получают угощение. К сожалению, этот обряд в наше время уже большая редкость, хотя со временем он может и возродиться. Колядование не обходилось без изображаемых животных, среди которых находился и медведь, который у поляков тоже символизирует силу и благополучие. Этот старинный обряд запечатлен в изречениях:

Gdzie trąbią niedźwiednicy, tańcują niedźwiedzie,
I niedźwiedź musi w taniec, wziąwszy na nos kaganiec,
Niedźwiedzie tany, wilczy śpiew, dziadowski śpiew – to jeden bies.

Нельзя оставить без внимания те фразеологизмы, которые касаются трудного исторического периода, когда многих поляков принудительно депортировали на определенный срок или бессрочно в Сибирь. Словосочетание *białe niedźwiedzie* однозначно ассоциируется с этим отдаленным местом ссылок поляков, история которых восходит еще к XVI веку – к Российской Империи, а затем нашла свое продолжение и в послереволюционный период. Эти реалии, связанные со ссылкой в Сибирь, передают следующие фразеологизмы:

Pojechał na białe niedźwiedzie,
Posłać kogoś na białe niedźwiedzie.

Медведи потому, что в этой географической зоне, т. е. на Крайнем или Дальнем Севере близ полярного круга, они и обитают. Для людей это были неимоверно тяжелые, суровые и самые экстремальные условия, в которых выживали лишь немногие.

Такова примерно концепция образа медведя в русской и польской ментальности. Его образ запечатлен как в паремиологических, так и фразеологических выражениях, передающих различные особенности. Из рассмотренных примеров следует, что яркой иллюстрацией отражения в языковой структуре ментальных особенностей национальной мировоззренческой парадигмы являются непосредственно фразеологические и паремиологические выражения.

Учитывая тот факт, что коннотации каждого слова в составе фразеологизма выступают переосмысленными, что приводит к формированию новой семантики оборота, характеризующейся к тому же категорией прецедентности, то значительную часть фразеологизмов можно рассматривать в качестве стереотипов народного сознания, в которых в предельно сжатой и краткой форме представлены ценностные установки жизненной философии нации и каждого этноса. Таким образом, фразеологические обороты выступают инструментом сохранения и репрезентации менталитета, а следовательно и национальной языковой картины. В равной мере об этом свидетельствуют и паремиологические изречения.

Можно резюмировать наши разыскания по концепту *медведь*. Его образ представляет сильного, хищного и опасного для человека зверя. Культ медведя распространен в различных славянских культурах, но особое место он занимает в русском культурном пространстве. Он изображается как символ России, изображается в гербах и флагах. Его образ в ряде случаев пересекается с обликом человека.

За словом *медведь*, кроме основного значения, имеется ряд созначений эмоционально-оценочного характера и других коннотативных компонентов, которые ложатся в основу вторичной номинации, в основу метафорических переносов. Такого рода переносы тоже являются фрагментами языковой картины мира.

Мы сосредоточились на тех значениях данного зоонима, которые относятся к характеристике качеств человека, его черт и возможностей, что и соответствует избранной нами антропоцентрической парадигме изучения концептов в целом.

Принятые сокращения названий словарей

БТС 2003 – *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003.

КЭСРЯ 1975 – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В., *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва 1975.

МАС 1983 – *Словарь русского языка в 4-х т.*, т. 2, 2-е изд., испр. и дополн., ред. А.П. Евгеньева, Москва 1983.

НТССРЯ 2000 – Ефремова Т.Ф., *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка*, Москва 2000.

СРА 2002 – Елистратов В.С., *Словарь русского арго*, Москва 2002.

СРС 1999 – *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*, ред. Н. Абрамова, Москва 1999.

СЭРЯ 2008 – Сеничкина Е.П., *Словарь эвфемизмов русского языка*, Москва 2008.

ТСБиФТ 2011 – *Терминологический словарь банковских и финансовых терминов*, Москва 2011.

ТССРЯ 2001 – *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*, ред. Г.Н. Скляревская, Москва 2001.

ЭЗиС – http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0% B5%D0%B4%D1%8C

SEJP 1985 – Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1985.

SJP 1978–1981 – *Słownik języka polskiego*, t. 1–3, red. M. Szymczak, Warszawa 1978–1981.

SWJP 1998 – *Słownik współczesnego języka polskiego*, t. 1–2, red. B. Dunaj, Warszawa 1998.

Библиография

Алексеев Н.А. (2000), *Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири*, Новосибирск.

Бердникова Д.В. (2012), *Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира*, [в:] *Актуальные проблемы преподавания иностранных языков внеязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции)*, ред. Т.В. Соколова, Москва 2012, с. 271–278.

Гончарова Н.Н. (2012), *Языковая картина мира как объект лингвистического описания*, [в:] «Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки», № 2, с. 396–405.

Гура А.Б. (1997), *Символика животных в славянской традиции*, Москва.

Czapiga A. (2006), *Metafora w językowym obrazie świata (na przykładzie pola semantycznego niedźwiedź)*, [в:] *Świat Słowian w języku i kulturze. Językoznawstwo* V, red. E. Komorowska, A. Krzanowska, Szczecin, c. 33–38.

Czapiga A. (2008), *Antroponimiczne metafory odzwierzęce w języku polskim, rosyjskim i angielskim*, Rzeszów.

Żuk G. (2010), *Językowy obraz świata w polskiej lingwistyce przełomu wieków*, [в:] *Przeobrażenia w języku i komunikacji medialnej na przełomie XX i XXI wieku*, red. M. Karwatowska, A. Siwiec, Chełm, c. 239–257.

ГЛАВА VII

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА *ПЕРЕСТРОЙКА*

Важнейшим концептом в новейшей истории России последних десятилетий стала *перестройка* и сопровождающие ее сложнейшие процессы. Попытаемся взглянуть на эти процессы и, главным образом, на языковые изменения перестроечного периода с перспективы сегодняшнего дня. Для этого необходим небольшой исторический экскурс.

Перестройка (1985–1991) стала началом новой эпохи в истории России. В этот период произошла ломка идеологического единства. Начали осуществляться демократические процессы. Отменяется режим цензуры. Свободный русский дискурс характеризуется снятием прежних запретов. В 1987–1988 годах публикуются такие ранее запрещенные произведения как *Дети Арбата* А. Н. Рыбакова, *Жизнь и судьба* В. С. Гроссмана, *Реквием* А.А. Ахматовой, *Доктор Живаго* Б. Л. Пастернака, *Собачье сердце* М. А. Булгакова и многие другие.

Инициатором процесса перестройки считается М.С. Горбачев, который в марте 1985 года занял пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Перестройка была направлена на изменение социально-экономического строя и политического курса СССР, на внедрение гласности, демократизации и формирование нового типа мышления. Именно в таком, более масштабном значении, в отличие от традиционных смыслов[1], данный термин был употреблен Горбачевым в его докладе на апрельском пленуме ЦК в 1985 г.

Перестройка привела к значительным переменам на уровне языка. В новейшей истории русского языка перестройка обозначает новый стиль выражения. Язык перестройки характеризуется свободой выбора слов и отказом от языковых табу. На тему языковых процессов в перестроечный период имеются важные и ценные разыскания А.Д. Дуличенко (1994; 1995). Различные вопросы функционирования языка в перестроечное время представлены также в трудах И. Коженевской-Берчиньской (см., напр.:

---

[1] Традиционные значения касаются различных действий по значению глагола *перестроить* и эти действия более частного характера, ср.: перестроить дом, здание; перестроить лекцию, программу, фразу; перестроить роту, колонну; перестроить рояль, пианино; перестроить приемник, т. е. настроить для приема другой волны (см., напр., МАС 1984: 3, 98; WSRP 2004).

Korzeniewska-Berczyńska 1992; 1994; 1996a; 1996b). Важно отметить также труды Л. П. Крысина (http), Н.С. Валгиной (2003), З.А. Хоткиной (1996), Л.Т. Шинелевой (1991), М. Фонга (1994), А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая (ред.) (2015), Л. Миронюка (1995), Н.К. Нунан (1994), Л. Суханка (Suchanek 1994), И. Тишнера (Tischner 1992), М. Журек (Żurek 2002) и др.

О степени изменений в области лексики свидетельствуют различного типа лексикографические источники. Лексику того периода специально кодифицирует *Словарь перестройки,* под ред. В. Максимова[2] (СП 1992). Его авторы воспользовались иллюстративным материалом, извлеченным из периодической печати, в частности, из газет «Россия», «Правда», «Литературная газета» и журналов «Звезда», «Новый мир», «Нева», «Огонек», «Крокодил». Словарь базируется также на публицистических текстах М. Горбачева, А. Солженицына, Б. Ельцина, А. Собчака и других.

Словарные фонды рассматриваемого периода фиксирует также *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения,* под ред. Г.Н. Скляревской[3] (ТСРЯ-XX 1998). В нем содержится лексика, которую составители извлекли из материалов центральной прессы, публицистических текстов А. Сахарова, Д. Волкогонова, а также из художественных произведений С. Довлатова, В. Кунина и других авторов. Лексика конца XX века отражена еще в другом словаре под названием *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия,* под ред. Г.Н. Скляревской (ТССРЯ-XX 2001)[4].

В нашем анализе остановимся на констатации важнейших языковых процессов и тех изменений, которыми изобиловала перестройка.

1. Словообразовательное гнездо с доминантным словом *перестройка*

В перестроечный период значительно повысилась словообразовательная активность ряда слов, начиная с самого динамичного понятия *перестройка*. В данный период пробуждается обывательское, гражданское самосознание россиян. Начинаются процессы, связанные с переоценкой прошлого.

---

[2] Отметим авторов-составителей словаря: В.И. Максимов, С.С. Волков, Ю.Л. Ермолаева, В.Н. Маглыш, И.Г. Долгалева, Т.А. Петрущенкова, Е.Н. Вакулова.

[3] Составители данного словаря: Е.Ю. Ваулина, Т.И. Гайкович, А.В. Зеленин, Т.В. Кормилицина, Т.А. Корованенко, В.Д. Луков, Г.Н. Скляревская, Н.Г. Стулова, Н.В. Трифонова, А.А. Шушков.

[4] Данный словарь создан тем же авторским коллективом, который составил ТСРЯ-XX. В *Предисловии* Г.Н. Скляревская отмечает концептуальную новизну словаря, что дает право говорить не о втором, исправленном и дополненном издании, а о новом, оригинальном лексикографическом произведении (ТССРЯ-XX 2001: V).

Следует отметить, что до половины 80-х годов XX столетия слово *перестройка* не проявляло малейшей деривационной активности, в чем убеждают материалы *Словаря русского языка*, под ред. А.П. Евгеньевой (МАС 1981–1984). И только в перестроечный период словообразовательный процесс приобретает эксплозивный характер. В СП приводятся для слова *перестройка* следующие производные единицы:

> *перестройщик* – участник, сторонник перестройки; *перестроечный* – связанный с перестройкой; *доперестроечный* – относящийся ко времени до перестройки, т.е. до апреля 1985 г.; *антиперестроечные силы* – общественные группы, деятельность которых направлена против перестройки; *антиперестроечник* и *антиперестройщик* – тот, кто является противником перестройки; *новостройка*.

Последнее слово в этом ряду расширяет свои семантические возможности в связи с тем, что его традиционное значение (Новое здание или строительство новых домов, заводов и т.п.) стали мотивировать также социально-исторические факторы, о чем свидетельствует приведенная в СП дефиниция термина *новостройка*:

> Нов. Перен. Об очередном этапе радикальных преобразований в политической и общественной жизни Союза ССР и России на основе реальностей, возникших после и в результате провала антиконституционного путча 19–21 августа 1991 года в Москве (СП 1992: 135).

В свою очередь, в ТССРЯ-XX фиксируются, произведенные от слова *перестройка*, следующие образования:

> *перестроечник* – приверженец, сторонник перестройки; *перестройщик* – перестроечник; *перестроечный* – прил. к перестройка; *контрперестройка* – система действий, мероприятий, направленных против перестройки; *контрперестроечный* – прил. к контрперестройка; *антиперестроечник* – противник перестройки; *антиперестроечный* – направленный против перестройки, противодействующий ей; *по-перестроечному* – как свойственно перестройке, обусловлено перестройкой; *лжеперестройка*.

Итак, преобладают суффиксальная, префиксальная и префиксально-суффиксальная деривации, хотя производные слова образуются также путем сложения.

В связи с анализом этого своеобразного словообразовательного гнезда, которое возглавляет слово *перестройка*, внимания заслуживают также контаминированные образования типа *горбостройка, катастройка*[5] или же

---

[5] Данный термин своеобразно преломляется в сатирическом произведении А. Зиновьева *Катастройка. Повесть о перестройке в Партграде* (Зиновьев 1990).

порностройка, где первым компонентом являются соответственно слова *Горбачев*[6], *катастрофа*, *порнография*, вторым же – *перестройка*.

На волне трансформационных процессов термин *перестройка* беспрерывно находился в речевом употреблении, вызывая в демократических кругах положительные реакции и эмоции. Появилась надежда на коренные изменения во всех областях жизни, поэтому среди россиян эти новшества приветствовались и оценивались с большим одобрением и энтузиазмом. Со временем, возлагаемое народом доверие было надорвано, что породило критику и отразилось также в области производных слов. Последние образуются в разные моменты перестройки и как таковые, судя отчасти по словарным материалам, оттеняют ее своеобразные этапы.

В рассматриваемую проблематику вписывается следующая констатация польского исследователя:

> Анализ бурных полемик, происходящих в современной советской публицистике, позволяет отметить факт, что некоторые горячие сторонники гласности и перестройки настойчиво создают образ нового врага, который определяется как: *враг перестройки, противник перестройки, антиперестройщик, русофил* (Коженевска-Берчиньска 1993: 55).

Спустя годы, русские стали относиться к перестройке с определенной долей иронии и даже иногда сарказма, поэтому так легко синонимами перестройки стали слова *катастройка* и *порностройка.* Вместо обещанных грандиозных перемен Россия на долгие годы погрузилась в хаос, унизительную бедность, стала миром утраченных иллюзий и сломанных моральных устоев, тупого подражания западной псевдокультуре.

Не случайно в популярном анекдоте основные достижения горбостройки определяются как *прихватизация* экономики (*прихватизация* от слова *прихватить*, здесь выступает оно как синоним *своровать*). Перестройка-горбостройка стала для русских одной из более мрачных страниц их истории. Они потеряли могучее государство, утратили свой высокий политический и экономический статус в мире. Эта картина в последние годы существенным образом меняется в связи с рядом положительных факторов, происходящих в экономической, социальной и культурной жизни России.

---

[6] В морфологической структуре данного имени собственного содержится корень *горб-*, который в контаминированной форме *горбостройка* вызывает определенные ассоциации: то, что дается с большим трудом, что требует огромных усилий.

2. Словообразовательный потенциал слова *демократ*

К разряду не менее активных в словообразовательном аспекте слов относится термин *демократ*. До перестройки здесь намечалось несколько производных слов, среди которых приводятся: *демократия, демократизм, демократический, демократичность, демократичный*. По данным А. Дуличенко, после перестройки их количество значительно возросло, превышая 70 единиц (Дуличенко 1995: 194). Показательна в этом отношении информация, которую можно извлечь из ТССРЯ-XX:

> *демократ* – член демократической партии; сторонник демократии, демократического устройства жизни всей страны; *демократизатор* – иронически о том, кто или что способствует демократизации общества или внедряет ее силой; *демократизация* – переустройство государства, общества на демократических основах; *демократизированный* – такой, в котором произошли демократические преобразования (о государстве, обществе, властных структурах и т.п.); *демократизировать* – осуществить/осуществлять демократизацию; *демократизироваться* – преобразоваться/преобразовываться на демократических (или более демократичных) основах; *демократизм* – признание демократии; система взглядов, идей, действий, отвечающих демократии; *демократически* – нареч. к демократический; *демократический* – прил. к демократия, демократ; свойственный демократу, демократам; *демократия* – государственный строй и организация всей жизни общества, основанные на признании народа источником власти; противоп.тоталитаризм; *демократка* – резиновая дубинка (предмет вооружения ОМОН, милиции; *демократура* – 1. диктатура, власть демократов; диктатура, осуществляемая под лозунгами развития демократии. 2. собир. демократы, стоящие у власти; *антидемократ* – противник демократии; *антидемократический* – противоречащий демократии; направленный против демократических реформ; *недемократ* – тот, кто не является членом демократической партии; тот, кто не разделяет демократических идей; *недемократический* – не являющийся демократическим, не основанный на принципах соблюдения демократии; *недемократично* – нареч. к недемократичный; *недемократичный* – не основанный на принципах равноправия, народовластия.

Пользуясь СП, данный разряд слов можно пополнить выражениями:

> *демократический социализм*; *демократический централизм*, а также контаминированными образованиями: *бандократия* – привилегированная прослойка мафии, пользующаяся властью, *партократия* – собир. неодобр. партийные функционеры, ответственные работники КПСС, имеющие реальную власть.

Словообразовательное гнездо, связанное со словом *демократ*, в перестроечное время имеет свои особенности. Одни слагаемые этого гнезда относятся к традиционным смыслам и вызывают положительные ассоциации (*демократ,*

демократизация, демократизм), другие же, причем не только с противоположными компонентами *анти-* или *не-* явно противоречат демократическим процессам и реформам, т. е. они вопреки демократии, ср. напр.: *демократка, демократура.*

3. Термины, отражающие новые понятия и реалии

В словарный состав и в употребление с началом перестройки активно вошли слова, отражающие новые понятия и реалии, а также слова, которые в перестроечный период актуализировали свое значение. Показательны в этом отношении весьма динамические группировки такой лексики, напр., производные названия от имени Горбачев:

> *Горбачевец* – сторонник политики М.С. Горбачева; *горбачевский* – связанный с М.С. Горбачевым, его политикой; *антигорбачевский* – враждебный президенту СССР М.С. Горбачеву; направленный против политики, проводимой им; *горбачевщина* – политика компромиссов, центризма; *горбимания* – чрезвычайное увлечение за рубежом М.С. Горбачевым как политическим деятелем, определенная „мода" на него; *Горбачушка* – прозвище Раисы Горбачевой.

Ср. также производные наименования от имени Ельцин:

> *Ельцинист* – сторонник политики Ельцина; *ельцинский* – связанный с Б.Н. Ельциным, его политикой; *проельцинский* – направленный в поддержку Ельцина и его политики; *антиельцинец* – тот, кто враждебно относится к Президенту России Б.Н. Ельцину; противник проводимой им политики; *антиельцинский* – враждебный президенту России Б.Н. Ельцину; направленный против проводимой им политики; *ельцинизм* – неодобр. в речи оппозиции: экономическая, социальная, культурная политика, проводимая Ельциным и правительством; приверженность политическим взглядам Б.Н. Ельцина.

Активизируются лексемы, связанные с брежневским периодом стагнации:

> *застой* – условно называемое состояние советского общества в 70-е – начале 80-х годов, когда у руководства КПСС и государства стоял Л.И. Брежнев. Это состояние характеризуется продолжающимся использованием административно-командных методов управления во всех сферах общественной жизни, снижением темпов экономического и социального развития, производственной и трудовой дисциплины, уровня благосостояния народа; застойные годы; ср. стагнация; *застойщина* – период, характеризующийся экономическим упадком, отсутствием развития и кризисным состоянием всего общества; *застойный* – относящийся к застою; *застойщик* – сторонник административно-командной системы, которая была свойственна временам застоя; см. антиперестроечник, антиперестройщик.

Показательны названия, связанные с путчем 1991 года:

> *путч* – попытка государственного переворота, организованного группой заговорщиков (восьмеркой) 19–21.08.91, а также сам переворот; *путчист* – участник путча; *восьмерка* – восемь руководящих членов Государственного комитета по чрезвычайному положению: Бакланов, Крючков, Павлов, Пуго, Стародубцев, Тизяков, Язов, Янаев; государственный переворот; *государственный переворот* – события 19–21 августа 1991 года, связанные с созданием Государственного комитета по чрезвычайному положению и действиями его членов; путч; *гэкачепист* или *гекачепист* – член Государственного комитета по чрезвычайному положению, созданного во время августовского путча.

Небезынтересна также группировка синонимичных определений, обозначающих централизованный стиль правления государством, ср.:

> *административная система, административно-бюрократическая система, администра-тивно-командная система, административно-приказная система, административно-нажимная система, командная система, командно-бюрократическая система, командно-приказная система, командно-распределительная система.*

Они выступают в роли эвфемизмов вместо терминов *социализм* и *коммунизм.*

Представленный материал отражает наиболее динамические процессы в языке, хотя картина лексических нововведений и актуализированных значений в перестроечный период на много шире и богаче.

4. Сложносокращенные образования

Словарь русского языка последних десятилетий пополнился рядом сложносокращенных образований, среди которых преобладают аббревиатуры различного типа, преимущественно звуковые и буквенные, напр.:

> *СМИ* – средства массовой информации или масс-медиа; *СНГ* [эс-эн-гэ] – Содружество независимых государств; *МРОТ* – минимальный размер оплаты труда; *бич* – бездомный; образовано от словосочетания: бывший интеллигентный человек; *бомж* – человек, лишенный постоянного места жительства, не имеющий прописки, бездомный. Образовано от словосочетания: без определенного места жительства; *гэбист* (*гебист*) – работник органов государственной безопасности; кагебист.

Многие аббревиатуры проявляют словообразовательную активность, т.е. являются мотивирующими для ряда производных слов. Например, от слова *бомж* образованы с помощью соответствующих суффиксов слова:

бомжиха и *бомжовка* – разг. женск. к бомж, *бомжара* – разг. к бомж; *бомжонок* – бездомный ребенок (обычно убежавший из семьи, из детского дома, интерната и т.п.); *бомжатник* – пристанище бомжей; *бомжатский* – связанный с жизнью бомжей; характерный для них; *бомжевать* – быть бомжом; вести образ жизни бомжа; *бомжировать* – вести себя, как бомж, подобно бомжу.

Рассмотренные примеры дают общее представление о специфике сложносокращенных образований, отражающих новые понятия и реалии постсоветского периода.

5. Семантические и стилистические инновации в словоупотреблении

Активно вошли также в употребление единицы с приставкой *де-*, вводящей в семантику противоположный смысл, который представлен вторым компонентом, напр.:

десталинизация – устранение последствий сталинизма; *десоветизация* – ликвидация или преобразование Советов как органов власти; *декоммунизация* – устранение коммунистической идеологии, отказ от нее; *деколлективизация* – отказ от коллективных форм хозяйствования (колхозов, совхозов) на селе; *деидеологизация* – ослабление или устранение влияния идеологических факторов при рассмотрении международных или внутригосударственных проблем; отказ от навязывания кому-либо определенных идеологических взглядов, стереотипов; *деполитизация* – устранение односторонней политической ориентации; *департизация* – устранение решающего влияния одной партии, в данном случае КПСС; *денационализация* – преобразование государственной собственности в ликвидация монопольного, исключительного права на производство, продажу чего-л. или на владение чего-л.; *депатриотизация* – ослабление патриотического воспитания или отказ от него; *децентрализация* – упразднение или ослабление централизации; *десакрализация* – разрушение, развенчивание навязываемых официальной идеологией представлений о непогрешимости партийно-правительственных деятелей и структур.

В СП отмечены сложные слова с первой составной частью *нео-*, напр.:

необольшевизм – новые политические течения, различной ориентации, допускающие возможность неконституционных действий, насильственных, свойственных большевизму методов решения политических проблем; *неосталинист* – сторонник реставрации сталинских порядков.

Показательны также образования с приставкой *анти-*, напр.:

> *антиармейский* – направленный против армии; *антисоюзный* – направленный против нахождения в составе Союза ССР; *антисталинский* – направленный на разоблачение деятельности И.В. Сталина и проводившейся им политики.

Многие слова приобрели новое значение по сравнению с их традиционной семантикой, напр.:

> *афганец, афганка* – участник, участница войны в Афганистане, в действиях которой принимал участие контингент войск Советской Армии с декабря 1979 по февраль 1989 года (традиционное значение касается коренного жителя Афганистана); *Чернобыль* – 1. (нов.) авария на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 года, а также ее последствия; 2. (перен.) атомная электростанция, эксплуатация которой может повлечь за собой крупную аварию; 3. (перен.) о катастрофе большого масштаба (т.е. в отвлечении от исходного значения – наименования города на Украине); *чернобылец* – (нов.) 1. тот, кто пострадал в результате аварии на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 года; 2. тот, кто принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции (прямой словарный смысл связан с жителем украинского города); *раскольники* – данное слово (вопреки традиционному толкованию: сторонники религиозно-общественного движения, которое возникло в России в XVII веке и было направлено против официальной церкви) получило новый смысл: участники или сторонники раскола партии (КПСС), т.е. нарушения ее единства и выделения группировок, фракций.

В результате исторических, трансформационных процессов отдельные слова, связанные тесно с советским периодом, получили – особенно в демократических кругах – коннотации пейоративного характера, напр.: *Октябрь, большевик, коммунист, социализм, коммунизм, парторг* – лицо в различных звеньях парторганизации, *товарищ* в значении: член партии. Эта особенность касается также целых выражений:

> *Развитой (реальный) социализм* – (ирон.) концепция строительства первой фазы коммунистической формации, создающей непосредственные предпосылки перехода к коммунизму; социально-экономический строй в СССР 70-х – начала 80-х годов; *Светлое будущее*; *Все для человека*; *Новый человек*.

Те и другие пропагандистские концепции, воззвания и лозунги компрометировались, они не выдержали испытания временем, не оправдали себя, отсюда к ним ироническое, неодобрительное отношение. Иронический характер имеет также выражение *хомо советикус* (*homo sovieticus*). Данное

понятие популяризировал А. Зиновьев в своей одноименной повести (Зиновьев 1982)[7].

В контексте рассматриваемой проблематики, необходимо отметить и тот факт, что в период перестройки языковые изменения осуществляются также в противоположном направлении, поскольку часть возвращенной лексики прошла эволюционный путь с неодобрительной оценки на положительную, напр.:

> *губернатор* – глава администрации региона России, являющегося самостоятельным субъектом Федерации; *предприниматель* – тот, кто имеет свое дело, владеет предприятием или занимается какой-либо экономической деятельностью, приносящей личный доход; *банкир* – владелец банка, член правления банка; *фермер* – арендатор или владелец фермы, кто располагает частной собственностью.

Таковы основные тенденции, которые наметились и получили развитие в перестроечный период.

6. Деидеологизация и десоветизация лексики

Перестройка в русском языке обозначает фактически деидеологизацию и десоветизацию словарного состава (см.: Миронюк 1995). Данный процесс охватил лексику с политическими и партийными коннотациями в различных областях жизни, в том числе в области ономастики. Об этом свидетельствуют динамические процессы реставрации прежних исторических топонимических названий. Идеологически окрашенные топонимы стали заменяться другими названиями. Вспомним лишь отдельные примеры:

> *Екатеринбург* вместо *Свердловск*, *Волгоград* вместо *Сталинград*, *Новокузнецк* вместо *Сталинск*, *Луганск* вместо *Ворошиловград*, *Мариуполь* вместо *Жданов*, *Самара* вместо *Куйбышев*, *Владикавказ* вместо *Орджоникидзе*, *Белогорск* вместо *Краснопартизанск* и др.

В процессе десоветизации ведущую роль выполняет публицистика, которая ломает различные стереотипы – языковые, культурные, ментальные и др. Перестройка привела к значительным переменам, что наиболее показательно на лексическом уровне. Она обозначает также новый, индивидуализированный стиль выражения и отказ от языковых табу. На эту тему Н.С. Валгина пишет следующее:

---

[7] В польской литературе это понятие было подвергнуто анализу в ряде публикаций, см., напр.: Tischner 1992; Parniewski 1995; Suchanek 1999.

> Примерно с конца 80-х годов в русской речевой коммуникации резко увеличилась доля речи публичной. Кроме того, в силу известных политических, культурно-идеологических причин, порожденных распадом тоталитарной государственной системы, в книжную письменную речь – не спонтанную, совершающуюся в официальных рамках, – врываются речевые явления, прежде принадлежащие исключительно устной форме функционирования языка. Это городское просторечие, уголовно-лагерный жаргон и даже инвективная речь.

И далее:

> Эти процессы детабуизации инвективной (обсценной) лексики, наблюдаемые в последнее время в печати, в электронных СМИ, в конечном счете обусловлены эпохой гласности, снятием запрета на обсуждение интимной жизни популярных людей, на публикации эротического содержания. В связи с этим возрастает актуальность проблемы для всего общества в целом и, в частности, для «ревнителей» чистоты русской речи (Валгина 2003: 121).

Итак, прослеживается либерализация языка. Во все его дискурсы широко проникает жаргонная и сниженная лексика. Исследователи (напр.: Бушев 2007) отмечают вульгаризацию речи, ее наполнение разговорными, жаргонными и нередко нецензурными элементами типа: *чмо, шпана, шалашовка, болван, гад, бардак, беспредел, блат, жлоб, клево, ксива, липа, олух, мент, сука, тусоваться, за бугор, наводить марафет* и т.д. Повсюду в речь вторгаются просторечные слова, можно сказать, что сленгизмы и жаргонизмы повсеместны. Последние также отмечены в СП, напр.: *катала* – игрок, пользующийся нечестными, мошенническими приемами в карточной игре; шулер, *катран* – место, где нелегально ведутся азартные игры, собираются крупные карточные игроки и каталы; тайный игорный дом.

Характерна также другая тенденция. Наблюдается широкое употребление различных заимствований, напр.: *приватизация, маркет, менеджмент, депозит, ваучер, инвестиции, трансфер, экстремизм, миллениум, холдинг, депозит, лизинг, хит, брифинг, кастинг, маркетинг, менеджер, мэр, маклер* и др. Л.П. Крысин поясняет данное явление следующим образом:

> Распад Советского Союза означал, в частности, и разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Активизировались деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории России совместных русско-иностранных предприятий. Очевидным образом это означало интенсификацию общения носителей русского языка с носителями иных языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернаци-

> ональным (а чаще созданным на базе английского языка) терминологическим системам, например, в таких областях, как вычислительная техника, экономика, финансы, коммерция, спорт, мода и др. (Крысин http).

Сейчас часто русские определения заменяются иностранными синонимами, ср.: *консенсус* вместо *согласие*; *презентация* вместо *представление*; *офис* вместо *кабинет*; *рэкет* вместо *вымогательство*; *киллер* вместо *убийца*; *коррупция* вместо *взяточничество* и т.д.

Конец XX века ознаменован кардинальными изменениями в жизни России, о чем Н.С. Валгина сказала следующее:

> Изменение государственности, отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни значительно ускорили, в каких-то случаях обнаружили, вывели на поверхность эволюционно подготовленные процессы в языке и прежде всего в его словарном составе, который в настоящее время, в конце XX столетия, в буквальном смысле переживает неологический бум (Валгина 2003: 75).

Кроме появления большого количества новых слов, для данного периода характерны, с одной стороны, процесс архаизации советизмов, с другой же, процесс деархаизации, т. е. процесс возвращения в активное употребление устаревших слов, отодвинутых в советское время на периферию лексической системы русского языка.

В конце XX века происходит активизация достаточно больших групп лексики, что подтверждают, в первую очередь, цитируемые нами словари. По словам М. Журек, ТСРЯ-XX «пытается отразить реакцию русского языка на грандиозные по масштабам события, случившиеся в России на исходе XX столетия» (Żurek 2002: 68). Словари отражают переход части слов из пассива в разряд актуальных и употребительных (напр.: *лицей, лицеист, биржа, аукцион, богослужение, Рождество, святки, масленица*), а также обратный процесс, т.е. уход лексики советского периода на периферию (ср.: *исполком, марксизм-ленинизм, райком, комсомол, соцстраны, соцсоревнование, передовик*). Основное место отводится кодификации новой лексики (*банкомат, мониторинг, факс, тусовка, совок, фанат*) и отражению семантических сдвигов в словах.

В период перестройки и постсоветский период, произошли коренные изменения в различных сферах жизни – экономике, идеологии, культуре. В итоге этих перемен произошло разрушение прежней системы. Перестройка повлекла за собой существенные изменения в области языка и, прежде всего, изменения в лексическом корпусе. Параллельно с новыми явлениями появились новые слова, другие стали освобождаться от различных ограничений, в том числе, от прежней идеологической нагрузки. В кодификации этих явлений важное место занимает *Словарь перестройки* (СП) под ред.

В.И. Максимова. Данный лексикон отмечает лексику периода общественно-политической трансформации и коренных изменений в жизни России. Словник включает около тысячи словарных статей. Их образуют отдельные слова (термины) или выражения. Помета *новое* обозначает, что слово регистрирует новое явление (напр.: *горбачевец, бич, бомж*) или обозначает понятия и факты, которые раньше находились под запретом (ср., напр.: *массовые репрессии, застой*). Словарь отмечает семантические изменения в структуре слов, подтверждение чему находим в толковании таких ключевых понятий, как *перестройка* и *гласность*. Их традиционная семантика принципиальным образом не совпадает с новыми смыслами, что подробно изложено в нашей статье (Wierzbiński 2002). В рассматриваемый период существенным образом усилилась словообразовательная активность лексики. Эту особенность мы проиллюстрировали в данной главе достаточно репрезентативным количеством примеров. Уместно здесь будет перефразировать слова Р. А. Будагова, которые применительно к нашему объекту изучения сведутся к мысли о том, что лингвист не в состоянии "угнаться" за всеми индивидуальными употреблениями, его задача – определить общие линии развития описываемого явления (Будагов 1971: 5).

В заключение подчеркнем, что перестройка обозначает качественное преобразование на новых началах. Она обозначает политический плюрализм, т.е. многообразие взглядов, идей, мнений, политических партий и следовательно отказ от монополии партии. С перестройкой многие лексемы советского периода подверглись переоценке. В изобилии появились в языке жаргонные, разговорные и просторечные слова. Словообразовательная система языка также отреагировала на актуальные социополитические процессы. Новые слова при этом выступают как маркеры новых социальных реалий. Посредством продемонстрированной нами лексики, а также наиболее активных языковых явлений и моделируется в обществе соответствующая картина мира, что проявляется безусловно в самой концептуализации понятия *перестройка*.

Принятые сокращения названий словарей

БТС 2003 – *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003.

МАС 1981–1984 – *Словарь русского языка в 4-х т.*, 2-е изд., испр. и дополн., ред. А.П. Евгеньева, Москва 1981–1984.

СП 1992 – *Словарь перестройки*, ред. В.И. Максимов, Санкт-Петербург 1992.

ТСРЯ-XX 1998 – *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, ред. Г.Н. Скляревская, Санкт-Петербург 1998.

ТССРЯ-XX 2001 – *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*, ред. Г.Н. Скляревская, Москва 2001.

Библиография

Будагов Р.А. (1971), *История слов в истории общества*, Москва.

Бушев А.Б. (2007), *Языковая динамика и социодинамика: некоторые феномены в современном русском языке*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 624–630.

Валгина Н.С. (2003), *Активные процессы в современном русском языке*, Москва.

Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н. (ред.) (2015), *В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей*, Владивосток.

Горбачев М. (1987), *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*, Москва.

Дуличенко А.Д. (1994), *Русский язык конца XX столетия*, München.

Дуличенко А.Д. (1995), *Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития*, „Przegląd Rusycystyczny", № 3–4, с. 189–204.

Зиновьев А. (1982), *Гомо советикус*, Мюнхен.

Зиновьев А. (1990), *Катастройка. Повесть о перестройке в Партграде*, Москва.

Коженевска-Берчиньска И. (1993), *К вопросу о семантике советизмов. Социолингвистический анализ*, „Studia i Materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska" 49, с. 51–56.

Крысин Л.П., *О русском языке наших дней*, http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm.

Миронюк Л. (1995), *Русский язык «до» и «после» перестройки*, „Przegląd Rusycystyczny", № 3–4, с. 205–211.

Нунан К.Н. (1994), *Ведет ли сознательность к действию: исследования воздействия перестройки и постперестроечного времени на женщин России*, [в:] *Женщины России – вчера, сегодня, завтра (материалы конференции)*, редкол. Э.Б. Ершова и др., Москва, с. 35–41.

Фонг М. (1994), *Роль женщин в перестройке российской экономики*, Вашингтон.

Хоткина З.А. (1996), *Тендерные аспекты безработицы и системы социальной защиты населения*, [в:] *Тендерные аспекты социальной трансформации*, Москва, с. 74–83.

Шинелева Л.Т. (1991), *Новое мышление и женский вопрос*, [в:] *Женский вопрос: точка зрения и подходы к новому осмыслению*, Москва, с. 7–11.

Korzeniewska-Berczyńska J. (1992), *O pewnych właściwościach rosyjskiego języka post-totalitarnego*, „Przegląd Rusycystyczny", № 3–4, с. 65–72.

Korzeniewska-Berczyńska J. (1994), *Poszukiwanie drogi do świątyni i anomie demokracji zamiast sacrum. Z problematyki analizy socjolingwistycznej współczesnej publicystyki*, „Studia Rossica", t. II, с. 181–188.

Korzeniewska-Berczyńska J. (1996a), *„Homo sovieticus" в зеркале польского и российского общественного сознания. Стереотипы. Мифы. Реальность*, „Acta Polono-Ruthenica", № 1, с. 359–367.

Korzeniewska-Berczyńska J. (1996b), *Особенности перестроечной и постперестроечной мифологем (Из опыта анализа публицистического дискурса)*, [в:] *Specimina Philologiae Slavicae* 50: *Русский язык в переломное время: 1985 – 1995 гг.*, München, с. 68–81.

Parniewski W. (1995), *Homo sovieticus (A. Zinowjew, M. Heller, J. Tischner)*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria", № 37, c. 135–151.

Suchanek L. (1994), *Aleksander Zinowjew – «pieriestrojka», «katastrojka», gorbaczowizm*, [в:] *Pisarz i władza (od Awwakuma do Sołżenicyna)*, red. B. Mucha, Łódź, c. 220–233.

Suchanek L. (1999), *Homo sovieticus. Świetlana przyszłość. Gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa*, Kraków.

Tischner J. (1992), *Etyka solidarności oraz Homo sovieticus*, Kraków.

Wierzbiński J. (2002), *Zmiany leksykalno-semantyczne w okresie pieriestrojki i głasnosti*, „Beiträge zur Slavistik" XLVII: *Slovo v tekste, perevode i slovare*, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien, c. 211–220.

Żurek M. (2002), *Фиксация слов в словарях и изменения в лексической системе языка*, [в:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, red. A. Pstyga, K. Szcześniak, Gdańsk, c. 67–70.

Послесловие

ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Неоспоримо то положение, что язык, кроме коммуникативной функции, выполняет также функцию орудия интерпретации окружающей действительности и это проявляется в соответствующих языковых образах, т. е. в языковой картине мира. Познание мира и его интерпретация совершается через язык, при помощи языковых картин. Каждый этнос усваивает языковую картину мира посредством своего языка. Так как языковые системы различаются, то и языковые картины определенных этносов также имеют свои особенности. Языковые системы прямым образом сказываются на формировании определенной картины окружающей действительности.

Можно сказать, что любая языковая общность обладает специфическим способом восприятия и оценки внешнего мира и окружающей реальности. Наш язык накладывает на эту реальность собственную структуру. Языковая картина мира всегда относится к конкретной, познавательной действительности, в которой мы функционируем. Окружающий нас мир безусловно обладает непосредственным влиянием на способ нашего мышления и на язык.

Для анализа в монографии мы отобрали несколько ключевых понятий-концептов языковой картины мира: *судьба, хлеб, дом, мать, женщина, медведь* и *перестройка*. Они своего рода образы мысли, стоящие за означающим языковым знаком. Концепты кодируются в языке и являются предметом познания деятельности человека, что и требовалось доказать.

Проведенный в монографии анализ избранных нами концептов позволил в определенной степени выявить как общие закономерности и специфику их функционирования, так и определить значение этой проблемы для сопоставляемых этносов. Неоспоримо то положение, что сопоставительный анализ это самый надежный путь к познанию различных языковых картин мира, языковых структур и национальных возможностей восприятия мира. Он позволяет выявить различия и совпадения в восприятии анализируемых концептов.

БИБЛИОГРАФИЯ

а. Работы автора по теме книги[1]

К вопросу о когнитивно-культурологическом образе концептов в близкородственных языках, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов. Материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 12-14 апр. 2010 г.*, Волгоград 2010, с. 64–70.

К вопросу о содержании концепта «хлеб» в русской и польской лингвокультурах, [в:] *Теоретические и прикладные аспекты изучения семантики и стилистики текста / Teoretyczne i praktyczne aspekty badań semantyki i stylistyki tekstu*, red. J. Wierzbiński, Th. Daiber, G. Gochev, I. Zlatev, Łódź 2012, с. 236–246.

Какое разнообразие ликов... или „Толковый словарь названий женщин", „Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen", Bd. 13: *Das Russische in zweisprachigen Worterbuchern. Internationale Fachtagung, Magdeburg, 18.–22.5.2005*, Hrsg. R. Belentschikow, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien 2006, с. 271–281.

Концепт 'мать' в русской и польской лингвокультурах, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica" 2017, z. 14: *Język, pragmatyka, komunikacja międzykulturowa*, red. I. Blumental, с. 39–51.

Семантическое пространство слова «дом» в русско-польском сопоставлении (на материале словарных толкований и паремиологических изречений), „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica" 2015, z. 11: *Dynamika współczesnego języka rosyjskiego. Z zagadnień semantyki, stylistyki i pragmatyki*, red. A. Piasecka, I. Blumental, с. 165–170.

Языковая картина дома в русских и польских паремиологических и фразеологических изречениях, [в:] *Диалог языков и культур: Россия – Польш*а, отв. ред. В. С. Картавенко, Смоленск 2015, с. 142–148.

Языковая концептуализация образа матери в русско-польском сопоставлении, [в:] *Диалог языков и культур: Россия – Польша*, отв. ред. В. С. Картавенко, Смоленск 2017, с. 123–131.

Uwag kilka o słownictwie rosyjskim w okresie pieriestrojki, [в:] *Pragmatyczne aspekty opisu języków wschodniosłowiańskich*, red. P. Czerwiński przy współpr. A. Charciarka, Katowice 2003, с. 77–83.

---

[1] Автор обобщил в книге тот материал, который частично отражен в сборниках и периодических изданиях как в Польше, так и за рубежом: в России и Германии.

Zmiany leksykalno-semantyczne w okresie pieriestrojki i głasnosti, „Beiträge zur Slavistik", t. XLVII: *Slovo v tekste, perevode i slovare*, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien 2002, c. 211–220.

б. Словари

Бирих А.К., Мокиенко В.Н. Степанова Л.И., *Словарь русской фразеологии. Историко этимологический справочник*, Москва 1998.

Грачев М.А., Мокиенко В.М., *Историко-этимологический словарь воровского жаргона*, Санкт-Петербург 2000.

Грушко Е., Медведев Ю. (составители), Даль В.И., *Толковый словарь русского языка. Современная версия*, Москва 2000.

Даль В.И., *Пословицы русского народа в двух томах*, Москва 1989.

Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1–4, Москва 1978–1980.

Дмитриев Д.В. (ред.), *Толковый словарь русского языка*, Москва 2003.

Дуличенко Л.В., *Словарь обидных слов. Наименование лиц с негативным значением*, Тарту 2000.

Евгеньева А.П. (ред.), *Словарь русского языка в 4-х т.*, 2-е изд., испр. и доп., Москва 1980–1984.

Евгеньева А.П. (ред.), *Словарь синонимов: справочное пособие*, Ленинград 1975.

Жигулев А.М. (ред.), *Русские народные пословицы и поговорки*, Москва 1965.

Жуков В.П., *Словарь русских пословиц и поговорок*, Москва 2000.

Зимин В.И., Спирин А.С., *Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь*, Москва 1996.

Колесников Н.П., *Толковый словарь названий женщин. Более 7000 единиц*, Москва 2002.

Котова М.Ю., *Русско-славянский словарь пословиц*, Санкт-Петербург 2000.

Кубрякова Е.С. (ред.), *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996.

Кузнецов С.А. (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург 2003.

Левикова С.И., *Большой словарь молодежного сленга*, Москва 2003.

Макловски Т., Кляйн М., Щуплов А., *Жаргон-энциклопедия московской тусовки. Научное издание*, Москва 1997.

Максимов В.И. (ред.), *Словарь перестройки*, Санкт-Петербург 1992.

Матвеева Т.В., *Учебный словарь: русски язык, культура речи, стилистика, риторика*, Москва 2003.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русского жаргона (25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний)*, Санкт-Петербург 2000.

Муллагалиева Л.К., *Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь*, Москва 2006.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 2005.

Руднев В.П., *Словарь культуры XX века*, Москва 1999.

Скляревская Г.Н. (ред.), *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, Санкт-Петербург 1998.

Скляревская Г.Н. (ред.), *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*, Москва 2001.
Словарь русских синонимов, http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-35151.htm
Степанов Ю.С., *Константы: Словарь русской культуры*, Москва 2004.
Тихонов А.Н. (ред.), *Комплексный словарь русского языка*, Москва 2001.
Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф., *Славянский ассоциативный словарь*, Москва 2004.
Ушаков Д.Н. (ред.), *Толковый словарь русского языка*, т. 1–4, Москва 1935–1940.
Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е., *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь*, 2-е изд., испр. и доп., Москва 1988.
Филин Ф. П. (ред.), *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1–17, Москва –Ленинград 1950–1965.
Хлебцова О.А., *Русский язык в пословицах, поговорках, крылатых словах, афоризмах*, Москва 1999.
Bańko M. (red.), *Inny słownik języka polskiego*, Warszawa 2000.
Chlebda W., Mokijenko W., Szuleżkowa S., *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*, Łask 2003.
Czerwinsky A., Nadel-Czerwinska M., Czerwinsky P., *Metaphern des russischen sexuellen Ego. Ein psycholinguistisches Worterbuch des aktuellen Spachgebrauch*, Hrsg. J. Hartung, „Schriftenreihe Philologia", Bd. 47, Hamburg 2001.
Dunaj B. (red.), *Słownik współczesnego języka polskiego*, t. 1–2, Warszawa 1998.
Fliciński P., *Wielki słownik frazeologiczny*, Poznań 2012.
Hessen D., *Wielki słownik polsko-rosyjski*, Warszawa 1998.
Karolak S., *Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski*, Warszawa 1998.
Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A., *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*, Warszawa 2005.
Krzyżanowski J. (red.), *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, t. 2, Warszawa 1970.
Lazari de A. (red.), *Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia: leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, t. 3, Łódź 2000, c. 460–462.
Lukszyn J. (red.), *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*, Warszawa 1998.
Mirowicz A., Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I., *Wielki słownik rosyjsko-polski*, t. 1–2, Warszawa 1993.
Müldner-Nieckowski P., *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 2003.
Skorupka S., *Słownik frazeologiczny języka polskiego A-P*, Warszawa 1989.
Skorupka S. (red.), *Słownik wyrazów bliskoznacznych*, Warszawa 1988.
Słownik synonimów, https://www.synonimy.pl/
Spirydowicz O., *Rosyjsko-polski słownik idiomów*, Warszawa 1988.
Stefańska-Jokiel K., *Przysłowia polskie*, Wrocław 2006.
Stypuła R., *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Warszawa 1974.
Szober S., *Słownik poprawnej polszczyzny*, Warszawa 1965.
Szymczak M. (red.), *Słownik języka polskiego*, t. 1–3, Warszawa 1978–1981.
Wawrzyńczyk J. (red.), *Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim*, Warszawa 2004.

в. Литература по когнитивной лингвистике, семиотике, этнолингвистике, лингвокультурологии и концептам

Абрамова Е.И., *Интертекстуальные связи в художественном тексте*, [в:] *Имя и слово. Сборник научных и учебно-методических трудов*, вып. 2, Брест 2006, с. 45–59.

Аврамова В., *Лингвокультурология*, Шумен 2007.

Айвазова С.Г., *Женщины в российском обществе: тендер, измерение политического процесса*. Автореф. дис. ... доктора полит. наук, Москва 1996.

Айвазова С.Г., *Русские женщины в лабиринте равноправия*, Москва 1998.

Алексеев А.В., *Концепт «терпимость» в историческом аспекте*, [в:] *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей*, вып. 8, т. 1, Москва 2009, с. 179–183.

Алексеев Н.А., *Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири*, Новосибирск 2000.

Алефиренко Н.Ф., *Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова*, Волгоград 2006.

Алефиренко Н.Ф., *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие*, Москва 2010.

Апресян Ю.Д., *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*, «Вопросы языкознания» 1995, № 1, с. 37–67.

Арутюнова Н.Д., *Загадки судьбы*, [в:] Н.Д. Арутюнова, *Знак: сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журинского*, Москва 1994, с. 8–27.

Арутюнян М.Е., *Тендерные отношения в семье*, [в:] *Материалы первой Российской летней школы по гендерным исследованиям*, Москва 1997, с. 131–136.

Бабаева Л., *Женщины в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь*, Москва 1996.

Бартминьский Е., *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005.

Безрученко Т.Е., *Традиции и ценностные отношения в русской семье*, «Российский научный журнал» 2009, № 4, с. 144–149.

Белявская Е.Г., *Когнитивные основания изучения семантики слова*, [в:] *Структуры представления знаний в языке*, Москва 1994, с. 71–89.

Бердникова Д.В., *Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира*, [в:] *Актуальные проблемы преподавания иностранных языков внеязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции)*, ред. Т.В. Соколова, Москва 2012, с. 271–278.

Близнакова И., *Стратегии речевого поведения по отношению к женскому полу в славянском культурном пространстве (на примере русского, польского и болгарского языков)*, [в:] *Восток – Россия – Запад: проблемы межкультурной коммуникации. Международ. сб. науч. тр.*, ред. Е.Е. Стефанский, Самара 2004, с. 39–42.

Болдырев Н. Н., *Когнитивная семантика*, Тамбов 2000.

Борботько В.Г., *Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике*, Москва 2007.

Борисова Т., *Стилистическое использование портретного описания при создании стереотипного персонажа*, [в:] *Південний архив. Філологічні науки: Збірник наукових праць*, випуск XXIII, Херсон 2003, с. 23–28.

Будагов Р.А., *История слов в истории общества*, Москва 1971.
Бушев А.Б., *Языковая динамика и социодинамика: некоторые феномены в современном русском языке*, [в:] *Русская словесность в контексте современных интеграционныхпроцессов: в 2 т.*, т. 1, Волгоград 2007, с. 624–630.
Валгина Н.С., *Активные процессы в современном русском языке*, Москва 2003.
Васильев Л.М., *Современная лингвистическая семантика*, Москва 1990.
Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н. (ред.), *В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей*, Владивосток 2015.
Вежбиньски Я., *Семантико-культурологический аспект интертекстуальности в художественном тексте*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica" 2008, z. 4, c. 179–187.
Вежбицкая А., *Семантические универсалии и описание языков*, Москва 1999.
Вежбицкая А., *Понимание культур через посредство ключевых слов*, Москва 2001.
Весельницкая Е.И., *Женщина в мужском мире*, Санкт-Петербург 2000.
Воркачев С.Г., *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании*, «Филологические науки» 2001, № 1, с. 64–72.
Воркачев С.Г., *Лингвокультурная концептология. Становление и перспективы*, «Известия РАН. Серия литературы и языка» 2007, № 2, с. 13–22.
Воробьев В.В., *Лингвокультурология. Теория и методы*, Москва 1997.
Вострякова Н.А., *Понятие коннотации в современной лингвистике*, [в:] *Разноуровневые характеристики лексических единиц*, ч. 1, Смоленск 2001, с. 35–42.
Гачев Г.Д., *О национальных картинах мира*, «Народы Азии и Африки» 1967, № 1, с. 77–92.
Глухов В.П., *Основы психолингвистики*, Москва 2005.
Гончарова Н.Н., *Языковая картина мира как объект лингвистического описания*, «Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки» 2012, № 2, с. 396–405.
Горбачев М., *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*, Москва 1987.
Григорьев А.А., *Концепт и его лингвокультурологические составляющие*, «Вопросы философии» 2006, № 3, с. 64–76.
Груздева Е.Б., *Труд и быт советских женщин*, Москва 1983.
Гура А.Б., *Символика животных в славянской традиции*, Москва 1997.
Демьянков В.З., *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*, «Вопросы языкознания» 1994, № 4, с. 17–33.
Демьянков В.З., *Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке*, „Вопросы филологии" 2001, № 1, с. 35–46.
Дуличенко А.Д., *Русский язык конца XX столетия*, München 1994.
Дуличенко А.Д., *Русский язык конца XX столетия: некоторые тенденции развития*, „Przegląd Rusycystyczny" 1995, № 3–4, с. 189–204.
Жидков В.С., Соколов К.Б., *Искусство и картина мира*, Санкт-Петербург 2003.
Залевская А.А., *Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование*, Воронеж 1990.
Зиновьев А., *Гомо советикус*, Мюнхен 1982.

Зиновьев А., *Катастройка. Повесть о перестройке в Партграде*, Москва 1990.
Иванцова Е.В., *Методологические проблемы создания словаря языковой личности*, «Вопросы лексикографии» 2012, № 1, с. 27–51.
Карасик В.И., *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва 2004.
Карасик В.И., *Языковые ключи*, Москва 2009.
Караулов Ю.Н., *Русский язык и языковая личность*, Москва 1987.
Кардапольцева В.Н., *Женские лики России*, Екатеринбург 2000.
Карелова Г. Н., *Гендерная адаптация: Структурные и процессуальные аспекты на примере анализа адаптации российских женщин в условиях социальной реформации 90-х гг. XX века*, Москва 1999.
Клименкова Т.А., *Феминизм как культурная позиция*, «Преображение. Русский феминистский журнал» 1993, № 1, с. 3–9.
Клименкова Т. А., *Женщина как феномен культуры. Взгляд из России*, Москва 1996.
Кобозева И.М., *Лингвистическая семантика*, Москва 2007.
Коженевска-Берчиньска И., *К вопросу о семантике советизмов. Социолингвистический анализ*, „Studia i Materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska" 1993, nr 49, c. 51–56.
Колесов В.В., *Жизнь происходит от слова*, Санкт-Петербург 1999.
Колесов В.В., *Язык и ментальность*, Санкт-Петербург 2004.
Колшанский Г.В., *Объективная картина мира в познании и языке*, Москва 1990.
Крейдлин Г.Е., *Понятие судьбы в контексте разных культур*, Москва 1994.
Кривоносов А.Т., *«Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления*, «Вопросы языкознания» 1986, № 6, с. 23–37.
Кронгауз М.А., *Семантика*, Москва 2001.
Крячко В.Б., *Концептосфера „война" в английской и русской лингвокультурах.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Волгоград 2007.
Крысин Л.П., *О русском языке наших дней*, http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm
Кубрякова Е.С., *Роль словообразования в формировании языковой картины мира*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Москва 1988, с. 141–172.
Лагановска К., *Образ женщины в художественном мире В. Борхерта*, „Respectus Philologicus" 2004, № 6, с. 147–153.
Лахова Е., *Социальная и политическая адаптация российских женщин в годы реформ, 90-е годы XX века*. Автореф. дис. ... канд. полит. наук, Москва 1997.
Лопушанская С.П., *Концептуальное ядро русского слова, функционирующего в современном тексте*, [в:] *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр.*, Саратов 2003, с. 259–269.
Лосев А.Ф., *Философия. Мифология. Культура*, Москва 1991.
Лотман Ю.М., *Статьи по семиотике культуры и искусства*, Санкт-Петербург 2002.
Мамонтов А.С., *Язык и культура: сопоставительный аспект изучения*, Москва 2000.
Маслова В.А., *Лингвокультурология. Учебное пособие*, Москва 2001.
Миронюк Л., *Русский язык «до» и «после» перестройки*, „Przegląd Rusycystyczny" 1995, № 3–4, c. 205–211.

Моль А., *Социодинамика культуры*, Москва 2007.

Москвин В.П., *Классификация русских метафор*, [в:] *Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр.*, Волгоград 1996, с. 102–110.

Новикова Э.Е., *Женщина в развитом социалистическом обществе*, Москва 1985.

Никитина С.Е., *О частотных словарях и культурно-языковых картинах мира*, [в:] *Русский язык сегодня*, ред. Л.П. Крысин, Москва 2000.

Нунан К.Н., *Ведет ли сознательность к действию: исследования воздействия перестройки и постперестроечного времени на женщин России*, [в:] *Женщины России – вчера, сегодня, завтра (материалы конференции)*, ред. Э.Б. Ершова и др., Москва 1994, с. 35–41.

Петров В.В., Герасимов В.И., *На пути к когнитивной модели языка*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 23, Москва 1988, с. 5–11.

Пименова М.В., *Класс идеологических концептов*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград 2010, с. 219–233.

Попова З.Д., Стернин И.А., *Понятие концепт в лингвистических исследованиях*, Воронеж 1999.

Попова З.Д., Стернин И.А., *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А., *Семантико-когнитивный анализ языка*, Воронеж 2006.

Попова З.Д., Стернин И.А., *Когнитивная лингвистика*, Москва 2007.

Пушкарева Н.Л., *Женщина в русской семье X – начала XIX веков. Динамика социокультур- ных изменений*, Москва 1997.

Реформатский А.А., *Введение в языкознание*, 4-е изд., доп. и испр., Москва 1967.

Рис Н., *Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа*, «Этнографическое обозрение» 1994, № 5, с. 44–52.

Седов К.Ф., *Дискурс и личность*, Москва 2004.

Сепир Э., *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва 1997.

Сидорова Т.Н., *Труд и современная женщина*, Москва 1981.

Слышкин Г.Г., *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*, Москва 2000.

Соколова Е., *Феминизм в России: между прошлым и будущим*, «Преображение. Русский феминистский журнал» 1995, № 3, с. 22–25.

Солохина А.С., *Концепт „свобода" в английской и русской лингвокультурах.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Волгоград 2004.

Сорокин Ю.А., *Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других)*, «Вопросы языкознания» 1995, № 6, с. 43–53.

Степанов Ю.С., *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва 1997.

Стернин И.А., Попова З.Д., *Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике*, „Respektus Philologicus" 2006, № 10, с. 43–51.

Тараненко А.А., *Языковая семантика в ее динамических аспектах*, Киев 1989.

Тишкин Г.А., *Женский вопрос в истории России*, [в:] *Феминизм и российская культура*, Санкт-Петербург 1995, с. 138–167.

Токарев В.Г., *К вопросу о типологии культурных коннотаций*, «Филологические науки» 2003, № 3, с. 56–63.

Токарев Г.В., *К вопросу о содержании и типологии концептов культуры*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград 2010, с. 299–302.

Удалых Г.Д., *Концепты дружба/друг в славянском языковом сознании*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград 2010, с. 303–308.

Фатеева Н.А., *Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе*, „Stylistyka" 1998, t. VII, c. 159–178.

Фонг М., *Роль женщин в перестройке российской экономики*, Вашингтон 1994.

Хоткина З.А., *Тендерные аспекты безработицы и системы социальной защиты населения*, [в:] *Тендерные аспекты социальной трансформации*, Москва 1996, с. 74–83.

Чинки А., *Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях*, «Вопросы языкознания» 1996, № 2, с. 68–78.

Шинелева Л.Т., *Женщина и общество: декларация и реальность*, Москва 1990.

Шинелева Л.Т., *Новое мышление и женский вопрос*, [в:] *Женский вопрос: точка зрения и подходы к новому осмыслению*, Москва 1991, с. 7–11.

Щирова И.А., *Концептуальный анализ художественного текста: границы и возможности*, [в:] *Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов*, Волгоград 2010, с. 338–343.

Юнг К.Г., *Психологические типы*, Москва 1992.

Яковлева Е.С., *Фрагменты русской языковой картины мира*, Москва 1994.

Ясин А.М., *Языковая картина мира и национальный менталитет*, «Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Филология. Социальные коммуникации», т. 25, № 1, ч. 1, Симферополь 2012.

Anusiewicz J., *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*, Wrocław 1995.

Anusiewicz J., Handke K. (red.), *Płeć w języku i kulturze*, „Język a Kultura" 1994, t. 9.

Bartmiński J., *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin 2006.

Benedyktowicz D., Benedyktowicz Z., *Dom w tradycji ludowej*, Wrocław 1992.

Cieślikowska T., *W kręgu genologii, intertekstualności i teorii sugestii*, Warszawa 1995.

Czapiga A., *Antroponimiczne metafory odzwierzęce w języku polskim, rosyjskim i angielskim*, Rzeszów 2008.

Czapiga A., *Metafora w językowym obrazie świata (na przykładzie pola semantycznego niedźwiedź)*, [в:] *Świat Słowian w języku i kulturze. Językoznawstwo V*, red. E. Komorowska, A. Krzanowska, Szczecin 2006, c. 33–38.

Duszak A., *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*, Warszawa 1998.

Faryno J., *Судьба/Los/Fate*, [в:] *Идеи в России. Ide w Rosji. Ideas in Russia: leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, t. 3, red. A. de Lazari, Łódź 2000, c. 460–462.

Kalaga W., *Mgławice dyskursu. Podmiot, tekst, interpretacja*, Kraków 2001.

Kurcz I., *Język a psychologia. Podstawy psycholingwistyki*, Warszawa 1992.

Kurcz I., *Język a reprezentacja świata w umyśle*, Warszawa 1987.

Korzeniewska-Berczyńska J., *„Homo sovieticus" в зеркале польского и российского общественного сознания. Стереотипы. Мифы. Реальность*, „Acta Polono-Ruthenica" 1996, t. 1, c. 359–367.

Korzeniewska-Berczyńska J., *O pewnych właściwościach rosyjskiego języka posttotalitarnego*, „Przegląd Rusycystyczny" 1992, nr 3–4, c. 65–72.

Korzeniewska-Berczyńska J., *Poszukiwanie drogi do świątyni i anomie demokracji zamiast sacrum. Z problematyki analizy socjolingwistycznej współczesnej publicystyki*, „Studia Rossica" 1994, t. II, c. 181–188.

Korzeniewska-Berczyńska J., *Особенности перестроечной и постперестроечной мифологем (Из опыта анализа публицистического дискурса)*, [в:] *Specimina Philologiae Slavicae* 50: *Русский язык в переломное время: 1985 – 1995 гг.*, München 1996, c. 68–81.

Korzeniewska-Berczyńska J., *Функции художественных цитат в публицистическом тексте*, „Acta Polono-Ruthenica" 2008, t. XIII, c. 415–426.

Modrzejewska K., *Postać kobieca we francuskim dramacie XX wieku*, Opole 1999.

Nycz R., *Intertekstualność i jej zakresy: teksty, gatunki, światy*, „Pamiętnik Literacki" 1990, z. 2, c. 95–116.

Parniewski W., *Homo sovieticus (A. Zinowjew, M. Heller, J. Tischner)*, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria" 1995, z. 37, c. 135–151.

Sitarski A., *Фразеологическая презентация концептуального поля „Память" / „Pamięć" в русском и польском языках*, „Studia Rossica Posnaniensia" 2018, t. XLIII, c. 289–295.

Sławiński J., *Intertekstualność*, [в:] *Słownik terminów literackich*, Wrocław–Warszawa–Kraków 2008, c. 218–219.

Suchanek L., *Aleksander Zinowjew – «pieriestrojka», «katastrojka», gorbaczowizm*, [в:] *Pisarz i władza (od Awwakuma do Sołżenicyna)*, red. B. Mucha, Łódź 1994, c. 220–233.

Suchanek L., *Homo sovieticus. Świetlana przyszłość. Gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa*, Kraków 1999.

Tabakowska E., *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*, Kraków 2001.

Tischner J., *Etyka solidarności oraz Homo sovieticus*, Kraków 1992.

Wierzbicka A., *Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka*, [в:] A. Wierzbicka, *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, Warszawa 2007, c. 16–34.

Witosz B., *Kobieta w literaturze. Tekstowe wizualizacje od fin de siecle'u do końca XX wieku*, Katowice 2001.

Żuk G., *Językowy obraz świata w polskiej lingwistyce przełomu wieków*, [w:] *Przeobrażenia w języku i komunikacji medialnej na przełomie XX i XXI wieku*, red. M. Karwatowska, A. Siwiec, Chełm 2010, c. 239–257.

Żurek M., *Фиксация слов в словарях и изменения в лексической системе языка*, [в:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, red. A. Pstyga, K. Szcześniak, Gdańsk 2002, c. 67–70.

JĘZYKOWY OBRAZ ŚWIATA: AKSJOLOGICZNY POTENCJAŁ KONCEPTÓW W ROSYJSKO-POLSKIEJ KONFRONTACJI (STRESZCZENIE)

Głównym celem tej monografii jest zbadanie potencjału aksjologicznego ważniejszych konceptów, takich jak *los*, *chleb*, *dom*, *matka*, *kobieta*, *niedźwiedź* i *pieriestrojka*. W dwóch rozdziałach, omawiających koncept *kobiety* i koncept *pierestrojki*, przeprowadzono analityczny przegląd specjalnych opracowań leksykograficznych na ten temat. W przypadku rozpatrywanych pojęć przeprowadzono egzemplifikację empiryczną wyznaczników etnicznych, kulturowych i językowych, które charakteryzują narodowe cechy narodu rosyjskiego i polskiego oraz ich języki.

Analizę poprzedza przegląd literatury przedmiotu dotyczącej kognitywistyki, konceptualizacji i językowego obrazu świata. Punktem wyjścia jest teza, że poszczególne koncepty są elementami językowego obrazu świata. W procesie rekonstrukcji językowego obrazu świata, który manifestuje się poprzez wybrane koncepty, wykorzystano różnego rodzaju materiały leksykograficzne oraz źródła historyczne i etnograficzne. Przeprowadzono kompleksową analizę opartą na kryteriach semantycznych, ontologicznych, onomasiologicznych i kulturowych. Założeniem tej analizy jest identyfikacja wielu istotnych aspektów we współczesnym językowym obrazie świata. Analizowane są lingwistyczne sposoby wyrażania kluczowych pojęć; badane ich treści leksykalne, sposoby ich werbalizacji i prezentacji. Koncepty omawiam w kolejnych rozdziałach tej książki.

Rozdział I. Przestrzeń językowo-semiotyczna konceptu *los* w rosyjsko-polskiej konfrontacji

Prezentację tytułowego konceptu zakreśliły w tym rozdziale początkowo słownikowe definicje pojęcia *los*. Jednakże koncept nie jest wyłącznie kategorią językową. Jest to również złożona kategoria mentalna związana zarówno z aksjologią, jak i ze specyfiką etniczno-kulturową. Zatem przy badaniu tych pojęć nieuniknione są porównania międzykulturowe. Ich efektem jest wnioskowanie zarówno o podobieństwach, jak i różnicach etnicznych w postrzeganiu swego przeznaczenia przez Rosjan i Polaków. Mają one swoje odzwierciedlenie w strukturze cech mentalnych i w tradycji obu narodów. Omawiany koncept zawiera w swojej przestrzeni semiotycznej określone stereotypy mentalne,

które są motywowane wydarzeniami historycznymi i kulturowymi. Los oznacza, z jednej strony, wszechmocną siłę, która dominuje nad człowiekiem, z drugiej zaś jest odzwierciedleniem przeznaczenia człowieka, które przybiera różne formy. Sam koncept wywołuje szereg skojarzeń. Rosjanie są bardziej cierpliwi i pogodzeni ze swoim losem w porównaniu z Polakami, są gotowi czekać na to, co jest im sądzone.

Rozdział II. Reprezentacja konceptu *chleb* w rosyjskim i polskim językoznawstwie kulturowym

Celem tego rozdziału jest analiza konceptu *chleb* na podstawie danych wyekscerpowanych głównie z materiałów leksykograficznych. Należy podkreślić, że wartość semantyczna leksemu *chleb* nie jest ograniczona do jego podstawowego znaczenia. Determinują ją w znacznym stopniu również jego znaczenia metaforyczne i metonimiczne. Chleb oznacza nie tylko zwykłe pożywienie wytwarzane z mąki, wody i drożdży, ale także najważniejszy atrybut w ludzkiej egzystencji. Z tego powodu słowo *chleb* jest również używane jako symbol pokarmu w ogóle, czy też środków do życia. Podobne skojarzenia ze słowem *chleb* pojawiają się w obu porównywanych tu językach. Definicje leksykograficzne w tych językach ujawniają wręcz symetryczną odpowiedniość, ale także pewne różnice między strukturami semantycznymi leksemów *хлеб* i *chleb*. Podkreślić przy tym należy, że wartości leksykalno-semantyczne zawarte w obu nominacjach nie ograniczają się do ich znaczeń leksykograficznych. Ważną rolę chleba przedstawiono tu równolegle również w kontekście licznych faktów etnokulturowych i historycznych.

Rozdział III. Kognitywno-semantyczna reprezentacja konceptu *dom* w językach pokrewnych

W rozdziale omówiono pole semantyczne leksemu *dom* w blisko spokrewnionych ze sobą językach. W obu językach dom stanowi wyjątkową wartość egzystencjalną i kulturową. Analiza opiera się na porównaniu artykułów hasłowych. Klucz do rozlicznych podobieństw znajduje się we wspólnych słowiańskich korzeniach obu narodów. Przedstawiono rozmaite realizacje tego komponentu w strukturach paremiologicznych i frazeologicznych. Odzwierciedlają one przywiązanie do rodzinnego domu, jako miejsca wspólnoty bliskich sobie osób, rodzicielstwa, rekreacji, a także miejsca kultywowania tradycji rodzinnej, obrzędów i świąt. Prawdziwy dom kojarzymy z rodziną, z którą można przezwyciężyć wszelkie trudności. Dom to przestrzeń osobista i rodzinna, która chroni od tego, co obce i nieznane, daje całkowitą wolność i bezpieczeństwo. Słowo *dom* jest symbolem. Zakodowane są w nim różne sensy, z których ważne są zarówno definicje słownikowe, jak i konotacje, skojarzenia oparte na wspólnej pamięci kulturowej. Jako koncept przechowuje zbiorową pamięć i dlatego ma specyficzną wartość etniczno-kulturową. Jego przestrzeń semantyczną wypełnia zatem wiedza zarówno językowa, jak i ta pozalingwistyczna.

Rozdział IV. Model językowo-semiotyczny konceptu *matka* w rosyjskiej i polskiej lingwokulturze

W rozdziale przedstawiono analizę językowo-kulturową pojęcia *matka* w języku rosyjskim i polskim. Pojęcie to odnosi się do kategorii podstawowych pojęć w obu przestrzeniach językowych. Obserwacja konceptualizacji obrazu *matki* pozwoliła zakreślić pole semantyczne omawianego konceptu i sposoby jego językowej nominacji. Kojarzymy je nie tylko z rodzicielką, ale też z osobą najbliższą. Nikt nie jest w stanie jej zastąpić dziecku. Wyróżnia się wyjątkową życzliwością, miłością i cierpliwością. Jest najbardziej lojalną i niezawodną przyjaciółką, która nigdy nie zawiedzie i zawsze będzie wspierać. Nie ma wątpliwości, że zarówno w rosyjskim, jak i polskim językowym obrazie świata matkę uważa się za osobę najważniejszą i najbliższą. W rozdziale omówiono podobieństwa i różnice między polskim a rosyjskim postrzeganiem obrazu *matki*. W rosyjskiej przestrzeni językowej i kulturowej jest ona symbolem ojczyzny, obraz matki ją personifikuje. Świadomość poznawcza Polaków obejmuje raczej inne znaki, w tym znaki sakralne, chociaż definicje słownikowe tego wyraźnie nie potwierdzają. Przymioty matki odzwierciedlają też liczne określenia synonimiczne.

Rozdział V. Leksykograficzny portret *kobiety*. Transformacja konceptu

Tytułowy portret bazuje na systematyzacji materiału językowego, którą zaproponował w specjalnym leksykonie Nikołaj Kolesnikow. W jego centrum znajduje się kobieta z całym bogactwem jej nominacji, bowiem słownik rejestruje ponad siedem tysięcy feminizmów. Zagospodarowują one znaczącą przestrzeń korpusu leksykalnego z uwagi na szeroki wachlarz rozmaitych aktywności kobiet: w kręgu rodzinnym, w różnych dziedzinach życia publicznego, w dziedzinie nauki, technologii, sportu itp. Kobiety sprawują różne funkcje i wykonują wielorakie zadania, zajmują różne stanowiska. W rozdziale tym prezentuję dynamikę, mobilność i wieloaspektowość nominacji kobiet. Analiza odtwarza wizerunek kobiet po rewolucji 1917 roku. Liczne ekscerpty oddają atmosferę ich ciężkiej, wręcz morderczej pracy w tych czasach, w tym atmosferę pierwszych planów pięcioletnich. Z kolei inne nominacje zarysowują obraz kobiety wiejskiej, jej pracę w kołchozie itp. Los kobiet był okrutny w czasie wojny i w okresie powojennym, co również odzwierciedlają feminizmy. W nowszej rzeczywistości uzyskały one inny status w wyniku różnych zmian społecznych i kulturowych. W zmieniających się warunkach zarysowują się nowe strategie dla kobiet. Zmienia się ich wizerunek i styl życia, czego dowodzą analizowane nominacje.

Rozdział VI. Analiza semantyczno-kognitywna konceptu *niedźwiedź*

W przestrzeni językowo-kulturowej Rosji obraz niedźwiedzia zajmuje szczególne i w dużej mierze symboliczne miejsce. W etymologii ludowej przypisano mu niezwykłe miejsce, ponieważ wskazuje się jego ludzkie pochodzenie, a związek człowieka z niedźwiedziem znajduje odzwierciedlenie w wielu wierzeniach, legendach

i baśniach. W rozdziale tym analizie poddano różnorodne definicje słownikowe leksemu *niedźwiedź* w obu językach pokrewnych. Wykorzystano w tym celu również leksykony synonimów. Skupiono się też na wyrażeniach paremiologicznych i frazeologicznych z komponentem *niedźwiedź* w rozmaitych zakresach tematycznych, jak sił, postura, sposób zachowania i przemieszczania się etc. Jego obraz w sposób metaforyczny manifestuje się w rozmaitych sytuacjach życiowych ludzi, związanych chociażby z brakiem zdolności muzycznych, czy też z nieumiejętną, niezręczną przysługą, która miast pomagać, tylko szkodzi. Skupiono się na znaczeniach tego zoononimu, które odnoszą się do charakterystyki cech osobowych, co koreluje z antropocentrycznym paradygmatem współczesnych badań.

Rozdział VII. Przestrzeń socjolingwistyczna konceptu *pieriestrojka*

Zmiany językowe w największym stopniu manifestują się w okresach historycznych przełomów. Widocznym znakiem tych przemian była również transformacja ustrojowa w byłym ZSRR zapoczątkowana w połowie lat 80. minionego stulecia. Wraz z pieriestrojką przyszedł czas na odmitologizowanie leksyki, przede wszystkim leksyki politycznej i partyjnej. Dynamizm przemian zachodzących w korpusie leksykalnym ilustrują rozliczne procesy słowotwórcze. Por. formy i modele słowotwórcze związane z kluczowym leksemem *перестройка*: *антиперестройка, контрперестройка, постперестройка, перестроечник, перестройщик, антиперестроечник, предперестроечный, полуперестройка, лжеперестройка,* a także kontaminacje typu *горбостройка, катастройка, порностройка*. O charakterze procesów słowotwórczych świadczą również neosemantyzmy typu *афганец, афганка, Чернобыль, чернобылец.* Analizowany materiał leksykalny wyekscerpowano z reprezentatywnego kanonu słowników, bazujących w dużej mierze na tekstach publicystycznych i literackich. Ekscerpty pochodzą również ze specjalistycznej literatury naukowej, środków masowego przekazu oraz z Internetu.

* * *

W każdej społeczności etnicznej językowy obraz świata manifestuje się poprzez swój własny język. Ponieważ systemy językowe różnią się, konsekwencją tego są zróżnicowane obrazy świata poszczególnych grup etnicznych, które wykazują swoje własne cechy i wartości. Można powiedzieć, że każda społeczność językowa ma specyficzny sposób postrzegania oraz oceny świata i otaczającej rzeczywistości. Nasz język narzuca własną strukturę odzwierciedlenia tej rzeczywistości. Rozpatrzone w monografii koncepty, które zostały zakodowane w języku, są obiektem naszego poznania i wiedzy o ludzkiej działalności w rozmaitych obszarach życia. Analiza wybranych konceptów pozwoliła w znacznym stopniu ujawnić zarówno ogólne wartości egzystencjalne i kulturowe, jak i specyfikę ich funkcjonowania, a także określić znaczenie tego problemu dla porównywalnych grup etnicznych.

LANGUAGE IMAGE OF THE WORLD: AXIOLOGICAL POTENTIAL OF CONCEPTS IN RUSSIAN-POLISH CONFRONTATION
(SUMMARY)

The main aim of this monograph is to examine an axiological potential of more important concepts such as *fate, bread, home, mother, woman, bear,* and *perestroika* (*судьба / los*, *хлеб / chleb*, *дом / dom*, *мать / matka*, *женщина / kobieta*, *медведь / niedźwiedź* and *перестройка / pieriestrojka* accordingly). In two chapters exploring the concept of *woman* and concept of *perestroika*, an analytical review of special lexicographic compilations on the subject was performed. In case of the analysed concepts, an empirical exemplification of ethnic, cultural and language markers characterizing national features of Russian and Polish nations and their languages was conducted.

The analysis is preceded by a review of the literature on subject concerning cognitive studies, conceptualization, and language image of the world. Our starting point is the thesis that particular concepts are elements of language image of the world. In the process of reconstructing language image of the world manifesting itself through selected concepts, a variety of lexicographic materials and historical and ethnographic sources were used. A complex analysis was conducted based on semantic, ontological, onomasiological and cultural criteria. The premise of the analysis is identification of crucial aspects of contemporary language image of the world. Linguistic ways of expressing key concepts are analysed and their lexical content and ways of verbalizing and presenting are studied. The concepts are discussed in the following chapters of the book.

Chapter I. Semio-lingual space of the concept of fate in Russian-Polish confrontation

Presentation of the titular concept is initially outlined by dictionary definitions of the term *fate*. However, the concept is not solely a language category. It is also a complex mental category connected both with axiology and ethnic and cultural specificity, thus cross-cultural comparisons are inevitable when researching the concepts. They result in conclusions on ethnic similarities and discrepancies between the perception of fate by Russian and Polish people. They are reflected in the structure of mental characteristics and traditions of both nations.

The discussed concept contains in its semiotic space distinct mental stereotypes, motivated by historical and cultural events. Fate denotes, on one hand, an omnipotent force dominating over a human being, on the other a reflection of a person's destiny taking different forms. The concept itself brings about a variety of connotations. Russians are more patient and resigned in comparison to Polish people, they are willing to wait and accept what life brings to them.

Chapter II. Representation of the concept of *bread* in Russian and Polish cultural linguistics

The aim of this chapter is to analyse of the concept of *bread* based on data excerpted mainly from lexicographic materials. It must be stressed that semantic value of the lexeme *bread* is not limited to its basic meaning. It is also determined in a high degree by its metaphorical and metonymical meanings. Bread is not only common food created from flour, water, and yeast, but also the most important attribute of human existence. That is why the word *bread* is used as a symbol of food in general or any means to survive. Similar connotations of the word *bread* can be observed in both compared languages. Lexicographical definitions in both languages reveal almost a symmetrical synonymity, however they also expose some differences between semantic structures of lexemes *хлеб* and *chleb*. It should be emphasized that lexical and semantic values contained in both nominations are not limited to their lexicographical meanings. The important role of bread is presented parallelly also in context of multiple ethnocultural and historical facts.

Chapter III. Semio-cognitive representation of the concept of *home* in the related languages

The chapter explores semantic space of lexeme *home* in closely related languages. In both of them home constitutes an exceptional existential and cultural value. The analysis is based on comparison of dictionary entries. The key to multiple similarities lies in common Slavic roots of both nations. Numerous realizations of the component in paremiological and phraseological structures are presented, and they reflect a strong connection to family home as a place of community, parenthood, recreation, cultivating family tradition, rites, and holidays. Real home brings up connotations with family that can help each other in overcoming all adversities. Home is a personal and family space, protecting people from the unknown and uncanny, and at the same time providing freedom and safety. The word *home* is a symbol. Various senses are encoded within it and all of them are relevant – dictionary definitions, connotations and associations based on collective cultural memory. As a concept it is a vessel of collective memory and that is why is possesses a specific ethnic and cultural value. Thus, its semantic space is filled with both lingual and extralingual knowledge.

Chapter IV. Semio-lingual model of the concept of *mother* in Russian and Polish linguoculture

The chapter presents a linguo-cultural analysis of the construct of *mother* in Russian and Polish language. It refers to the category of basic concepts in both language spaces. Observation of conceptualization of the image of *mother* allowed to outline its semantic space and ways of language nomination. It is associated not only with a child-bearer, but also the closest person, irreplaceable for a child. She is exceptionally benign, loving and patient, the most loyal and reliable friend, never failing and offering unconditional support. There is no doubt that both in Russian and Polish language images of the world mother is considered to be the most important and closest person. The chapter studies similarities and differences between Polish and Russian perception of the image of *mother*. In Russian language and cultural space, she is a symbol of motherland, personified by the image of mother. Cognitive awareness of Polish people includes rather different signs, including sacral ones, however it is not explicitly proven by dictionary definitions. Features of mother are reflected by numerous synonymic expressions.

Chapter V. Lexicographical portrait of *woman*. Transformation of the concept

The titular portrait is predicated on systematization of language material proposed by Nikolaj Kolesnikov in his special lexicon. At its core lies woman with all the richness of nominations, because the dictionary registers over seven thousand feminines. They cover a vast space of lexical corpus because of a wide variety of women's activity: in the family circle, public life, science, technology, sport etc. Women execute different functions, perform multiple tasks an occupy varied positions. This chapter presents dynamics, mobility and multiaspectuality of nomination of women. The analysis recreates the image of woman after the revolution of 1917. Numerous excerpts reflect the atmosphere of their hard, almost deadly work at the time, as well as the mood of first 5-year plans. Other nominations paint the portrait of a rural female, her work in a kolkhoz etc. During and after the war their life was cruel, the fact which is also reflected by feminines. In the new reality, women achieved a different status thanks to social and cultural changes, and new changing conditions provide women with new opportunities. Their image and lifestyle are changing, which is proven by analysed nominations.

Chapter VI. Semantic and cognitive analysis of the concept of *bear*

In Russian linguo-cultural space the image of bear takes a special and highly symbolic place. Folk etymology gives it an extraordinary position indicating its human origin and human's close connection with bear is reflected in many beliefs, legends, and folk tales. In this chapter diverse dictionary definitions of the lexeme *bear* in related languages are analysed. Lexicons of synonyms were used for this purpose as well. The focus is on paremiological and phraseological

expressions with the component *bear* in varied thematic ranges such as power, posture, behaviour, movement etc. Bear's image metaphorically manifests itself in multitude of daily situations, connected for example with the lack of musical skills or ungainly, inept favor that hurts the recipient instead of helping them. The focal point is meanings of the zoonym referring to characteristics of personal features, what correlates with anthropocentric paradigm of contemporary research

Chapter VII. Socio-lingual space of the concept of *perestroika*

Language changes manifest themselves in the highest degree in the times of historical breakthroughs. A visible sign of the changes was a political transformation in the former USSR ignited in the middle of the eighties of the past century. Along with perestroika came the time of demythologizing lexis, especially one connected with politics and the party. Perestroika brought about cardinal changes in Russian vocabulary, which are reflected in i.e. dynamic word formation processes, multiple neologisms, and acronyms. Lexical units show high derivative activity in that period. Lexical resource was enriched or updated with vocabulary connected with bygone and new reality of social and political life of Russia. Semantic structure of words underwent a regrouping of meaning components and lexical units often started functioning in a meaning far from the traditional one. During perestroika, the status of some vocabulary changed along with their connotations. Some part of lexical resource evolved from having a pejorative connotation to a positive one. The aforementioned issues are a subject of the analysis presented in this chapter.

* * *

In each ethnic community language image of the world manifests itself through its own language. Language systems differ and it results in varied images of the world of particular ethnic groups, demonstrating own features and values. It can be said that each language community has a specific way of perceiving and evaluating the world and surrounding reality. Our language imposes its own structure of reflecting this reality. Concepts discussed in this monograph were encoded in the language and are an object of our cognition and knowledge of human activity in multiple areas of life. The analysis of selected concepts allowed to reveal general existential and cultural values along with the specificity of their functioning, as well as to determine the importance of this issue for comparable ethnic groups.

ОТ РЕДАКЦИИ ОБ АВТОРЕ

Ярослав Вежбиньски – языковед, доктор филологических наук, профессор, директор Института русистики Лодзинского университета, заведующий Кафедрой языкознания.

В 1971 году поступил на филологический факультет Университета им. Адама Мицкевича в Познани. После первого курса был направлен по решению Министерства Высшего Образования в качестве стипендиата в Ростов-на-Дону, где продолжил обучение на отделении русской филологии и журналистики Ростовского университета (ныне Южный федеральный университет).

Дипломную работу о языковом своеобразии «Тихого Дона» Михаила Шолохова защитил в 1976 году, получив диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру.

В 1984 году защитил в Ростовском университете кандидатскую диссертацию «Антонимо-синонимические отношения в лексике (на материале художественных произведений А.П. Чехова».

В 2000 году защитил на филологическом факультете Лодзинского университета докторскую диссертацию об идиолекте Михаила Зощенко «Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki» (изд-во Лодзинского ун-та, 1999).

Ученое звание профессора ему было присвоено в 2013 году за монографию «Языковой монументализм в России XX века (Диахроническая экспликация научных парадигм)» (изд-во Лодзинского ун-та, 2012).

Занимается вопросами семантики, прагматики и стилистики художественных текстов, функционирования в них категорий лексической семантики, изучением идиолекта А. Чехова, М. Шолохова, В. Маяковского, М. Зощенко и др. Интересуется теоретическими проблемами лингвистики текста и вопросами функциональной стилистикой. Круг научных интересов связан также с политическим дискурсом, лексикологией и ономастикой. Значительное внимание уделяет в своих разработках проблемам социолингвистическим, лингвокультурологическим и лингвокогнитологическим.

Имеет более 150 опубликованных работ, среди них: шесть монографий, два учебные пособия, редактирование и соредактирование 13 книг, автореферат, около 90 статей, 40 других разработок (рецензии, тезисы, предисловия, научные биографии), а также 18 переводов с польского языка на русский и наоборот.

Его труды опубликованы как в Польше, так и за рубежом: в России, Белоруссии, на Украине, в Киргизии, Казахстане, Литве, Чехии, Болгарии, Венгрии, Германии, Испании и США.

Книжные публикации (монографии и пособия):

1. *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michała Zoszczenki*, Łódź: Wyd. UŁ, 1999, 176 c.

2. *Языковой монументализм в России XX века (Диахроническая экспликация научных парадигм) / Monumentalizacja języka w Rosji XX wieku (Eksplikacja diachroniczna paradygmatów naukowych)*, Łódź: Wyd. UŁ, 2012, 263 c.

3. *Семантика идиостиля А.П. Чехова (на материале антонимических и смежных образований) / Semantyka idiolektu Antoniego Czechowa (na materiale relacji antonimicznych i zjawisk pokrewnych)*, Łódź: Wyd. Primum Verbum, 2013, 116 c.

4. *Михаил Зощенко: текстологические исследования и анализы, семантика и стилистика / Michał Zoszczenko: studia i analizy tekstologiczne, semantyka i stylistyka*, Łódź: Wyd. UŁ, 2017, 128 c.

5. *Szkice ze stylistyki lingwistycznej / Очерки по лингвостилистике*, Łódź: Wyd. UŁ, 2017, 141 c.

6. *Языковая картина мира: аксиологический потенциал концептов в русско-польском сопоставлении / Językowy obraz świata: aksjologiczny potencjał konceptów w rosyjsko-polskiej konfrontacji*, Łódź: Wyd. UŁ, 2020, 116 s.

7. *Морфемика. Морфонология. Словообразование (учебное пособие по русскому языку) / Morfemika. Morfonologia. Słowotwórstwo (skrypt do nauki języka rosyjskiego)*, Тернополь: Изд-во „Studia Methodologica", 2009, 58 c.

8. *Semantyka słowa. Kategorie semantyki leksykalnej (podręcznik do nauki języka rosyjskiego) / Значение слова. Категории лексической семантики (учебное пособие по русскому языку*, Łódź: Wyd. Primum Verbum, 2011, 95 c.

Сотрудничает с вузами в Польше, а также с заграничными научными центрами в Гиссене, Магдебурге, Москве, Волгограде, Смоленске, Казани, Киеве, Алматы, Софии, Великом Тырнове, Шумене. Сотрудничество проявляется в организации и участии в международных конференциях и в совместных публикациях, о чем свидетельствуют, в частности, два тома, изданных с Институтом славистики в Гиссене трудов серии „Beiträge zur Slavistik" (том 39: *Textsemantik und Textstilistik*, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien: Peter Lang 1999, 328 c.; том 47: *Слово в тексте, переводе и словаре*, Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien: Peter Lang, 2002, 497 c.), а также, совместно с тем же институтом, двух томов академической серии „Folia Linguistica Rossica": третий том на тему *Semantyka i pragmatyka tekstu* (Łódź 2007, 200 c.) и шестой том на тему *Język – komunikacja międzykulturowa – tekst i jego interpretacja* (Łódź 2010, 198 c.). Периодически выступает с докладами по программе мобильности Эразмус (Гиссен, Вильнюс, София, Велико Тырново, Шумен, Острава, Милан, Стамбул), а также в рамках договоров о сотрудничестве (Москва, Волгоград, Алматы, Гиссен).